

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Бл. Августин

Творения
Том четвертый
Часть 3

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Во второе воскресение мертвых, имеющее быть для тел, Иоанн, соответственно данному ему откровению, говорит: “И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места” (Апок. XX, 11). Не говорит: “Видел я престол великий и белый, и Сидящего на нем, и от лица Его бежало небо и земля, потому что это совершилось не в то время”, т. е. прежде суда над живыми и мертвыми; но сказал, что видел сидящим на престоле Того, от лица Коего бежало небо и земля, — бежало, но потом. Ибо это небо и эта земля перестанут существовать уже после совершения суда, тогда, когда явится небо новое и земля новая. Мир этот перейдет не в смысле совершенного уничтожения, а вследствие изменения вещей. Почему и апостол говорит: “Проходит образ мира сего. А я хочу, чтоб вы были без забот” (I Кор. VII, 31, 32). Уничтожится образ его, но не природа.

Итак, сказав, что видел сидящим на престоле Того, от лица Коего бежало небо и земля, что имеет быть потом, Иоанн говорит: “И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно делам своим” (Апок. XX, 12). Сказал, что открыты были книги и еще одна книга, но о последней не умолчал, какого рода эта книга. Книга эта, говорит он, есть книга жизни каждого. Следовательно, под теми книгами, о которых он сказал прежде, нужно разуметь книги священные, как древние, так и новые; так что в этих книгах показывалось, что повелел Бог Своими заповедями делать, а в той, которая есть книга жизни, что из повеленного каждый сделал или не сделал. Если последнюю книгу представлять телесным образом, — кто в состоянии определить ее величину и длину? Или сколько бы времени потребовалось на прочтение книги, в которой описана вся жизнь всех и каждого? Разве не предстанет ли такое же число ангелов, в каком числе будут люди, и каждый из людей будет слушать свою жизнь, читаемую от приставленного к нему ангела? Но в таком случае, книга была бы не одна для

всех, но отдельная для каждого. Между тем, давая разуместь, что книга эта будет одна, Писание говорит: “И иная книга раскрыта”.

Итак, нужно представлять некую божественную силу, действием которой воспроизведется в памяти и с удивительной живостью встанут перед умственным взором каждого все дела его, как добрые, так и злые; так что знание осудит или оправдает совесть, и таким образом будут судимы совместно все и каждый. Эта божественная сила, очевидно, и получила название книги. В ней как бы читается то, что по действию ее воспроизводится в памяти. А чтобы показать, какие это мертвые, малые и великие, имеют быть судимы, он, как бы по воспомина-нию возвращаясь снова к тому, что прежде опустил или, вернее, отложил на время, говорит: “Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них” (Апок. XX, 13). Это совершилось, несомненно, раньше, чем мертвые были судимы; и, однако же, о суде сказано прежде. Поэтому-то я и сказал, что он по воспоминанию возвратился к тому, что опустил. Теперь же он держится порядка, и чтобы сам порядок этот уяснился, находит уместным повторить в данном случае сказанное уже прежде о суде над мертвыми. Сказав: “Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них”, он тотчас же прибавляет то, о чем уже упомянул несколько выше: “И судим был каждый по делам своим”.

Глава XV

Но кто эти мертвые, которых отдало море? Ведь нельзя же полагать, чтобы умирающие в море не были в аду, или чтобы тела их сохранились в море, или, что было бы еще нелепее, чтобы море содержало добрых мертвецов, а ад — злых. Кому придет в голову подобная мысль? Вполне основательно думают некоторые, что в этом случае слово “море” употреблено в смысле настоящего века. Итак, давая разуместь, что вместе с теми, которые воскреснут,

будут подлежать суду и те, которых Христос застанет здесь еще в телах, он назвал и их мертвыми, причем как добрых, о которых говорится: “Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге” (Кол. III, 3), так и злых, о которых сказано: “Предоставь мертвым погребать своих мертвецов” (Мф. VIII, 22). Мертвыми они могут быть названы уже потому, что носят смертные тела; почему и апостол говорит: “Тело мертво для греха, но дух жив для праведности” (Рим. VIII, 10), — говорит, показывая, что то и другое, и мертвое тело, и живой дух, существует в человеке живущем, находящемся в этом теле. И не назвал плоть смертной, а назвал мертвой; хотя несколько ниже называет те же самые тела более употребительным словом — смертными (Рим. VIII, 11). Итак, отдало море мертвых, бывших в нем, т. е. отдал настоящий век людей, которые в нем находились, потому что еще не умерли. “И смерть и ад отдали мертвых, которые были в них”. Море отдало, потому что они предстали так, как были застигнуты; смерть и ад возвратили, потому что их снова призвали к жизни, которая уже миновала.

Возможно, что были основания, по которым недостаточно было сказать просто “смерть” или “ад”, но должно было быть сказано то и другое: смерть — в применении к добрым, которые могли претерпеть только смерть, но не быть в аду; ад — в применении к злым, которые несут наказание и в аду. Ибо если не безосновательно представляется вера, что и древние святые, исповедавшие веру в непришедшего еще Христа, находились хотя и в весьма удаленных от мучений нечестивых местах, но все же в аду, пока не извлекла их оттуда кровь Христова, проникающая и в те места; то совершенно в порядке вещей, если добрые верующие после того, как эта цена искупления уже пролита, вовсе не ведают ада, пока, по восприятию самих тел, не воспримут те блага, какие заслужили. Сказав же: “И судим был каждый по делам своим” (Апок. XX, 13), (автор) поясняет кратко, как они были судимы. “И смерть и ад, — говорит, — повержены в озеро огненное” (Апок. XX, 14); этими именами он обозначает как диавола, так как он был виновником и смерти, и казней адских,

так и все общество демонов. Это то же самое, что говорил он и выше, но с большей ясностью: “А диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное”. Затем он прибавил нечто менее понятное: “Где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков” (Апок. XX, 10). Но то, что он там прибавил с большею темнотою, то говорит здесь яснее: “И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное” (Апок. XX, 15). Не для напоминания Богу эта книга, не для того, чтобы не забыл Он, она указывает на предназначение тех, кому дана будет жизнь вечная. Бог знает их и не читает этой книги, чтобы знать. Само предведение Его о них, которое обманываться не может, и есть эта книга жизни, в которую они записаны, т. е. предузнаны.

Глава XVI

По окончании суда, на котором он предсказал осуждение злых, остается ему сказать и о добрых. Он объяснил уже сказанное Господом в кратких словах: “И пойдут сии в муку вечную”; требовалось объяснить и непосредственно следующие за этим слова: “А праведники в жизнь вечную” (Мф. XXV, 46). “И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уж нет” (Апок. XXI, 1). Это будет в том порядке, о котором, предваряя, он уже сказал выше, что видел Сидящего на престоле, от лица Коего бежало небо и земля (Апок. XX, 11). По осуждении тех, которые не записаны в книге жизни, и по ввержении их в огонь вечный (какого рода этот огонь и в какой части мира или вселенной он будет, полагаю, не знает никто из людей, разве что тот, кому откроет Дух Святой), пройдет образ мира сего через истребление его мировыми огнями, подобно тому, как потоп совершился через наводнение мировыми водами. Итак, в этом, как сказал я, мировом пожаре, уничтожатся от огня те свойства тленных стихий, которые соответствовали нашим тленным телам, а сама субстанция получит такие свойства, которые через удивительное изменение

скажутся соответствующими телам бессмертным; так что мир, обновившись к лучшему, получит полное приспособление к людям, обновившимся к лучшему и по плоти. Относительно же слов: “И моря уж нет”, я затрудняюсь сказать, иссушится ли оно, или также обратится в нечто лучшее. Ибо мы читаем, что небо будет новым и земля новой, но я не упомяну, чтобы где-либо читал о новом море, за исключением тех мест этой же книги, где сказано о “море стеклянном, подобном кристаллу” (Апок. IV, 6; XV, 2). Но в тех случаях не идет речь о конце века, да и о море говорится, похоже, не в собственном смысле слова, а как бы о море. Впрочем, так как пророческая речь любит к прямым выражениям примешивать переносные, то и в словах: “И моря уж нет” может идти речь о том море, которое “отдало мертвых, бывших в нем” (Апок. XX, 13). Ибо тогда этот мятежный и бурный век, подразумеваемый под именем моря, не будет уже жизнью смертных.

Глава XVII

“И я Иоанн увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их; и отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое” (Апок. XXI, 2 — 5). Говорится, что город сходит с неба, потому что благодать, по которой Бог творит его, небесная. Почему Он говорит ему через Исаию: “Я, Господь, творю это” (Ис. XLV, 8). Правда, нисходит он с неба с самого начала, с того времени, как граждане его в течение этого века по благодати Божией, сходящей свыше, возрастают через купель возрождения в Духе Святом, ниспосланном с неба. Но по суду Божию, который будет последним судом через Сына Его — Иисуса Христа, град этот по дару Божию явится

в таком великом и новом блеске, что не останется никаких следов ветхости; так как и сами тела от ветхого тления и смертности перейдут к нетлению и бессмертию.

Относить же это к тому времени, когда он царствует с царем своим тысячу лет, на мой взгляд, было бы крайним бесстыдством; ибо он совершенно ясно говорит: “И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет”. Кто же будет так глуп и до такого сумасбродства упрям, что осмелится утверждать, чтобы, не говоря святой народ, а хоть бы кто-либо из святых, ведущий или уже прошедший настоящую бедственную жизнь, не знал ни слез, ни скорбей; когда, напротив, чем кто святее, чем более исполнен святым желанием, тем обильнее его плач в молитве? Или это голос не гражданина горнего Иерусалима: “Слезы мои были для меня хлебом день и ночь” (Пс. XLI, 4)? И еще: “Каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою” (Пс. VI, 7). Еще: “Воздыхание мое не сокрыто от Тебя” (Пс. XXXVII, 10). Еще: “Скорбь моя подвиглась” (Пс. XXXVIII, 3). Или (это голос) не Его сына (о том), что стенают под бременем, потому что не хотят совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью (II Кор. V, 4)? Не о тех ли речь, которые, имея начаток Духа, сами в себе стенают, ожидая усыновления, искупления тела своего (Рим. VIII, 23)? Или же сам апостол Павел не был вышним иерусалимлянином, и не тогда ли и был им по преимуществу, когда терпел великую печаль и непрестанное мучение сердцу своему за израильян, братьев своих по плоти (Рим. IX, 2, 3)? Да и когда в том граде не будет смерти, как не в то время, когда будет сказано: “Смерть! где твое жало? Жало же смерти — грех” (I Кор. XV, 55, 56). Этого, конечно, не будет тогда, когда будет спрошено: “Где?” А в настоящее время не какой-нибудь самый последний гражданин этого града, а тот же Иоанн в послании своем восклицает: “Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас” (I Иоан. I, 8).

Правда, в этой книге, называемой Апокалипсисом, многое говорится прикровенно, чтобы дать упражнение

уму читателя, и немного в ней есть такого, что своею ясностью дает возможность привести к уразумению остальное, пускай и с трудом; хотя бы потому, что книга повторяет одно и то же так многообразно, что кажется, будто она говорит все новое и новое, между тем как при исследовании обнаруживается, что говорится разными словами то же самое. Но в этих словах, когда он говорит: “И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет”, столь недвусмысленно говорится о будущем веке и о бессмертии и вечности святых (ибо только тогда и только там этого не будет), что мы не должны уже искать или находить в священном Писании ничего ясного, если это сочтем прикровенным.

Глава XVIII

Теперь посмотрим, что писал об этом суде апостол Петр. “Знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: “где обетование пришествия Его? ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же”. Думающие так не знают, что в начале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков. Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем мы, по обетованию Его, ожи-

даем нового неба и новой земли, на которых обитает правда” (II Пет. III, 3 — 13).

О воскресении мертвых он здесь ничего не говорит, но о разрушении этого мира говорит достаточно. Упомянув при этом о совершившемся прежде потопе, он, по-видимому, определяет некоторым образом тот объем, в каком мы должны представлять себе разрушение этого мира в конце настоящего века. Ибо, по его словам, и в то время погиб бывший тогда мир; не только шар земной, но и небеса, под которыми, конечно, мы понимаем эти воздушные небеса, место и пространство которых покрыла поднимавшаяся в то время вода. Итак, весь или почти весь этот образующий ветры воздух (называет он его небом или небесами, но в смысле, конечно, этих низших, а не тех высших небес, в которых размещены солнце, луна и звезды) был обращен во влагу, и таким образом погиб вместе с землею, первоначальный вид которой был совершенно разрушен потопом. “А нынешние, — говорит, — небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков”.

Итак, эти небеса и эта земля, т. е. этот мир, восстановленный вместо того мира, который погиб от потопа, из той же воды, в свою очередь, сберегается огню на день суда и погибели нечестивых людей. Не колеблясь говорит он и о будущей гибели людей, хотя природа их сохранится даже в вечных мучениях. Но, может быть, кто-нибудь спросит: “Если по окончании суда этот мир будет объят пламенем, то прежде, чем его заменят новое небо и новая земля, где во время этого пожара будут находиться святые, так как, имея тела, они по необходимости должны быть в каком-нибудь пригодном для тела месте?” На это мы можем ответить, что они будут находиться в высших пространствах, куда так же не достигнет пламя того пожара, как не достигала вода потопа. Ибо у них будут такие тела, что будут находиться там, где пожелают. Впрочем, сделавшись бессмертными и нетленными, они не побоятся и самого огня; смогли же остаться живыми в раскаленной печи тленные и смертные тела трех мужей (Дан. III, 24).

Глава XIX

Чтобы иметь возможность когда-нибудь закончить эту книгу, я вынужден опустить множество евангельских и апостольских изречений об этом последнем божественном суде; но никоим образом не нахожу возможным обойти апостола Павла, который, обращаясь к фессалоникийцам, говорит: “Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами (посланного), будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, — и тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего, того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все не веровавшие истине, но возлюбившие неправду” (II Фес. II, 1 — 12).

Никто не сомневается, что апостол говорил это об антихристе; и говорил, что день суда (ибо это его он называет днем Христовым) не наступит прежде, чем придет тот, кого он называет беззаконником. Если последнее название вполне применимо ко всем нечестивым, то не тем ли более к нему? Но неизвестно, в каком сядет он храме Божиим: на развалинах ли того храма, который был построен царем Соломоном, или в церкви. Ибо храма

какого-нибудь идола или демона апостол не назвал бы храмом Божиим. Поэтому некоторые хотят разуместь в этом месте под антихристом не самого князя, а как бы все тело его, т. е. вместе с князем и всю принадлежащую ему массу людей; и полагают, что было бы правильнее и по-латыни читать это место так, как читается по-гречески: сядет не “в храме Божиим”, а “в храм Божий”, как будто бы сам он был храмом Божиим, под которым разумеется Церковь, как, например, мы говорим “сидит в друга”, т. е. как друг, и т. п. Говоря же: “И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время”, т. е. вы знаете, что его удерживает, в чем причина его промедления, он дал понять, что они-то знают, а он не хочет говорить об этом открыто. А потому мы, не знающие того, что знали они, при всем своем желании не в состоянии уяснить себе того, что разумел апостол; это тем более, что последующие слова его затемняют этот смысл. Ибо что значит выражение: “Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, — и тогда откроется беззаконник”? Признаюсь, я не понимаю этих слов. Не скрою, однако, тех человеческих догадок, какие мне пришлось слышать или читать.

Некоторые думают, что в этом случае речь шла о римской власти и что апостол Павел не хотел писать об этом открыто из опасения подвергнуться преследованиям из-за недоброжелательного отношения к этой власти, которую многие считали вечной, так что говоря: “Тайна беззакония уже в действии”, он якобы имел в виду Нерона, действия которого казались ему действиями антихриста. Поэтому иные делали предположения, что Нерон воскреснет и будет антихристом. Другие же полагали, что он и не убит, а скорее скрыт, чтобы считали его убитым; и что в то время, как его считают убитым, он скрывается, сохраняя свой возраст, и будет так скрываться до тех пор, пока в свое время не откроется и не восстановится на царство. Но такого рода предположения мне кажутся слишком странными.

Что же касается слов апостола: “Только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь”, то в них не без основания видят речь о самой римской власти, как если бы было сказано: “Только повелевающий ныне да повелевает, пока не будет взят от среды удерживающий теперь”, т. е. пока не выбудет из среды. “И тогда откроется беззаконник”. Никто не сомневается, что под этим именем разумеется антихрист. Иные же думают, что и слова апостола: “Тайна беззакония уже в действии” относятся не более, как к злым и притворным, которые находятся в Церкви, пока не возрастут до такого числа, что составят для антихриста великий народ; что это и есть “тайна беззакония”, так как представляется скрытой. Верующих же апостол-де увещевает пребывать твердо в вере, которую содержат, говоря: “Не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь”, т. е. пока не выйдет из среды Церкви тайна беззакония, которая в настоящее время скрыта. Полагают, что к этой самой тайне относится то, что говорит евангелист Иоанн в своем послании: “Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время. Они вышли от нас, но не были наши; ибо, если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и чрез то открылось, что не все наши” (I Иоан. II, 18, 19). Итак, говорят, как прежде конца в тот час, который Иоанн называет последним, вышли из среды Церкви многие еретики, которых он называет многими антихристами, так и тогда выступят оттуда все, которые будут принадлежать не Христу, а тому последнему антихристу, и тогда явится он сам.

Между тем как темные слова апостола толкуются гадательно одними так, другими иначе, несомненно одно: Христос придет судить живых и мертвых не прежде, чем придет для обольщения мертвых душою Его противник, антихрист; хотя обольщение с его стороны есть уже дело тайного божественного суда. Ибо пришествие его будет “по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным

обольщением погибающих”. Тогда получит свободу сатана и посредством его самым чудесным, хотя и лживым образом будет действовать антихрист. Часто спрашивают: потому ли эти знамения и чудеса называются ложными, что он будет обольщать смертные чувства призраками, так что будет казаться делающим то, чего не делает; или потому, что эти чудеса, хотя сами по себе и истинные, будут вовлекать в обман тех, которые, не зная силы диавола, поверят, что они могли совершаться только божественной силой, — и это тем более, что он получит тогда такую власть, какой никогда не имел. Ведь не призраки же то были, когда упал с неба огонь и одновременно уничтожил множество слуг и многочисленные стада святого Иова, а налетевшая и разрушившая дом буря умертвила сыновей его; а между тем, это были действия сатаны, которому Бог дал подобную власть (Иов. 1). Итак, по какой из этих двух причин чудеса и знамения названы ложными, это прояснится в надлежащее время. Но по какой бы причине они ни были так названы, обольстятся этими знамениями и чудесами те, которые заслужат быть обольщенными “за то, что они не приняли любви истины для своего спасения”. И затем апостол не колеблясь прибавляет: “И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи”. Пошлет Бог, потому что Бог допустит диавола совершать это, — допустит по праведному со Своей стороны суду, хотя тот будет совершать по неправедному и злому умыслу. “Да будут осуждены все не веровавшие истине, но возлюбившие неправду”. Судимые, они подвергнутся обольщению, и обольщенные, осудятся. Но подвергнутся обольщению судимые теми Божиими судами, тайно праведными и праведно тайными, которыми не переставал Бог судить с самого начала греха разумной твари; а обольщенные осудятся последним и явным судом через Иисуса Христа, праведнейшего будущего судию, неправеднейшим образом осужденного.

Глава XX

В этом месте апостол умолчал о воскресении мертвых. Но в первом послании к ним же он говорит: “Не хочу же оставить вас, братья, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем” (I Фес. IV, 13 — 17). Эти апостольские слова яснейшим образом указывают на воскресение мертвых, имеющее совершиться тогда, когда придет для суда над живыми и мертвыми Господь Христос.

Но обыкновенно спрашивают: “Те, которых Христос застанет здесь живыми, от имени которых говорит апостол как бы от себя и своих современников, вовсе ли никогда не умрут, или в тот самый момент, когда вместе с воскресшими будут восхищены на облаках в воздухе на сретение Христу, с неуловимой быстротою перейдут к бессмертию через смерть?” Нельзя, в самом деле, сказать, чтобы не было возможно, что они умрут и оживут снова в тот промежуток времени, пока будут подниматься в высоту по воздуху. А слова: “И так всегда с Господом будем” должны пониматься не в том смысле, что якобы апостол хотел сказать: “Мы навсегда останемся с Господом в воздухе”; Он и Сам не останется, конечно, там, потому что будет проходить его, шествуя. Встречают идущего, а не остающегося на месте. Но “так всегда с Господом будем”, т. е. где бы с Ним ни были, будем так, имея вечные тела.

Остановиться же на мысли, что и те, которых Христос застанет здесь живыми, в тот краткий промежуток времени и претерпят смерть, и получат бессмертие, побуждает нас

сам апостол. Сказав в одном месте: “Во Христе все оживут” (I Кор. XV, 22), он в другом, ведя речь о самом воскресении тел, говорит: “То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет” (I Кор. XV, 36). Каким бы образом ожили во Христе бессмертием те, кого Он застанет здесь живыми, если бы они не умерли, когда относительно именно этого сказано: “То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет”? Или, если действительно посеянными считать лишь те человеческие тела, которые через смерть непременно возвращаются в землю, соответственно известному божественному приговору над преступным отцом рода человеческого: “Прах ты, и в прах возвратишься” (Быт. III, 19), то придется признать, что на тех, кого Христос в пришествие Свое застанет еще не исшедшими из тел, не простираются ни приведенные слова апостола, ни слова из книги Бытия. Восхищенные в высоту на облаках, конечно, не посеются; не отойдут они в землю и не возвратятся из нее (независимо от того), вовсе ли не испытают никакой смерти, или как бы умрут в воздухе.

Но затем — новое указание: тот же апостол, беседуя с коринфянами о воскресении тел, говорит: “Все воскреснем”, или, как это читается в других кодексах: “Все успнем”*. Так как ни воскресения быть не может, если не будет предшествовать смерть, ни под успением в этом месте мы не можем подразумевать ничего другого, кроме смерти, то каким образом уснут или воскреснут все, если не уснут и не воскреснут столь многие, кого застанет еще в теле имеющий прийти Христос? Итак, если мы будем представлять себе, что святые, которые в пришествие Христово окажутся живыми и будут восхищены в сретение Ему, разлучатся со смертными телами во время самого этого восхищения и тогда же мгновенно возвратятся в тела бессмертные, то для нас не представят никаких затруднений слова апостола: “То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет”, или когда он в другом месте говорит: “Все воскреснем”. Ибо и они возвратятся к жизни через

* Такого рода свидетельства в дошедших до нас кодексах не сохранились. Августин ссылается на I Кор. XV, 51, где читаем: “Не все мы умрем, но все изменимся”.

бессмертие; так или иначе, хотя и на незначительное время, но предварительно умерев; а потому не будут чужды и воскресения, которому предшествует, хотя и самое краткое, но все-таки успение.

Почему также считать невероятным, что та масса тел посеется некоторым образом в воздухе и в то же самое время оживет там бессмертно и нетленно, коль скоро мы верим, когда тот же апостол говорит яснейшим образом, что воскресение имеет совершиться во мгновение ока (I Кор. XV, 52) и что прах древнейших трупов с такою легкостью и такою невообразимую быстротою возвратится в тела, имеющие жить без конца? Да не подумаем также, будто известный приговор: “Прах ты, и в прах возвратишься”, изреченный человеку, не будет простираться и на этих святых, если тела их, когда они будут умирать, не упадут на землю, но как умрут, так и воскреснут они во время самого восхищения, когда будут нестись в воздухе. Ибо “в прах возвратишься” значит: отойдешь, потеряв жизнь, в то, чем был прежде, чем жизнь получил, т. е. лишенный души будешь тем, чем был, пока не получил души. Так как в лице земли вдунул Бог дыхание жизни, когда был сотворен человек в душу живу, то как бы там ему было сказано: “Ты теперь — земля одушевленная, каким прежде не был; будешь землею бездушною, каким был”. Что представляют собою все тела умерших, прежде чем обратятся в прах, то будут представлять собою и те тела, если умрут, где бы они ни умерли, коль скоро потеряют жизнь, которую вслед за тем получают снова. Следовательно, они и отойдут в землю, потому что из живых людей сделаются землею, как идет в прах то, что бывает прахом; идет в ветошь то, что бывает ветхим; идет в глину то, что бывает черепком из глины, и так далее. То, о чем — как оно будет — строим мы теперь своим маленьким умом кое-какие посильные предположения, совершится тогда способом, превышающим наше познание. Если мы хотим быть христианами, мы должны верить, что когда придет Христос судить живых и мертвых, последует воскресение в плоти умерших. Но вера наша в это не суетна, даже если мы и не в состоянии понять, каким

образом оно будет. Впрочем, согласно прежде данному нами обещанию, нам следует указать теперь и те предсказания об этом последнем суде Божиим, какие даны древними пророческими книгами; полагаю, что долго оставаться на них и толковать их нет необходимости, если читатель постарается припоминать предыдущее.

Глава XXI

Пророк Исаия говорит: “Оживут мертвецы Твои, станут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов” (Ис. XXVI, 19). Все предшествующее относится к воскресению блаженных; а слова: “земля же нечестивых падет”* хорошо разумеются в том смысле, что тела нечестивых подпадут разрушению осуждения. Затем, если бы мы пожелали обратить внимание и на частности в выражениях, касающихся воскресения блаженных, то слова: “Оживут мертвецы” должны относиться к первому воскресению, а следующие за ними: “Восстанут мертвые тела” — ко второму. А если зададимся вопросом о тех святых, которых в пришествие Свое застанет здесь Господь живыми, то к ним применяется вполне добавление: “Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений”. Под исцелением** в этом месте мы совершенно правильно разумеем бессмертие. Ибо оно есть полнейшее здравие, которое не восстанавливается, как ежедневными лекарствами, едой и питьем.

Кроме того, тот же пророк так говорит о дне суда, сперва подавая надежду добрым, а потом устрашая злых: “Так говорит Господь: вот, Я направляю к нему мир как реку, и богатство народов — как разливающийся поток для наслаждения вашего; на руках будут носить вас и на коленях ласкать. Как утешает кого-либо мать его, так

* Эти слова приведены Августином вместо слов: “И земля извергнет мертвецов”.

** У Августина сказано: “Ибо роса Твоя — исцеление им”.

Утешу Я вас, и вы будете утешены в Иерусалиме. И увидите это, и возрадуется сердце ваше, и кости ваши расцветут, как молодая зелень, и откроется рука Господа рабам Его, а на врагов Своих Он разгневется. Ибо вот, придет Господь в огне, и колесницы Его — как вихрь, чтоб излить гнев Свой с яростью и прещение Свое с пылающим огнем. Ибо Господь с огнем и мечом Своим произведет суд над всякою плотью, и много будет пораженных Господом” (Ис. LXVI, 12 — 16). Под рекою мира при обетовании благ мы, без сомнения, должны разуть обилие того мира, выше которого другого нет. Этот мир, действительно, разольется на нас в конце; в предыдущей книге мы достаточно говорили о нем. Говорит, что на тех, кому обещается такое блаженство, Он направит эту реку, чтобы дать нам понять, что в той стране счастья, которая на небесах, напьются от той реки все. Но так как оттуда втечет мир нетления и бессмертия и в тела земные, то и говорит, что Он направит эту реку, чтобы оросить некоторым образом свыше то, что лежит внизу, и сделает людей равными ангелам. Равно и под Иерусалимом мы должны разуть не тот, который находится вместе с сынами своими под игом рабства, а нашу, по апостолу (Гал. IV, 6), свободную мать, вечную в небесах. Там утешимся мы после смертных бедствий и забот, как маленькие дети, на руках и коленях ее. Ибо, неопытных и непривычных, то незнакомое нам до этого времени блаженство окружит нас самую ласковой помощью. Там мы увидим, и возрадуется сердце наше. Не пояснил (пророк), что увидим; но что, как не Бога, чтобы исполнилось на нас евангельское обетование: “Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят” (Мф. V, 8). Увидим и все то, чего теперь не видим, но что, веруя, представляем себе по мере человеческих сил гораздо меньшим и несоответствующим тому, как оно есть на деле. “И увидите это, — говорит, — и возрадуется сердце ваше”. Здесь — верите, там — увидите.

Но слыша слова: “И возрадуется сердце ваше”, да не подумаем, будто тот блаженный Иерусалим будет доступен только нашему духу. “И кости ваши расцветут, — говорит

Он, — как молодая зелень”. Он коснулся слегка воскресения тел, как бы пополняя допущенный пробел; потому что не после того, как мы узрим, оно совершится, но после того, как совершится оно, мы узрим. Ибо он уже выше говорил о новом небе и о новой земле, когда часто и различным образом упоминал о том, что обетовано святым в конце: “Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце. А вы будете веселиться и радоваться во веки о том, что Я творю: ибо вот, Я творю Иерусалим веселием и народ его радостию. И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем; и не услышится в нем более голос плача” (Ис. LXV, 17 — 19), и прочее, что некоторые усиливаются относить к известному плотскому тысячелетию. По пророческому обычаю образные выражения перемешиваются в этом случае с собственными, чтобы трезвый ум некоторым полезным и спасительным упражнением доходил до духовного понимания; между тем, плотская лень или тупость необразованного и неразвитого ума, поверхностно довольствующегося буквой, вовсе не считает нужным искать более сокровенного смысла. Этого достаточно сказать о тех пророческих словах, которые предшествуют приведенному месту. Но возвратимся к тому месту, от которого сделали отступление.

Сказав: “И кости ваши расцветут, как молодая зелень”, чтобы показать, что хотя Он и упоминает в это время о воскресении плотском, но о воскресении добрых, Он прибавляет: “И откроется рука Господа рабам Его”. О чем эта речь, как не о руке, различающей Своих почитателей от презрителей? О последних, переходя к дальнейшему, Он говорит: “А на врагов Своих Он разгневется”, или, как читаем в другом переводе, — “на неверных”. И не ограничится Он тогда прещением; но то, чем теперь угрожается, тогда исполнится на деле. “Ибо вот, придет Господь в огне, и колесницы Его — как вихрь, чтоб излить гнев Свой с яростью и прещение Свое с пылающим огнем. Ибо Господь с огнем и мечом Своим произведет суд над всякою плотью, и много будет пораженных Господом”. Огнем, вихрем, мечом он обозначает наказание

на суде; да и когда говорит, что Господь придет в огне, то понимает: как огонь для тех, для кого пришествие Его будет карою. Под колесницами же Его (так как о них говорится во множественном числе) мы не без основания понимаем ангельские чины. А когда он говорит, что вся земля и всякая плоть будут судимы огнем и мечом Его, то разумеем в этом случае не духовных и святых, а земных и плотских, о которых сказано: “Они мыслят о земном” (Филип. III, 19), и еще: “Помышления плотские суть смерть” (Рим. VIII, 6), и которых, как таких, Господь прямо называет плотью, когда говорит: “Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть” (Быт. VI, 3). “Много будет пораженных Господом”, сказано здесь же: этою язвой будет смерть вторая. Могут иногда и огонь, и меч, и язва пониматься и в хорошую сторону. Господь, например, говорил о Себе, что хочет “огонь низвесть на землю” (Лук. XII, 49). “И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные”, когда сошел Дух Святой (Деян. II, 3). “Не мир пришел Я принести, — говорил Господь, — но меч” (Мф. X, 34). И слово Божие называется в священном Писании мечом обоюдоострым (Евр. IV, 12) по причине остроты двух заветов. Равно и в Песни Песней святая Церковь говорит о себе, что она “изнемогает от любви”* (Песн. II, 5), как бы получила рану от стрелы, пущенной любовью. Но когда мы читаем или слышим, что придет Господь-мститель, то само собою ясно, в каком смысле следует понимать эти выражения.

Упомянув затем о тех, которые этим судом истребятся, разумея под образом запрещенных ветхим законом яств, от которых не воздержались, грешников и нечестивых, пророк кратко повторяет сказанное им о действии благодати Нового завета, начиная с первого пришествия Спасителя и доводя речь до последнего суда, предмета теперешнего нашего исследования, на котором он свою речь и заканчивает. Он говорит, что Господь сказал, что Он придет для того, чтобы собрать все народы, и что эти

* У Августина: “Уязвлена любовью”.

народы придут и узрят славу Его. “Потому что все сог-
решили, — говорит апостол, — и лишены славы Божией”
(Рим. III, 23). Сказал также, что оставит на них знамения,
для того, конечно, чтобы поражаемые этими знамениями
веровали в Него; что пошлет спасенных из них к различ-
ным народам и на отдаленные острова, которые не слыша-
ли имени Его и не видели славы Его; что они и возвестят
славу Его между народами и приведут братьев тем, кому
говорилось, т. е. братьев по вере по Богу Отцу избран-
ным израильтянам; привезут же от всех народов дары Гос-
поду на скоте вьючном и на возах (под которыми мы
разумеем божественную помощь, подаваемую через всяко-
го рода служение Богу, ангельское ли то, или человеческое)
во святой град Иерусалим, в лице святых верных рас-
сеянный в настоящее время по земле. Ибо где подается
божественная помощь, там и веруют; а где веруют, там
приходят. При этом Господь сравнил их с сынами Изра-
иля, приносящими Ему жертвы свои в Его дом с псалма-
ми, — что повсеместно уже делает Церковь, — и обещал
взять Себе из них священников и левитов, — что также
на глазах у всех совершается в настоящее время. Ибо мы
видим, что священники и левиты избираются ныне не по
роду плоти и крови, как это было сперва по чину Ааронову,
а по вере заслуг каждого, насколько помогла ему в том
благодать Божия, как надлежало этому быть в завете
Новом, в котором Христос есть Верховный Священник
по чину Мельхиседекову; соответствие их своему назна-
чению определяется не именем, которое часто носят и
недостойные, а той святостью, которая не бывает общей
добрым и злым.

Сказав о том, что по очевидному и вполне нам извест-
ному милосердию Божию дано уже ныне Церкви, Господь
предначертал и тот исход, по которому проведет сделан-
ное на последнем суде отделение добрых от злых. Он че-
рез пророка, или сам пророк от лица Господа, говорит:
“Ибо как новое небо и новая земля, которые Я сотворю,
всегда будут пред лицом Моим, говорит Господь, так будет
и семья ваша и имя ваше. Тогда из месяца в месяц, и из
субботы в субботу будет приходить всякая плоть пред лице

Мое на поклонение, говорит Господь. И будут выходить, и увидят трупы людей, отступивших от Меня: ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет; и будут они мерзостью для всякой плоти” (Ис. LXVI, 22 — 24). Пророк заключил свою книгу тем, чем закончится век. Некоторые, впрочем, перевели не “члены человеков”*, а “трупы мужей”, обозначая словом “труп” видимую телесную казнь. Трупом обыкновенно называется плоть неодушевленная, а те тела будут одушевленными, потому что они иначе не могли бы испытывать никакого мучения; хотя, так как они будут телами мертвых, т. е. впавших во вторую смерть, не без основания, пожалуй, могут быть названы и трупами. Отсюда и известное, приведенное уже мною выше выражение пророка: “Земля же нечестивых падет”. Кому не ясно, что падаль (труп) получила свое название от падения? Слово же “мужей” употреблено теми переводчиками, очевидно, вместо слова “человеков”. Никто ведь не станет утверждать, что преступницы-жены не подвергнутся тому наказанию; под мужским (полом), от которого притом и создана жена, разумеется тот и другой пол. Но, что ближе касается дела, когда в применении к добрым говорится: “Будет приходить всякая плоть”, — в том смысле, что народ тот составит из всякого рода людей, а не в том, что там будут все люди, так как очень многие будут нести наказание, — когда, говорю, в применении к добрым употребляется слово “плоть”, а в применении к злым — “члены” или “трупы”, то этим, несомненно, дается понять, что по воскресении плоти, достоверность которого этими названиями вещей вполне подтверждается, имеет быть суд, на котором добрые и злые получают различный приговор.

Глава XXII

Но каким образом добрые “будут приходить”, чтобы видеть казни злых? Неужели они телесным движением оставят свое блаженное местопребывание и направятся к

* Так приведено у Августина.

местам казни, чтобы телесными глазами видеть муки злых? Без всякого сомнения — нет; но они “будут приходить” познанием. Этим словом обозначается, что те, которые подвергнутся мучениям, будут вне. Поэтому и Господь называет те места тьмою внешнею (Мф. XXV, 30); противоположность же ей представляет тот вход, о котором говорится рабу доброму: “Войди в радость господина твоего” (Мф. XXV, 21). Представляется, что злые не войдут сюда, чтобы дать о себе узнать, но что скорее добрые как бы выйдут к ним познанием, чтобы получить о них сведения, так как будут узнавать то, что вне. Те, которые будут нести наказания, не будут знать о том, что будет происходить внутри в радости Господа; но те, которые будут в этой радости, будут знать, что делается вне, в той тьме внешней. Потому и сказано: “будут приходить”, что от них не укроется и то, что будет в отношении к ним вне. Если могли знать это, когда оно еще не совершилось, смертные пророки в силу того, что в умах их был Бог, хотя Он был и очень мало; то как не будут знать этого, тогда уже действительно исполнившегося, бессмертные святые, когда Бог будет во всех (I Кор. XV, 28)? Итак, твердо станет в том блаженстве семя и имя святых, то, разумеется, семя, о котором Иоанн говорит: “Семя Его пребывает в нем” (I Иоан. III, 9); а имя то, о котором через того же Исаию сказано: “Дам им вечное имя” (Ис. LVI, 5). И “из месяца в месяц, и из субботы в субботу”, как бы луна от луны и покой от покоя, то и другое будут они сами, когда от этих ветхих и временных сеней перейдут в те новые и вечные светила. Огонь же неугасимый и червь долговечный в наказаниях злым разные толкователи объясняли различно. Одни относили то и другое к телу, другие то и другое — к душе. Иные же к телу относили огонь в буквальном смысле, а к душе червя — в смысле переносном; последнее представляется более вероятным. Но теперь не время входить в рассуждения по этому предмету. Эту книгу мы предположили посвятить последнему суду, на котором совершится отделение добрых и злых; о наградах же и наказаниях будет подробная речь в другом месте.

Глава XXIII

Даниил в своих пророчествах об этом последнем суде также начинает с предсказания об имеющем быть пришествии антихриста и доводит повествование свое до вечного царства святых. В пророческом созерцании он видел четырех зверей, означающих четыре царства; видел, что царство четвертое будет покорено неким царем, в котором узнается антихрист; видел после этого царство Сына Человеческого, под которым разумеется Христос, а затем сказал: “Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня. Я подошел к одному из предстоящих и спросил у него об истинном значении всего этого”. Затем, что услышал от того, у кого обо всем этом спрашивал, он передает как бы словами рассказывавшего ему следующим образом: “Эти большие звери, которых четыре, означают, что четыре царя восстанут от земли. Потом примут царство святые Всевышнего, и будут владеть царством вовек и во веки веков”. “Тогда пожелал я, — продолжает (Даниил), — точного объяснения о четвертом звере, который был отличен от всех и очень страшен, с зубами железными и когтями медными, пожирал и сокрушал, а остатки попирал ногами, и о десяти рогах, которые были на голове у него, и о другом вновь вышедшем, перед которым выпали три, — о том самом роге, у которого были глаза и уста, говорящие высокомерно, и который по виду стал больше прочих. Я видел, как этот рог вел брань со святыми, и превосмогал их, доколе не пришел Ветхий днями, и суд дан был святым Всевышнего, и наступило время, чтобы царством овладели святые”.

Об этом, говорит Даниил, он спрашивал. А что он получил в ответ, о том сообщает вслед за этим: “Об этом он сказал (т. е. ответил тот, у кого он спрашивал): зверь четвертый — четвертое царство будет на земле, отличное от всех царств, которое будет пожирать всю землю, попирает и сокрушает ее. А десять рогов значат, что из этого царства восстанут десять царей, и после них восстанет иной, отличный от прежних, и уничтожит трех царей, и

против Всевышнего будет произносить слова и угнетать святых Всевышнего; даже возмечтает отменить у них праздничные времена и закон, и они преданы будут в руку его до времени и времен и полувремени. Затем воссядут судьи, и отнимут у него власть губить и истреблять до конца, царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, которого царство — царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему. Здесь конец слова. Меня, Даниила, сильно смущали размышления мои, и лице мое изменилось на мне; но слово я сохранил в сердце моем” (Дан. VII, 15 — 28).

Некоторые толковали это в применении к известным четырем царствам: ассирийцев, персов, македонян и римлян. Насколько удачны были такие применения, желающие знать, пусть прочитают книгу пресвитера Иеронима на Даниила, составленную довольно тщательно и со знанием дела. Но что речь идет о царстве антихриста, по отношению к Церкви весьма жестоком, хотя имеющем продержаться недолго, пока святые на последнем Божием суде получают вечное царство, то в этом не усомнится и тот, кто читал бы приведенные слова в полусне. Что временем, временами и полувременем обозначается год, два года и полгода, и, следовательно, три с половиною года, это видно и из приводимого несколько ниже числа дней, и поясняется иногда в Писаниях числом месяцев. На латинском языке выражение “времена” представляется в этом месте неопределенным; но оно употреблено в двойственном числе, которого у латинян нет. Как есть оно у греков, так, говорят, имеют его и евреи. Выражение “времена” употреблено, следовательно, так, как если бы было сказано “два времени”. Но, признаюсь, у меня есть опасение, что мы можем обмануться относительно десяти царей, которых как десять человек представляется застающим антихрист; он может прийти неожиданным, когда в Римской империи не будет стольких царей. Но что, если этим десятичным числом обозначается все общее число царей, после которых он придет; подобно тому, как тысячным, сотенным и разными другими числами, упо-

Глава XXIII

Даниил в своих пророчествах об этом последнем суде также начинает с предсказания об имеющем быть пришествии антихриста и доводит повествование свое до вечного царства святых. В пророческом созерцании он видел четырех зверей, означающих четыре царства; видел, что царство четвертое будет покорено неким царем, в котором узнается антихрист; видел после этого царство Сына Человеческого, под которым разумеется Христос, а затем сказал: “Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня. Я подошел к одному из предстоящих и спросил у него об истинном значении всего этого”. Затем, что услышал от того, у кого обо всем этом спрашивал, он передает как бы словами рассказывавшего ему следующим образом: “Эти большие звери, которых четыре, означают, что четыре царя восстанут от земли. Потом примут царство святые Всевышнего, и будут владеть царством вовек и во веки веков”. “Тогда пожелал я, — продолжает (Даниил), — точного объяснения о четвертом звере, который был отличен от всех и очень страшен, с зубами железными и когтями медными, пожирал и сокрушал, а остатки попирал ногами, и о десяти рогах, которые были на голове у него, и о другом вновь вышедшем, перед которым выпали три, — о том самом роге, у которого были глаза и уста, говорящие высокомерно, и который по виду стал больше прочих. Я видел, как этот рог вел брань со святыми, и превосмогал их, доколе не пришел Ветхий днями, и суд дан был святым Всевышнего, и наступило время, чтобы царством овладели святые”.

Об этом, говорит Даниил, он спрашивал. А что он получил в ответ, о том сообщает вслед за этим: “Об этом он сказал (т. е. ответил тот, у кого он спрашивал): зверь четвертый — четвертое царство будет на земле, отличное от всех царств, которое будет пожирать всю землю, попирает и сокрушает ее. А десять рогов значат, что из этого царства восстанут десять царей, и после них восстанет иной, отличный от прежних, и уничтожит трех царей, и

против Всевышнего будет произносить слова и угнетать святых Всевышнего; даже возмечтает отменить у них праздничные времена и закон, и они преданы будут в руку его до времени и времен и полувремени. Затем воссядут судьи, и отнимут у него власть губить и истреблять до конца, царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, которого царство — царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему. Здесь конец слова. Меня, Даниила, сильно смущали размышления мои, и лице мое изменилось на мне; но слово я сохранил в сердце моем” (Дан. VII, 15 — 28).

Некоторые толковали это в применении к известным четырем царствам: ассирийцев, персов, македонян и римлян. Насколько удачны были такие применения, желающие знать, пусть прочитают книгу пресвитера Иеронима на Даниила, составленную довольно тщательно и со знанием дела. Но что речь идет о царстве антихриста, по отношению к Церкви весьма жестоком, хотя имеющем продержаться недолго, пока святые на последнем Божием суде получают вечное царство, то в этом не усомнится и тот, кто читал бы приведенные слова в полусне. Что временем, временами и полувременем обозначается год, два года и полгода, и, следовательно, три с половиною года, это видно и из приводимого несколько ниже числа дней, и поясняется иногда в Писаниях числом месяцев. На латинском языке выражение “времена” представляется в этом месте неопределенным; но оно употреблено в двойственном числе, которого у латинян нет. Как есть оно у греков, так, говорят, имеют его и евреи. Выражение “времена” употреблено, следовательно, так, как если бы было сказано “два времени”. Но, признаюсь, у меня есть опасение, что мы можем обмануться относительно десяти царей, которых как десять человек представляется застающим антихрист; он может прийти неожиданным, когда в Римской империи не будет стольких царей. Но что, если этим десятичным числом обозначается все общее число царей, после которых он придет; подобно тому, как тысячным, сотенным и разными другими числами, упо-

минать о которых теперь нет необходимости, по большей части обозначается все вообще количество.

В другом месте тот же Даниил говорит: “И наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге. И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление. И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, во веки, навсегда” (Дан. XII, 1 — 3). Вот и еще место, весьма сходное с известным евангельским изречением (Иоан. V, 28, 29), насколько это касается воскресения тел мертвых. Называемые там “находящимися в гробах” здесь называются “спящими в прахе земли”. Как там говорится: “Изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения”, так здесь: “Одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление”. А что там сказано “все”, а здесь пророк говорит “многие”, то это не следует считать противоречием. Писание местами употребляет “многие” вместо “все”. Аврааму, например, сказано: “Я сделаю тебя отцом множества народов” (Быт. XVII, 5), а между тем, в другом месте ему же Бог говорит: “Благословятся в семени твоём все народы земли” (Быт. XXII, 18). О том же воскресении и тому же самому пророку Даниилу несколько ниже говорится: “А ты иди к твоему концу, и упокоишься и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней” (Дан. XII, 13).

Глава XXIV

Многое говорится о последнем суде в псалмах, но по большей части мимоходом и вкратце. Не могу, однако же, обойти молчанием того, что яснейшим образом говорится о конце настоящего века. “В начале Ты основал землю, и небеса — дело Твоих рук. Они погибнут, а Ты пребудешь; и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, — и изменятся. Но Ты — тот

же, и лета Твои не кончатся” (Пс. СІ, 26 — 28). Что значит, что Порфирий, восхваляя благочестие евреев, по которому они чтут великого, истинного и для самих божеств страшного Бога, укоряет христиан на основании оракульских изречений своих богов в величайшей глупости за то, что они утверждают, что этот мир погибнет? Вот в писаниях еврейского благочестия говорится Богу, пред Которым, по признанию великого философа, трепещут эти его божества: “Небеса — дело Твоих рук. Они погибнут”. Неужели в ту пору, как погибнут небеса, не погибнет мир, высшую и безопаснейшую часть которого эти небеса и составляют? Если такая мысль не нравится Юпитеру, оракул которого, в качестве наиболее авторитетного, как пишет этот философ, порицает ее в веровании христиан, то почему подобным же образом не порицает он, как глупость, мудрость евреев, в религиозных книгах которых она встречается? Затем, если в этой мудрости, которая нравится Порфирию до такой степени, что он заявляет о ней через изречения даже своих богов, говорится, что небеса погибнут; то к чему такая пустая увертка: между прочим или сверх всего прочего выставлять на вид в вере христиан как нечто ужасное то, что в ней мир представляется имеющим погибнуть, когда только при его гибели и могут погибнуть небеса?

Притом, хотя в собственно наших священных Писаниях, а не в тех, которые у нас общие с евреями, а именно: в Евангелии и в книгах апостольских, и говорится: “Проходит образ мира сего” (I Кор. VII, 31); говорится: “Мир проходит” (I Иоан. II, 17); говорится: “Небо и земля прейдут” (Мф. XXIV, 35); — но выражения “проходит, прейдут”, по моему мнению, гораздо мягче, чем — “погибнут”. Равным образом, и в послании апостола Петра, когда говорится о гибели потопленного водою, как оно некогда и случилось, мира, довольно ясным представляется как то, какая часть мира обозначается названием целого, так и то, в какой мере она называется погибшею, а равно и то, какие небеса содержатся для сбережения огню на день суда и гибели нечестивых людей (II Пет. III, 6, 7). И в словах, которые читаются у него несколько далее:

Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам?” (II Пет. III, 10, 11) — под имеющими погибнуть небесами можно разуметь те, которые он назвал сберегаемыми для огня; а под сжигаемыми стихиями — те, которые находятся в этой самой низшей, бурной и мятущейся части мира, в которой, по словам его, содержатся и эти самые небеса, между тем как те высшие, на тверди которых установлены звезды, останутся целыми и неприкосновенными. Ибо и выражение Писания, что “звезды спадут с небес” (Мф. XXIV, 29), независимо от того, что с большей вероятностью может быть понимаемо в другом смысле, скорее указывает на то, что последние (высшие) небеса останутся, если только лишь звезды упадут оттуда; хотя гораздо вероятнее, что это выражение образное, или совершится это в низшем небе, но, разумеется, — более удивительным образом, чем бывает теперь. Из этого неба и известная вергилиевская

*Комета неслася с длинным хвостом**

и скрылась в лесу Иды. Приведенное же мною место из псалма представляется не исключаящим ни одного неба, о котором не было бы сказано, что оно погибнет. Ибо коль скоро говорится: “Небеса — дело Твоих рук. Они погибнут”, то как ни одно из них не выделяется из числа дел Божиих, так ни одно не выделяется и из числа имеющих погибнуть. На то, чтобы для защиты еврейского благочестия, одобренного оракулами их богов, воспользоваться образом выражения апостола Петра, которого крайне ненавидят, они не решатся; тогда можно было бы полагать, что речь идет о гибели не всего мира; можно бы было полагать, что в выражении “они погибнут”, между тем как погибнут только одни низшие небеса, целое употреблено для обозначения части точно так же, как употреб-

* Virg. Aeneid. II.

ляется целое для обозначения части в упомянутом апостольском послании, когда говорится, что от потопа погиб мир, между тем как погибла одна низшая его часть со своими небесами. Но, как я сказал, они не решатся на это, чтобы не выразить одобрения мысли апостола Петра или чтобы не высказать согласия с мыслью о последнем истреблении мира огнем в таких же размерах, в каких мы считаем его истребленным потопом; они утверждают, что ни от каких вод, ни от какого пламени весь род человеческий погибнуть не может. Поэтому им остается сказать, что боги их хвалили еврейскую мудрость потому, что приведенного псалма не читали.

Еще в сорок девятом псалме написано о последнем Божием суде: “Грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поедающий, и вокруг Него сильная буря. Он призывает свыше небо и землю судить народ Свой: “Соберите ко Мне святых Моих, вступивших в завет со Мною при жертве” (Пс. XLIX, 3 — 5). Мы разумеем это о Господе нашем Иисусе Христе, Которого ожидаем, что Он придет с неба для суда над живыми и мертвыми. Ибо Он придет, чтобы праведно судить праведных и неправедных. Тот, Кто прежде приходил тайно, чтобы подвергнуться неправедному осуждению со стороны неправедных. Это Он, говорю, “грядет не в безмолвии”, т. е. открыто и с голосом судьи явится Он, Который в Свое прежнее сокровенное пришествие молчал пред судьей, будучи веден на заклание, как овца, и будучи, как агнец пред стригущими, безгласен, как читается это в пророчестве в Евангелии (Мф. XXVI, 63). Относительно же огня и бури, т. е. как понимать это, мы уже сказали, когда рассматривали подобное же выражение в пророчестве Исаии. Что же касается выражения: “Призывает свыше небо”, то, поелику небом справедливо называются святые и праведные, оно, очевидно, относится к тому, что говорит апостол: “Мы... восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе” (I Фес. IV, 17). Ибо каким образом, если держаться буквы, призовется небо свыше, когда оно и может быть только свыше? Прибавление же “и землю”, — если подразумевать только “призовет”, т. е. “призовет землю”,

но не подразумевать “свыше”, — имеет, очевидно, согласно с правою верой, такой смысл: небо представляют собою те, которые вместе с Ним будут судить, а землю те, которые будут подлежать суду; так что выражение “призовет небо свыше” значит не “восхитит на воздух”, но “посадит в судейские седалища”. Можно понимать это и так: созовет в высших небесных пространствах ангелов, чтобы сойти с ними для производства суда; призовет и “землю”, т. е. людей на земле, для того, конечно, чтобы судить их. Если же к словам “и землю” относить то и другое, т. е. и “призовет”, и “свыше”, чтобы выходило, что Он призовет и небо свыше, и землю свыше, то, по моему мнению, лучше всего будет разуметь в этом случае людей, которые будут восхищены на сретение Христу на воздухе, но название неба относить к душам, а земли — к телам.

Затем, выражение “судить народ Свой”, что иное значит, как не отделить добрых от злых, как бы агнцев от козлиц? Потом речь обращается к ангелам: “Соберите ко Мне святых Моих”. Исполнение такого дела, конечно, относится к обязанности ангелов. На случай же вопроса, каких праведных соберут Ему ангелы, продолжает: “Вступивших в завет со Мною при жертве”. Вся жизнь праведных в том и состоит, чтобы совершать завет Божий над жертвами (*super sacrificia*). Тот ли это имеет смысл, что дела милосердия должны быть поставлены “над жертвами”, т. е. выше жертв, соответственно изречению Божию: “Милости хочу, а не жертвы” (Ос. VI, 6), или выражение это значит “в жертвах”, подобно тому, как говорится, что что-нибудь делается над землею, когда оно совершается в земле; во всяком случае, дела милосердия суть именно те жертвы, которыми умиливается Бог, как рассуждал я, помнится, об этом в десятой книге настоящего сочинения. Этими делами праведные совершают завет Божий, потому что делают их ради обетований, содержащихся в Новом Его завете. Почему, когда праведные Его собраны будут к Нему и поставлены по правую Его руку, Христос на последнем суде скажет им: “Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от

создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть...” (Мф. XXV, 34, 35), и прочее, что высказывается там как последний приговор Судьи о добрых делах добрых и о вечных наградах за эти дела.

Глава XXV

Пророк Малахия или Малахи, называемый и ангелом, а некоторыми признаваемый священником Ездрую, которому принадлежат другие писания, принятые в канон (такого мнения, по словам Иеронима, придерживаются евреи), пророчествует о последнем суде так: “Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищите, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде. Тогда благоприятна будет Господу жертва Иуды и Иерусалима, как во дни древние и как в лета прежние. И приду к вам для суда и буду скорым обличителем чародеев и прелюбодеев, и тех, которые клянутся ложно и удерживают плату у наемника, притесняют вдову и сироту и отталкивают пришельца, и Меня не боятся, говорит Господь Саваоф. Ибо Я — Господь, Я не изменюсь” (Мал. III, 1 — 6). Из приведенных слов более всего обращают на себя внимание ожидающие некоторых на том суде известные очистительные наказания. Ибо какой другой смысл могут иметь слова: “И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро”? Нечто подобное говорит и Исаия: “Господь омоет скверну дочерей Сиона и очистит кровь

Иерусалима из среды его духом суда и духом огня” (Ис. IV, 4).

Может быть, впрочем, под омытием от скверны и своего рода очищением следовало бы разуть то, что когда осуждение на казнь отделит от них злых, отделение и осуждение последних будет для них очищением, потому что потом они будут жить уже не смешиваясь со злыми. Но когда он говорит: “И очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде. Тогда благоприятна будет Господу жертва Иуды и Иерусалима”, он показывает, несомненно, что те самые, которые будут подвергнуты очищению, будут потом угождать Богу жертвами правды, а через это и сами очистятся от своей неправды, которая делала их неудобными Господу. Жертвами же в правде, полной и совершенной, будут они сами, когда очистятся. Ибо что, кроме себя самих, принесут они более угодного Богу? Впрочем, чтобы этот вопрос об очистительных наказаниях рассмотреть внимательнее, его следует отложить до другого времени. Под сынами же Левия, Иуды, Иерусалима мы должны разуть саму церковь Божию, составившуюся не только из евреев, но и из других народов, и не такую, какова она в настоящее время, когда “если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас” (I Иоан. I, 8), а такую, какой она будет тогда, очищенная последним судом, как пшеница провеянная; когда очищены будут огнем и те, для кого такое очищение необходимо, так что не останется решительно никого, кто приносил бы жертвы за свои грехи. Ибо все, приносящие таким образом жертвы, несомненно пребывают во грехах, за отпущение которых и приносят, чтобы получить это отпущение, когда принесут и принесенное будет принято Богом.

Глава XXVI

Желая же показать, что Его град не будет в то время в подобном положении, Бог сказал, что сыны Левиины принесут жертвы в правде, — не во грехе, следовательно,

а потому и не за грех. Поэтому, когда он, продолжая речь, говорит: “Тогда благоприятна будет Господу жертва Иуды и Иерусалима, как во дни древние и как в лета прежние”, в словах этих иудеи напрасно видят обещание им прошлых времен их жертв по ветхозаветному закону. Не в правде, а во грехах приносили они жертвы тогда, когда главным образом и прежде всего приносили их за грехи, так что и сам священник, которого, во всяком случае, мы должны считать праведнее всех прочих, по заповеди Божией сперва обыкновенно приносил жертву за свои грехи, а потом уже — за грехи народа (Лев. XVI, 6; Евр. VII, 27). Ввиду этого мы должны разъяснить, как следует понимать слова “как во дни древние и как в лета прежние”. Может быть, ими напоминается то время, когда первые люди жили в раю. Чистые, никаким грехом не оскверненные и не запятнанные, они приносили в то время Богу себя самих, как чистейшие жертвы. Но с того времени, как за нарушение заповеди они были оттуда изгнаны и в лице их человеческая природа подверглась осуждению, за исключением одного Посредника, даже после купели возрождения, хотя бы некоторые были еще малютками, “кто родится чистым от нечистого? ни один” (Иов. XIV, 4).

Скажут на это, что и о тех, которые приносят жертвы, можно не без основания сказать, что они приносят в правде, ибо “праведный верою жив будет” (Рим. I, 17); хотя он обманул бы себя, если бы сказал, что греха не имеет, но потому и не скажет, что живет верою. Но разве кто-нибудь станет утверждать, что настоящее время веры может идти в сравнение с тем концом, когда огонь последнего суда очистит тех, которые будут приносить жертвы в правде? Поелику после такого очищения праведные, как следует думать, не будут иметь никакого греха, то, без всякого сомнения, это время в том, что касается неимения греха, может идти в сравнение только с тем временем, когда первые люди до нарушения заповеди жили в раю в невиннейшем блаженстве. Итак, справедливо разуметь, что на последнее содержится указание в словах “как во дни древние и как в лета прежние”. Ибо и через

Исаию, после обетований нового неба и новой земли, между прочими подробными аллегорическими и загадочными описаниями блаженства святых (излагать которые надлежащим образом не дозволяет нам желание избежать длиннот), Бог говорит: “Дни народа Моего будут, как дни дерева” (Ис. LXV, 22). Кому, открывавшему священные книги, не известно, где насадил Бог дерево жизни*, вокруг которого, когда от вкушения его были отстранены люди, изгнанные из рая собственной неправдой, была поставлена огненная и ужасающая стража (Быт. III, 24)?

Кто-нибудь возразит, что дни дерева жизни, о которых упомянул Исаия, суть именно те дни, которые в настоящее время переживает церковь Христова, что деревом жизни пророчески назван сам Христос, потому что Он есть Премудрость Божия, о которой Соломон говорит: “Она — дерево жизни для тех, которые приобретают ее” (Притч. III, 18), и что те первые люди провели в раю отнюдь не годы, но были изгнаны из него так скоро, что не родили там ни одного сына, и потому времени того нельзя разуметь в вышеприведенных словах. Я обхожу это возражение, чтобы не быть вынужденным (что было бы слишком длинно) разбирать все, чтобы из этого всего обнаруженная истина утвердила нечто. Я имею другое соображение и не согласен с той мыслью, будто через пророка обещаны нам, как великий дар, древние дни и прежние годы плотских жертв. Ведь те жертвы ветхого закона повелевалось из всякого рода животных приносить чистые и безо всякого порока, и обозначали они людей святых, каким единственно оказался Христос, не имевший вовсе никакого греха. Поэтому, так как после суда, когда будут очищены огнем оказавшиеся достойными такого очищения, во всех святых не найдется уже вовсе никакого греха и они принесут себя самих (в жертву) в правде; так что жертвы такие будут во всех отношениях чистыми и безо всякого порока; то эти жертвы, действительно, и будут как в древние дни и в прежние годы, когда в прообразование этого будущего приносились чистейшие жертвы. В бессмертной плоти и

* У Августина: “Дни народа Моего будут, как дни дерева жизни”.

душе святых будет тогда та чистота, образом которой служили тела этих жертв.

Потом, относительно тех, которые достойны не очищения, а осуждения, Он говорит: “И приду к вам для суда и буду скорым обличителем чародеев и прелюбодеев, и тех, которые клянутся ложно и удерживают плату у наемника, притесняют вдову и сироту и отталкивают пришельца, и Меня не боятся, говорит Господь Саваоф. Ибо Я — Господь, Я не изменюсь”. Последними словами Он как бы говорит: “Тогда как вас изменила к худшему ваша вина, а к лучшему — Моя благодать, сам Я не изменяюсь”. Говорит же о Себе как о будущем свидетеле (обличителе) потому, что на суде Своем в свидетелях нуждаться не будет; и называет Себя свидетелем скорым или потому, что придет внезапно, и суд Его, казавшийся крайне медлительным, совершится весьма быстро при неожиданности самого пришествия Его; или потому, что Он обличит сами совести безо всякого продолжительного разглагольствования. “В совести (помышлениях), — как говорит Писание, — будет истязание нечестивого” (Прем. I, 9). И апостол говорит: “Дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, — в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков чрез Иисуса Христа” (Рим. II, 15, 16). И в том смысле Господь будет свидетелем скорым, что немедленно воспроизведет в памяти то, чем обличит и казнит совесть.

Глава XXVII

К последнему же суду относится и то место из этого пророка, которое я привел по другому поводу в книге восемнадцатой. Пророк говорит там: “И они будут Мои, говорит Господь Саваоф, собственностью Моею в тот день, который Я соделаю, и буду миловать их, как милует человек сына своего, служащего ему. И тогда снова увидите различие между праведником и нечестивым, между

служашим Богу и неслужашим Ему. Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей. А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его, и вы выйдете и възграете, как тельцы упитанные; и будете попирать нечестивых, ибо они будут прахом под стопами ног ваших в тот день, который Я соделаю, говорит Господь Саваоф” (Мал. III, 17 — 18; IV, 1 — 3). Когда это различие в виде наград и казней, разделяющее праведных от неправедных, не заметное под теперешним солнцем в суеде настоящей жизни, обнаружится под тем солнцем правды с открытием той жизни, тогда действительно будет суд, какого никогда не было.

Глава XXVIII

Тот же пророк прибавляет далее: “Помните закон Моисея, раба Моего, который Я заповедал ему на Хориве для всего Израиля” (Мал. IV, 4). После указания на великое будущее различие между исполнителями закона и презрителями его, он вполне уместно напоминает им о повелениях и оправданиях; между прочим и для того, чтобы научились они понимать закон духовным образом и открыли в этом законе Христа, суд Которого должен провести это различие между исполнителями и презрителями закона. Ибо не напрасно тот же Господь говорит иудеям: “Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне” (Иоан. V, 46). Понимая закон в плотском смысле и не зная, что земные обетования суть только образы вещей небесных, они дошли до такого ропота, что осмелились говорить: “Тщетно служение Богу, и что пользы, что мы соблюдали постановления Его и ходили в печальной одежде пред лицом Господа Саваофа? И ныне мы считаем надменных счастливыми: лучше устраивают себя делающие беззакония, и хотя ищут Бога, но остаются целы”. (Мал. III, 14, 15). Эти

слова их некоторым образом и побудили пророка пред-
возвестить последний суд, на котором злые не будут даже
мнимо-блаженными, а окажутся с полной очевидностью
самыми несчастными, а добрые не потерпят никакого даже
временного бедствия, но будут наслаждаться ясным для
всех и вечным блаженством. Выше пророк приводил даже
такие слова из их речи: “Всякий, делающий зло, хорош
пред очами Господа, и к таким Он благоволит” (Мал. II,
17). К такому, говорю, ропоту пришли они, понимая закон
Моисеев в плотском смысле. Отсюда и держащий речи в
псалме семьдесят втором говорит, что он едва удержал во
власти ноги свои, едва сдержал стоны свои, от падения,
конечно, потому что явилась в нем ревность к грешникам
при виде мира беззаконных; так что он даже говорил:
“Как узнает Бог? и есть ли ведение у Вышнего?” (Пс.
LXXII, 11). Говорил также: “Не напрасно ли я очищал
сердце мое, и омывал в невинности руки мои?” (Пс.
LXXII, 13). Относительно разрешения этого труднейшего
вопроса, возникающего при виде добрых несчастными и
злых счастливыми, он прибавляет: “Это трудно было в
глазах моих, доколе не вошел я во святилище Божие и
не уразумел конца их” (Пс. LXXII, 16, 17). На последнем
суде, действительно, будет не так: открытое бедствие не-
праведных и открытое счастье праведных покажет далеко
не то, что теперь.

Глава XXIX

После увещания иудеям помнить закон Моисеев, так
как предвидел задолго, что они будут понимать его не в
смысле духовном, пророк тотчас же прибавляет: “Вот, Я
пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня
Господня, великого и страшного. И он обратит сердца
отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я при-
шед не поразил землю проклятием” (Мал. IV, 5, 6).
Величайшее торжество на устах и в сердцах верных сос-
тавляет то, что в последнее время перед судом иудеи
уверуют в истинного Христа, т. е. в нашего Христа, когда

разъяснит им закон Илия, этот великий и удивительный пророк. Ожидание, что он придет до пришествия Спасителя и Судьи, имеет свое основание, потому что не зря же он считается живущим и в настоящее время. Ибо по весьма ясному свидетельству Писания он был восхищен из круга человеческой жизни на огненной колеснице (IV Цар. II, 11).

Итак, когда он придет, излагая в духовном смысле закон, понимаемый в настоящее время иудеями в смысле плотском, он обратит “сердце отца к сыну”, т. е. отцов к детям, потому что Семьдесят толковников употребили здесь число единственное вместо множественного. А смысл этого в том, что и дети, т. е. иудеи, уразумеют закон так, как разумели его отцы, т. е. пророки, в числе которых был и сам Моисей. Тогда сердца отцов обратятся к детям, когда разумение отцов придет в согласие с разумением детей; “и сердца детей к отцам их”, когда тому, что чувствуют одни, будут сочувствовать и другие. Семьдесят перевели это так: “И сердце человека к искреннему его”^{*}; потому что отцы и дети суть самые близкие между собою. Впрочем, в словах Семидесяти толковников, переводивших в пророческом духе, может также заключаться и другой, более возвышенный смысл; может разуместься, что Илия обратит к Сыну сердце Отца Бога, — не воздействуя, конечно, на Отца, чтобы Отец любил Сына, а уча, что Отец любит Сына, чтобы иудеи полюбили того самого, который и наш, Христа, Которого прежде ненавидели. Для иудеев в настоящее время сердце Божие отведено от Христа нашего потому, что они держатся такого образа мыслей. Поэтому для них сердце Божие тогда обратится к Сыну, когда они сами, обратившись сердцем, научатся и уразумеют любовь Отца к Сыну. Следующие же за тем слова: “И сердце человека к искреннему своему”, т. е. что Илия обратит и сердце человека к его ближнему, какой могут иметь лучший смысл, как не тот, что обратит сердце человека к человеку Христу? Ибо, будучи образом Божиим, Бог наш принял образ раба (Филип. II, 6, 7),

* Так читается в Вульгате.

удостоив нас стать ближним нашим. Итак, это совершит Илия, “чтобы Я пришел не поразил землю проклятием”. Земля — это те, которые мудрствуют о земном; таковы плотские иудеи и в настоящее время. Из этого несовершенства возник упомянутый ропот на Бога: “Всякий, делающий зло, хорош пред очами Господа, и к таким Он благоволит”.

Глава XXX

Есть много других свидетельств в божественных Писаниях о последнем суде Божиим; если бы я стал их приводить все, было бы слишком длинно. Достаточно и того, что мы доказали, что это предвозвещено в священных книгах и Ветхого, и Нового заветов. Но в книгах ветхозаветных о будущем суде через Христа, т. е. о том, что Христос придет с неба в качестве судьи, говорится не с такою ясностью, как в новозаветных; когда в них Господь Бог говорит о Себе, что Он придет, или просто говорится, что Господь Бог придет, — прямо Христос не разумеется. Ибо Господь Бог есть и Отец, и Сын, и Дух Святой. Тем не менее, мы не должны оставить этого без подтверждения свидетельствами. Итак, покажем, во-первых, что Иисус Христос говорит в пророческих книгах как Господь Бог, между тем как совершенно ясно, что это Иисус Христос; тогда и при недостатке подобной очевидности, когда будет идти речь о пришествии Господа Бога для имеющего наступить последнего суда, можно будет разуметь Иисуса Христа.

У пророка Исаии есть место, представляющее ясный пример того, о чем я говорю. Бог говорит через пророка: “Послушай Меня, Иаков и Израиль, призванный Мой: Я тот же, Я первый и Я последний. Моя рука основала землю, и Моя десница распростерла небеса; призову их, и они предстанут вместе. Соберитесь все, и слушайте: кто между ними предсказал это? Господь возлюбил его, и он исполнит волю Его над Вавилоном, и явит мышцу Его над Халдеями. Я, Я сказал, и призвал его; Я привел его, и путь его будет благоуспешен. Приступите ко Мне,

слушайте это: Я и сначала говорил не тайно; с того времени, как это происходит, Я был там; и ныне послал Меня Господь Бог и Дух Его” (Ис. XLVIII, 12 — 16). Ведь это то же самое лицо, которое говорило как Господь Бог; признать, однако же, в нем Иисуса Христа было бы нельзя, если бы говорящий не прибавил: “И ныне послал Меня Господь Бог и Дух Его”. Сказал Он это по образу раба, употребив о будущем событии глагол в прошедшем времени, подобно тому, как у того же пророка читаем: “Как овца, веден был Он на заклание” (Ис. LIII, 7). Не говорит “поведется”, но вместо обозначения того, что будет, употребляет глагол прошедшего времени. Пророчества так говорят постоянно.

Есть и другое место у Захарии, показывающее это с очевидностью, потому что представляет, что Вседержитель (Саваоф) послал Вседержителя (Саваофа): Кто Кого, как не Бог Отец Бога Сына? Говорится так: “Так говорит Господь Саваоф: для славы Он послал меня к народам, грабившим вас; ибо касающийся вас, касается зеницы ока Его. И вот, Я подниму руку Мою на них, и они сделаются добычею рабов своих, и тогда узнаете, что Господь Саваоф послал Меня” (Зах. II, 8, 9). Ваш Господь Вседержитель говорит, что Он послан Господом Вседержителем. Кто осмелится разуместь здесь кого-либо другого, кроме Христа, говорящего, очевидно, к погибшим овцам дома Израилева? В Евангелии Он говорит: “Я послан только к погибшим овцам дома Израилева” (Мф. XV, 24). Этих овец Он сравнил здесь с зеницею ока Божия для обозначения высочайшей степени чувства любви. Из этого рода овец были и сами апостолы. Но после славы воскресения, до наступления которой, по словам евангелиста, “Иисус еще не был прославлен” (Иоан. VII, 39), Он послан был в лице апостолов Своих во все народы. И таким образом исполнилось то, что читается в псалме: “Ты избавил меня от мятежа народа, поставил меня главою иноплеменников” (Пс. XVII, 44); так что обобравшие израильтян, которым израильтяне служили, будучи под властью народов, сами сделались добычей израильтян. Именно это Он обетовал апостолам, говоря: “Я сделаю вас ловцами человеков”

(Мф. IV, 19). Итак, они сделались ловцами, но на добро, как похищенные сосуды у одного “сильного”, но еще сильнее связанного (Мф. XII, 29).

И еще через того же пророка говорит Господь: “И будет в тот день, Я истреблю все народы, нападающие на Иерусалим. А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единокровном сыне” (Зах. XII, 9, 10). Кто, как не Бог, удалит все враждебные святому граду Иерусалиму народы, идущие против него, т. е. неприятельски действующие по отношению к нему, или, как перевели другие, идущие на него, чтобы покорить его; или изольет на дом Давида и на обитателей этого града дух благодати и милосердия? К лицу это, конечно, только Богу, и от лица Божия говорится это через пророка. И, однако же, этим Богом, совершающим такие великие и божественные дела, являет Себя самого Христос, когда добавляет и говорит: “И они воззрят на Него*, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единокровном сыне”. Раскаются в тот день иудеи, даже имеющие принять дух благодати и умиления, что поносили Христа во время Его страданий, когда воззрят на Него, грядущего в величии, и узнают в Нем Того, над Кем издевались прежде в лице отцов своих во время Его унижения; увидят, впрочем, Его, воскреснув, и сами их отцы, виновники такого великого нечестия, но уже в казнь, а не в исправление. Не их поэтому нужно разуметь в этом месте, когда говорится: “А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят...” и т. д., подобно тому, как мы говорим иудеям: вы-де убили Христа, хотя это сделали их отцы; подобно тому и они будут скорбеть, что сами совершили некоторым образом то, что совершили те, от чьего корня они происходят. Итак, хотя по принятии духа благодати и умиления, став уже верными, они не осудятся вместе с нечестивыми отцами своими; однако будут скорбеть, как бы сами сделали то, что сделано отцами. Будут

* У Августина: “И они воззрят на Меня, Которого пронзили”.

скорбеть не по сознанию преступления, а по чувству благочестия.

Кстати, где Семьдесят толковников выразились: “И они воззрят на Меня, Которого поносили”, там с еврейского переводится так: “И воззрят на Меня, Которого пронзили”. Этим словом еще очевиднее указывается на Христа распятого. Но и то поношение, о котором предпочли упомянуть Семьдесят, имело место во время страданий Его; Его подвергали поношению и когда Он был задержан, и когда связан, и когда стоял на суде, и когда в поругание был облечен в позорную одежду, и увенчан тернием, и бит по голове тростью, и чтим в насмешку коленопреклонениями, и нес крест Свой, и висел уже на кресте. Следуя, поэтому, не одному переводу, а принимая в соображение тот и другой, мы, когда читаем и “поносили”, и “пронзили”, с большею полнотою узнаем событие страданий Господних.

Итак, когда в Писаниях пророчески говорится, что для совершения последнего суда имеет прийти Бог, то, хотя бы особого признака не указывалось, вследствие самого упоминания о суде должно разуместь Христа. Ибо хотя Отец и будет судить, но будет судить через пришествие Сына Человеческого. Сам Он, через явление Своего присутствия, “не судит никого, но весь суд отдал Сыну” (Иоан. V, 22), Который явится человеком, имеющим судить, как был человеком судимым. Ибо о ком другом под именем Иакова и Израиля, от семени которого Он принял тело, говорит подобным же образом Бог через Исаию? Читается это так: “Вот, Отрок Мой, которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд. Не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах. Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине; не ослабеет и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать острова” (Ис. XXII, 1 — 4). В еврейском не читается “Иаков и Израиль”*,

* У Августина: “Иаков, отрок Мой, которого Я держу за руку; Израиль, избранный Мой”.

О читается “раб Мой”. Семьдесят толковников, желая, очевидно, показать, в каком смысле нужно понимать последнее выражение, т. е. что оно употреблено для обозначения образа раба, в котором Высочайший явился уничиженнейшим, употребили для названия Его имя того человека, от племени которого принят сам образ раба. Дан на Него Дух Святой, на что указанием, по свидетельству Евангелия, послужит и вид голубя (Мф. III, 16). Возвестил Он народам суд, ибо предвозвестил суд будущий, который был для народов тайной. По кротости не возвышал Он голоса; однако и не прекратил проповеди истины. Но вне не был услышан и не слышится голос Его, так как те, которые вне, отсечены от Его тела, не Ему повинуются. Но и самих гонителей Своих, иудеев, которые по причине потери правдивости уподоблены надломленной трости и льну курящемуся, когда пламени в нем уже нет, Он не переломил и не угасил; Он пощадил их, потому что пришел пока не их судить, а быть от них судимым. На самом же деле по истине произнес суд, предсказывая им время неизбежного наказания, если будут упорствовать в своей злобе. Воссияло на горе лицо Его, на земле слава Его; не стерт, не потушен Он, потому что ни в собственном лице, ни в лице Своей церкви не уступил гонителям, не прекратил Своего существования. Не случилось и не случится того, что говорили и говорят гонители Его: “Когда он умрет и погибнет имя его?” (Пс. XL, 6).

“Доколе на земле не утвердит суда”. Вот и то сокровенное, которое мы искали, открыто. Этот суд, который Он положит на земле, когда явится Сам с неба, последний суд. Что сказано о нем здесь в конце: “И на закон Его будут уповать острова”, — мы видим уже исполнившимся. Ведь то, чего нельзя отрицать, убеждает и в том, что бесстыдно отрицается. Кто, в самом деле, стал бы ожидать (а это и не желающие еще веровать во Христа уже вместе с ними видят, и так как отрицать не могут, скрежещут зубами и терзаются от досады), — кто, говорю, подумал бы, что на имя Христово станут уповать народы, в то время, когда он был взят, связан, бит, подвергнут поношениям, пригвожден ко кресту; когда и сами ученики

потеряли надежду, которую начали было питать на Него? На что в то время выразил надежду один лишь разбойник на кресте, того чают ныне народы, широко и далеко пространенные; и чтобы не умереть навеки, знаменуют себя тем самым крестом, на котором Он умер.

Итак, что будет последний суд через Иисуса Христа в том виде, в каком предвозвещен в священных книгах, этого не отрицает и в этом не сомневается никто, кроме того, кто, не знаю уж по какой невероятной смелости или слепоте, не верит этим Писаниям, которые уже доказали свою истину всему свету. Во время суда или прежде и после самого суда, как мы выяснили, имеют произойти следующие явления: пришествие Илии, уверование иудеев, гонение антихристово, суд Христов, воскресение мертвых, разделение добрых и злых, воспламенение мира и его возобновление. Что все это произойдет, тому следует верить; но каким образом и в каком порядке оно будет, это лучше покажут тогда сами события; в настоящее время человеческое разумение не в состоянии возвыситься до полного понимания предмета. Полагаю, впрочем, что произойдет это в том порядке, в каком у меня изложено.

Чтобы с помощью Божией выполнить данные нами обещания, нам остается написать две книги, относящиеся к предмету настоящего сочинения. Одна из них будет о наказании злых, другая — о блаженстве праведных. Если Бог даст, в них по преимуществу будут опровергаться человеческие аргументы, которые, направляя их против божественных предсказаний и обетований, жалкие люди, как им кажется, грызут мудро, пренебрегая, как ложным и достойным осмеяния, питанием, доставляемым спасительной верой. Для мудрствующих же по Богу на все, что людям представляется невероятным, но что содержится, однако же, в священных Писаниях, истина которых уже удостоверена разными способами, величайшим аргументом служит несомненное всемогущество Божие. Они непременно знают, что Бог не мог в тех Писаниях говорить неправду, и может сделать то, что для неверного кажется невозможным.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

В настоящей книге со всей возможной для нас (с помощью Божией) тщательностью мы исследуем вопрос о том, в чем будет состоять наказание диавола и всех его приверженцев, когда оба града, из которых один — Божий, а другой — диаволов, достигнут через Господа нашего Иисуса Христа, Судию живых и мертвых, своего предназначенного конца. Этого порядка, по которому о блаженстве святых речь будет после, я решил придерживаться потому, что то и другое (наказание и блаженство) будут с телами, а мысль об ожидающих тела вечных муках кажется более невероятной, чем мысль об ожидающем их вечном блаженстве. Поэтому, когда я докажу, что мысль о таком наказании не должна казаться невероятной, — это мне будет весьма полезным в том смысле, что тогда скорее поверят, что бессмертие тел у святых будет чуждо всякой болезни. К тому же такой порядок не исключается и божественными Писаниями, в которых блаженство добродетельных ставится иногда прежде, как в словах: “И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения” (Иоан. V, 29); но иногда и после, в следующем месте: “Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их” (Мф. XIII, 41 — 43), или: “И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную” (Мф. XXV, 46). Кто желает, найдет и у пророков и тот и другой порядок; но приводить все эти места было бы долго. Я же уже сказал, почему предпочел последний порядок.

Глава II

На что же мне указать, чтобы неверующие смогли убедиться, что одушевленные и живые человеческие тела не только могут не разрушаться смертью, но и выдерживать мучения вечного огня? Они ведь не хотят, чтобы мы в этом случае ссылались на могущество Всемогущего, а требуют, чтобы убеждали их каким-нибудь примером. Если мы им ответим, что есть животные, которые, как смертные, подвержены разрушению, и однако же живут в обыкновенном огне, а один род червей находят даже в термальном источнике, температура воды которого такова, что безнаказанно никто ее коснуться не может, а между тем черви не только живут в ней безо всякого для себя вреда, но вне ее и жить-то, не могут, то они или не захотят нам поверить, если мы не сможем предъявить им эти предметы, или же, — если бы смогли это сделать или доказать их существование, предоставив достоверных свидетелей, — под влиянием того же недоверия станут утверждать, что данный факт — недостаточно убедительный пример для предмета, о котором у нас идет речь; потому что подобные животные живут не вечно, и притом живут в указанной температуре без страданий, так как в этой соответствующей их природе стихии они испытывают животворное воздействие, а не страдание. Но разве испытывать в таких условиях животворное воздействие менее невероятно, чем испытывать страдание? Страдать в огне и все-таки жить, конечно, удивительно; но еще удивительнее жить в огне и не страдать. Если верят последнему, почему же не хотят верить и первому?

Глава III

Но, говорят, нет такого тела, которое могло бы страдать и не умереть. Интересно, откуда они это знают? Кто скажет что-либо достоверное о телах демонов? Не в них ли страдают демоны, когда сознаются, что удручены великими муками? Если на это нам ответят, что нет никакого

много, грубого и видимого тела, или, выражаясь яснее, такой плоти, которая могла бы страдать и не умереть; то это значит, что они ссылаются на то, о чем люди узнают на основании телесного чувства и опыта. Кроме смертной плоти они не знают никакой другой, и вся аргументация их сводится к тому, что чего они не испытали, того, по их мнению, и быть не может. Ибо на каком основании должны мы считать страдание доказательством смерти, если само по себе оно служит скорее признаком жизни?

В самом деле, хотя речь у нас о том, может ли жить вечно то, что страдает, однако несомненно, что все то живет, что страдает, и что всякое страдание может быть только в живом существе. Таким образом, не необходимо, чтобы страдание действовало разрушающим образом, потому что далеко не всякое страдание разрушает даже и смертные тела, неизбежно долженствующие умереть; и если какое-либо страдание может действовать разрушительно, причина этого заключается в том, что душа соединена с этим телом так, что уступает слишком сильным страданиям и уходит из тела, ибо сама связь органов и жизненных частей настолько слаба, что не может выдержать той силы, которая причиняет великое или крайне сильное страдание. Между тем, тогда душа будет соединена с таким телом и таким образом, что этой связи уже не расторгнет никакая продолжительность времени, не разрушит никакое страдание. Поэтому, хотя в настоящее время нет плоти, которая могла бы испытывать чувство страдания и не умереть, однако, тогда плоть будет не такую, какова она теперь; равно и смерть тогда будет не такую, какова она ныне. То будет не ничтожная смерть, а смерть вечная, когда душа не будет в состоянии, не имея Бога, жить, а умирая, освободиться от телесных страданий. Первая смерть изгоняет душу из тела против воли; вторая смерть против воли будет держать душу в теле; у той и другой смерти общим является претерпевание душою от своего тела того, чего она не хочет.

Наши оппоненты обращают внимание на то, что нет плоти, которая могла бы страдать и не умереть, но не хотят замечать, что есть нечто такое, что выше тела. Ведь

сам дух, присутствием которого тело живет и управляется, может и испытывать страдания, и не умирать. Вот и оказывается существо, которое хотя и испытывает чувство страдания, однако же — бессмертно. И в телах осужденных будет тогда то же самое, что, как видим, бывает теперь в душе каждого человека. А если присмотреться повнимательней, то страдание, называемое телесным, скорее имеет отношение к душе. В самом деле, страдает, собственно, душа, а не тело, даже когда причина страдания души заключается в теле, когда страдание чувствуется там, где повреждено тело. Отсюда, как тела мы называем чувствующими и живыми, хотя жизнь и чувство получают они от души, так же называем тела и страдающими, хотя страдание в теле может чувствоваться только благодаря душе.

Таким образом, душа страдает вместе с телом в той его части, где происходит что-нибудь, что причиняет страдание. Страдает она и одна, хотя находится в теле, когда по какой-нибудь, часто невидимой, причине бывает печальна при совершенно здоровом состоянии тела. Страдает она, когда уже и не находится в теле; страдал же оный богач в аду, когда говорил: “Я мучусь в пламени сем” (Лук. XVI, 24). Тело же как неодушевленное не страдает, так и одушевленное не страдает без души. Следовательно, если бы страдание служило основанием к прямому заключению о смерти, так, что смерть являлась бы вследствие того, что раньше имело место страдание, то свойство умирать нужно было бы приписать душе, которой, собственно, и принадлежит свойство страдать. Но так как душа, которая может страдать, умирать не может, то какое же отсюда основание верить, что те тела умрут потому, что будут подлежать страданиям? Правда, платоники говорили, что свойство бояться, желать, страдать и радоваться душа получает от земных тел и смертных органов. На этом основании Вергилий говорит: “Отсюда (т. е. от смертных органов земного тела) и страхи у них, и желанья, страданья и радость”^{*}; Но в четырнад-

^{*} Virg. Aeneid. VI, v. 733.

цатой книге настоящего сочинения мы доказали им, что души, даже и очищенные от всякой телесной скверны, сами по себе имеют страстное желание, в силу которого начинают хотеть снова вернуться в тела. А где может быть желание, там, конечно, может быть и страдание. Ибо желание, обманутое недостижением того, к чему оно стремилось, или потерей того, чего достигло, переходит в страдание. Поэтому, если душа, которая страдает или одна, или — в наибольшей степени, имеет сама по себе известное бессмертие, то и тела те не умрут от того, что будут страдать.

Наконец, если тела служат причиной страданий душ, то почему причинять им страдание они могут, а смерть — не могут, как не потому, что непоследователен вывод, будто причина смерти заключается в том, от чего происходит страдание? Итак, почему же невероятна мысль, что огонь может причинять тем телам страдание, а не смерть, точно так же, как тела могут причинять страдание душам, которым, однако, не могут через это причинить смерти? Следовательно, страдание не является неопровержимым доказательством будущей смерти.

Глава IV

Поэтому, если саламандра живет в огне, как пишут любознательные исследователи природы животных; если некоторые всем известные горы Сицилии столь продолжительное время, с глубокой древности и до наших дней, непрерывно извергают пламя и остаются целыми, тем самым непрерываемо свидетельствуя, что не все то гибнет, что горит; наконец, если и душа наша показывает, что не все умирает, что может страдать, то каких еще требуют от нас примеров, которые бы показывали, что нет ничего невероятного, если тела людей, осужденных на вечное мучение, будут сохранять душу и в огне, будут гореть, не сгорая, и страдать, не погибая? Субстанция плоти получит тогда это свойство от Того, Кто наделил все видимые нами вещи самыми удивительными и разно-

образными свойствами, которые лишь потому не возбуждают в нас удивления, что их много. Ибо кто, как не Бог, Творец всего, сообщил мясу мертвого павлина свойство не портиться? Хотя рассказ мой и покажется, пожалуй, невероятным, но с нами действительно был такой случай. В Карфагене нам предложили сваренного павлина; мы приказали из его груди вырезать кусок мякоти, достаточной на наш взгляд величины, и спрятать; этот кусок через некоторое время, более чем достаточное для того, чтобы всякое другое мясо испортилось, когда его нам предложили, не имел никакого неприятного запаха. Спрятав его снова, мы нашли его таким же по истечении более чем тридцати дней, и таким же по истечении года, с той только разницей, что мясо сделалось несколько суше и жестче.

А кто дал соломе силу, то такую охлаждающую, что она сберегает покрытый ею снег, то такую согревающую, что она помогает дозревать незрелым яблокам? Кто объяснит удивительные свойства самого огня, который все обожженное делает черным, будучи сам светлым, — будучи самого яркого цвета сам, обесцвечивает почти все, что охватывает и поглощает, и блестящий раскаленный уголь обращает в уголь самого черного цвета? Да и это свойство огня не составляет, так сказать, правила, потому что, наоборот, побывавшие в его пламени камни становятся и сами белыми; и хотя огонь имеет скорее красный цвет, а они — белый, однако, белое соответствует свету, как черное соответствует тьме. Итак, когда огонь горит в дровах, раскаляя камни, он имеет противоположные действия, но не противоположные предметы. Ибо, хотя дрова и камни различны между собою, однако, не противоположны так, как белое и черное, из которых одно огонь производит в камнях, а другое — в дровах, камни делая светлыми, а дрова темными, — не противоположны потому, что огонь исчезает и в камнях, как только потухает в дровах. А в углях разве не заслуживают удивления, с одной стороны, такая их хрупкость, что они ломаются от самого легкого удара и рассыпаются от самого слабого нажима, с другой — такая прочность, что они не разрушаются и

не побеждаются никаким временем; так что их обыкновенно подсыпают межешки под межевые камни, дабы убедить спорщика, который вздумал бы по истечении некоторого времени доказывать, что поставленный камень не составляет межи. Кто же, как не огонь, этот разрушитель вещей, служит причиной, что они, зарытые во влажную почву, могут так долго оставаться невредимыми?

Обратим также внимание на удивительное свойство известкового камня, который, независимо от того, о чем мы говорили выше, т. е. что от огня он белеет, тогда как все другое чернеет, получает еще самым незаметным образом от огня огонь, и глыба, снаружи уже холодная, содержит в себе этот огонь столь сокровенно, что он абсолютно неприметен ни для одного из наших чувств, и только опытный человек знает, что он содержится в извести и тогда, когда его не видно. На этом основании такую известь мы называем живой (негашеной), как-будто бы этот скрытый огонь был невидимою душой видимого тела. Разве не заслуживает удивления то, что известь воспламеняется тогда, когда гасится? Ибо для того, чтобы она лишилась скрытого огня, известь заливается и растворяется водою; и вот, будучи прежде холодной, она начинает кипеть от того, от чего все кипящее охлаждается. Таким образом, в то время, когда известковая масса, так сказать, испускает дыхание, огонь, бывший скрытым, исходя из нее, обнаруживает себя; а затем масса становится, как бы вследствие смерти, такою холодной, что уже не загорается от прибавления воды; и мы ту самую известь, которую называли живой, начинаем называть гашеной. Что же еще можно прибавить к этому удивительному свойству? Можно, пожалуй, прибавить следующее. Если в известь влить не воды, а масла, которое для огня — тот же трут, налитая и растворенная в нем известь не закипит. Если бы о подобном удивительном свойстве мы вычитали или от кого-либо услышали, не наблюдая этого сами, — мы сочли бы все это вымыслом или, по крайней мере, изумились бы в высшей степени. Примеры подобных явлений мы имеем перед своими глазами ежедневно и они теряют для нас свое значение не потому, что заурядны, а потому,

то часто повторяются, подобно тому, как перестали мы удивляться некоторым и из тех диковинок, которые занесены к нам из Индии, этой удаленной от нас страны.

У нас многие, особенно же ювелиры и резчики драгоценных камней, имеют алмаз, о котором идет молва, что он не поддается ни железу, ни огню, ни чему-либо другому, за исключением козлиной крови. Но для тех, которые знают и имеют его, разве он в такой же степени диво, как для тех, перед которыми это его свойство показывается в первый раз? Те же, которым его не показывали, вероятно и не поверят этому, а если и поверят, будут удивляться, как явлению неиспытанному; если же им представится случай познакомиться с ним на опыте, то хотя оно и возбудит в них удивление, как выходящее из обычного ряда явление, но повторение опыта это удивление в них мало по малу охладит. Известно, что камень-магнит имеет удивительное свойство притягивать железо; когда я в первый раз это увидел, я попросту ужаснулся. Я видел, как этим камнем было притянуто и подцеплено железное кольцо, потом — как-будто камень передал и сообщил свою силу железу, которое им было притянуто — это кольцо было придвинуто к другому и притянуло его к себе, и как первое кольцо прицепилось к камню, так второе прицепилось к первому кольцу; таким же образом прицеплено было и третье кольцо, а потом и четвертое, и вот из этих взаимно соединенных между собою кружочков нанизалась как бы цепь колец, не внешним, а внутренним образом соединенных одно с другим. Кто не пришел бы в изумление перед этой силою камня, которая не только заключалась в нем самом, но и проходила через столько колец и невидимую связью прицепляла их одно к другому?

Но гораздо более удивительно то, что слышал я про этот камень от моего собрата и соепископа Севера Милевитского. Он рассказывал, что сам видел, как некто Батанарий, комит Африки, во время пребывания у него епископа принес такой камень и держал над ним серебро, а на серебро положил железо; затем он начал двигать бывшей внизу рукой, которою держал камень, и вместе

с нею двигалось сверху и железо; в то время, как находившееся посередине серебро оставалось в совершенно спокойном положении, за самыми быстрыми движениями взад и вперед камня внизу в руках человека тянулось вверх и железо к камню. Это я передал то, что видел сам и что слышал от такого лица, которому верю так, как если бы видел сам. Теперь скажу, что я читал о магните. Если подле магнита положить алмаз, он уже не притягивает к себе железа, а если железо уже было притянуто к нему, оно тотчас отпадает, лишь только приблизится алмаз. Эти камни доставляются к нам из Индии; но если мы перестали удивляться и им, как нам уже вполне известным, то во сколько раз менее удивляются им те, от кого мы их получаем, если они у них — вещи самые обыкновенные, такие же, пожалуй, как у нас известь, удивительным образом кипящая от воды, которая обыкновенно тушит огонь, и не кипящая от масла, от которого обыкновенно огонь воспламеняется, но которой мы не удивляемся потому, что это для нас — обыденное явление?

Глава V

Несмотря на это, когда мы говорим о бывших или грядущих чудесах Божиих, люди неверующие, которым мы не можем доказать их опытным путем, требуют от нас их объяснения, и так как мы не в силах этого сделать (ибо оно превышает возможности человеческого ума), считают наши слова ложью. Пусть же сами они дадут объяснение тем весьма многим удивительным явлениям, которые мы или можем видеть, или даже видим. Если они поймут, что объяснить подобные явления человек не в состоянии, то должны будут признаться, что если что-нибудь не может быть объяснено, это еще не служит доказательством, что его не было или не будет; ибо и теперь есть явления, объяснить которые мы также не можем.

Не стану слишком много распространяться о том, что сообщается в книгах не о прежде бывшем и уже минувшем, но о существующем еще и теперь в некоторых

странах, где всякий, кто хочет и может туда отправиться, способен проверить, так ли оно на самом деле. Остановлюсь на немногом. В Сицилии есть агригентская соль; если, говорят, приблизить ее к огню, она делается жидкой, как в воде, а если приблизить к воде, трещит, как в огне*. В Гарамантах есть один источник, который днем бывает таким холодным, что из него нельзя пить, а ночью таким горячим, что нельзя к нему прикоснуться**. В Эпире есть другого рода источник, в котором горящие факелы тухнут, как и во всех других, но потухшие — зажигаются, не как в других***. Аркадийский камень асбест называется так потому, что один раз зажженный уже не может потухнуть****. Дерево какой-то египетской пальмы в воде не плавает, как всякое другое дерево, а тонет, и — что еще удивительнее — побыв некоторое время в глубине, всплывает на поверхность, тогда как намокшее должно было бы сделаться тяжелее воды*****. В земле содомитов растут и созревают яблоки, которые, если пожевать их или подавить, обращаются в дым и пепел, как только лопаются их кожица*****. Персидский камень пирит, если сильно сжать его, обжигает руку, отчего и получил свое название*****. В той же Персии растет селенит (лунный камень), внутренний блеск коего увеличивается и уменьшается вместе с фазами луны*****. В Каппадокии кобыла иногда зачинает от ветра, и такие порождения живут не больше трех лет*****. Индийский остров Тилон отличается от других стран тем, что всякое растущее там дерево никогда не обнажается от своей листвы*****.

* Plinius, lib. 31, с. 7.

** Ibid., lib. 5, с. 5.

*** Ibid., lib. 2, с. 103.

**** Ibid., lib. 37, с. 10. От греч. ασβεστος — неугасимый.

***** Ibid., lib. 13, с. 7.

***** Solinus, с. 35; Tacitus, lib. 5, с. 5.

***** Plinius, lib. 1, с. 19 et lib. 37, с. 11. От греч. πυρ — огонь.

***** Ibid., lib. 37, с. 10.

***** Solinus, с. 15; Plinius, lib. 8, с. 42.

***** Plinius, lib. 12, с. 11.

Пусть объяснят нам, если могут, эти и другие бесчисленные удивительные явления, о которых рассказывает история не прежде бывших и уже не существующих, а существующих и теперь стран (для меня, имеющего в виду другие цели, говорить обо всем этом подробно ни к чему), те неверующие, которые не хотят верить божественным Писаниям, не считая их божественными именно потому, что в них говорится о невероятных предметах, подобных тем, о которых ведется настоящая наша речь. “Разум не допускает, чтобы плоть горела и не уничтожалась, страдала и не умирала”, — говорят они, эти великие умники, могущие дать объяснение всем, какие только известны, чудесным предметам. Пусть же объяснят они нам те немногие упомянутые нами явления, которым они, если бы о существовании их не знали, а мы бы сказали, что такие явления будут, поверили бы еще менее, чем верят теперь, когда мы говорим о том, что некогда будет. В самом деле, кто из них поверил бы нам, если бы мы, подобно тому, как говорим про будущие живые тела людей, что они будут вечно гореть и страдать и, однако, никогда не умрут, сказали, что в будущем веке будет такая соль, которая от огня будет разжижаться, как от воды, а от воды трещать, как от огня; или такой источник, вода которого во время ночной прохлады будет делаться столь горячей, что к ней нельзя будет прикоснуться, а во время дневной жары, напротив, столь холодной, что ее нельзя будет пить; или такой камень, который обожжет руку того, кто его попробует сжать, или же такой, который, будучи раз зажженным, не сможет уже погаснуть; и все остальное, о чем я сказал выше, опустив при этом бесчисленное множество других подобных явлений?

Итак, если бы на нашу речь о том, что будет в будущем веке, неверующие возразили нам: “Если хотите, чтобы мы этому верили, объясните нам каждый пункт в отдельности”; то мы признались бы, что дать такого объяснения не можем, ибо эти и подобные дивные дела Божии превышают слабое разумение смертных. Но в то же время мы твердо убеждены, что Всемогущий не без основания устроил так, что слабый человеческий ум такого

Объяснения дать не может. И хотя нам во многих случаях и не ясно, чего Он хочет, однако очевидно, что для Него возможно все, чего бы Он ни захотел! И когда Он говорит, мы веруем Ему, так как не можем допустить в Нем ни бессилия, ни обмана. Что же эти гонители веры и искатели объяснений ответят нам относительно тех явлений, которых человек объяснить не может, но которые, однако же, существуют и, по-видимому, противоречат самому закону природы? Если бы мы сказали, что такие явления будут, неверующие и в этом случае потребовали бы от нас объяснения, совершенно так же, как теперь требуют от нас объяснения того, что некогда произойдет согласно нашему учению. А так как для объяснения этих дел Божиих недостаточны ни ум, ни слово человека, то как эти (явления) бывают, так и те будут невзирая на то, что человек не в состоянии их объяснить.

Глава VI

На это нам могут сказать: “Ничего этого нет и ничему этому мы не верим; все, что говорится и пишется об этом, ложь”; и прибавят к этому еще и такие соображения: “Если этому следует верить, то верьте и вы тому, о чем сообщается в книгах, будто бы было или существует некое капище Венеры, а в нем — подсвечник, а на подсвечнике — лампада, горящая под открытым небом так, что ее не тушат ни буря, ни дождь; отчего, подобно тому камню, она называется *λυχνος αβεστος*, т. е. неугасимая лампада”. Это могут сказать нам затем, чтобы поставить нас в тупик: если мы скажем, что этому не следует верить, то таким ответом ослабим свидетельства о вышеприведенных нами чудесных явлениях; а если согласимся, что верить следует, то тем самым признаем истинность языческих богов. Но мы, как я сказал уже в восемнадцатой книге настоящего сочинения, не считаем необходимым верить всему, что содержится в истории народов, коль скоро сами историки, по словам Варрона, во многом как бы намеренно и с умыслом противоречат друг другу; а

верим, если хотим, только тому, что не противоречит книгам, которым, по нашему убеждению, мы должны верить. Из области чудес для убеждения неверующих в том, что будет, для нас вполне достаточно и вышеприведенного, что каждый из нас может проверить на опыте и чему нетрудно найти достоверных свидетелей.

Впрочем, что касается капища Венеры и неугасимой лампы, то в этом случае для нас не только нет ни малейшего затруднения, но, напротив, открывается широкое поле. К этой неугасимой лампе мы прибавим и многие другие чудеса, совершаемые и людьми с помощью человеческого и магического, т. е. демонского, искусства, и самими демонами; если бы мы захотели отрицать их, то стали бы в противоречие со свидетельством священных книг, которым мы веруем. Итак, или в лампе той устроено было человеческим искусством какое-нибудь приспособление из камня асбеста; или же то, чему в том храме удивлялись, производилось при помощи магического искусства; или, наконец, под именем Венеры находился тут какой-нибудь демон, чтобы пред людьми явилось и оставалось это чудо. А к такой оседлости среди тварей, которых не они создали, а Бог, демоны приманиваются, смотря по своему различию, разными привлекательными для них не родами пищи, как животные, а знаками, как духи, — знаками, которые соответствуют вкусу каждого из них, а именно — разного рода камнями, травами, деревьями, животными, заклинаниями, обрядами. Приманкою служат для них и люди, но в этом случае демоны прежде сами обольщают людей какою-нибудь коварнейшей хитростью, или отравляя их сердце тайным ядом, или прикрываясь ложной дружбой, и делают немногих из них своими учениками, которые являются уже учителями весьма многих. Ибо никто не мог знать, чего каждый из демонов желает, чего страшится, каким именем призывается, каким принуждается, прежде чем сами они этому научили; именно отсюда и возникли магические искусства и мастера в них. Но преимущественно демоны овладевают сердцами людей, когда преобразуются в ангелов света (II Кор. XI, 14), и этим обладанием похваляются более

всего. Таким образом, деяний демонских весьма много, и чем более мы признаем их удивительными, тем с большей осторожностью должны их избегать. Но по отношению к тому, о чем идет у нас речь, они имеют и полезную для нас сторону, а именно: если такие дела могут делать нечистые демоны, то во сколько же раз могущественнее их святые ангелы, а всех ангелов — Бог, Который и самим ангелам даровал силу совершать такие чудеса?

Таким образом, если человеческое искусство, пользуясь творением Божиим, совершает столько и таких удивительных дел (которые у греков называются *μηχανήματα*), что люди незнающие называют их божественными, — к числу которых относится и то, что в одном храме в полу и крыше на соразмерном расстоянии установлены были магниты, а в середине между тем и другим камнем в воздухе — железный истукан, который для незнавших, что находится выше и ниже его, казался висящим в пространстве как бы по мановению божества, — равно и то, что, как я уже сказал, могло быть устроено искусником и в лампаде Венеры при посредстве камня асбеста; если действия магов, которых наши писания называют волхвами и чародеями, могли до такой степени возвеличить демонов, что знаменитый поэт шел, очевидно, вслед за понятиями людей, говоря о некоей женщине, которая была сильна в подобном искусстве:

*Она говорит, что ее волшебство тому радует душу,
Кому она хочет, другим же печаль насылает;
Прудит в ручьях воду и звезды назад обращает.
Клич кликнет ночным божествам — сам увидишь,
как дрогнет
Земля под твоими ногами и ясени рухнут с холмов*,*

то во сколько же раз скорее Бог может совершать то, что для неверующих невероятно, а для Его могущества — легко, когда Он же сотворил и силу камней и других вещей, и способности людей, которыми они пользуются

* Virg. Aeneid. IC, v. 487 — 491.

удивительным образом, равно и превосходящие могуществом все земные существа ангельские природы, — сотворил дивной и превосходящей все чудеса силой и совершающей, повелевающей и попускающей премудростью, распорядясь всем так же чудесно, как чудесно и сотворил?

Глава VII

Итак, что может помешать Богу сделать так, чтобы и тела мертвых воскресли, и тела осужденных вечно мучились в огне, — Богу, Который сотворил мир, наполненный бесчисленными чудесами как на небе, так и на земле, как в воздухе, так и в водах, хотя сам этот мир есть чудо, несомненно, большее и превосходящее все, чем он наполнен? Но те, с которыми или против которых мы ведем речь, — которые веруют и в Бога, сотворившего мир, и в богов, которых Он сотворил и через которых управляет миром, и, наконец, в кудесников, как добровольных, так и вынуждаемых каким-нибудь культом и обрядом, а естественную силу магов не только не отрицают, но даже еще и превозносят, — когда мы говорим им об удивительной силе других предметов, которые не суть неразумные существа, а одаренные разумом духи, каковы суть те предметы, о коих мы упомянули выше, обыкновенно отвечают: “Такова уж сила их природы; так устроена их природа; таковы действия их природы”.

Выходит, все основание, почему агригентская соль от огня делается жидкой, а от воды трещит, заключается в том, что такова ее природа. Но ведь такое явление представляется скорее противоречащим природе, которая свойство растворять соль дала не огню, а воде, свойство же сушить ее — не воде, а огню. Но, говорят, такова уж естественная сила этой соли, что в огне и воде она претерпевает обратные действия. Такой же ответ дается и о том гарамантском источнике, в котором одна и та же струя днем бывает холодна, а ночью горяча, являясь по тому и другому своему свойству одинаково неприятной для тех, кто к ней прикасается. Такое же объяснение

дается и относительно другого источника, который, будучи холодным для осязания и для гашения, как и другие, зажженного факела, зажигает чудесным образом факел потухший. То же самое говорится и относительно камня асбеста, который, не имея никакого собственного огня, зажженный от огня постороннего горит так, что уже не может погаснуть. Равно и относительно других предметов, перебирать которые заново — скучно, хотя, по-видимому, им присуща необычайная и противная природе сила, дается не иное объяснение, но то, что такова уж, говорят, их природа. Объяснение, признаюсь, весьма сжатое, и ответ достаточный. Но если Бог есть Творец всякой природы, то почему же они не хотят, чтобы мы им привели основание сильнейшее, когда на их нежелание верить чему-либо как невозможному и на требование дать этому объяснение отвечаем, что такова воля всемогущего Бога, Который потому и называется всемогущим, что может все, чего пожелает; Который мог сотворить многое такое, что мы сочли бы решительно невозможным, если бы не видели этого сами или не говорили нам о том достоверные свидетели, причем не только рассказанное мною и вовсе у нас неизвестное, но и такое, что вполне известно. Ибо тому, чему у нас нет прямых свидетельств, кроме тех трех, чьи книги мы читали и что описано людьми, которые не просвещены свыше и как люди могут ошибаться, каждый по своему усмотрению может и не верить, не подвергаясь за это справедливому укору.

Да я и не требую, чтобы верили всему вышеприведенному, ибо и сам этому не верю до такой степени, чтобы в моей мысли не оставалось уже никакого сомнения, за исключением того, что я сам узнал и что каждому легко узнать на опыте, например, что известь в воде кипит, а в масле остается холодной; магнит, который и соломинки не сдвинет, притягивает железо; мясо павлина не портится, а между тем даже тело Платона истлело; солома так холодна, что не допускает снег таять, и так тепла, что помогает дозревать яблокам; огонь, раскаляя камни, делает их белыми сообразно своему свету, а весьма многое, сжигая, чернит вопреки своему свету. Сюда же относится

и то, что прозрачное масло оставляет черные пятна и белое серебро проводит черные линии, а также и то, что в горящем огне дрова претерпевают такие превращения, что из самых ярких по цвету, твердых и подверженных гниению превращаются в темные, хрупкие и негниющие угли. Все это и весьма многое другое, о чем в настоящей книге говорить долго, я узнал вместе со многими, а кое-что и вместе со всеми. Относительно же того, приведенного мною, чего сам я не видел и о чем вычитал из книг, а именно: источника, в котором зажженные факелы гаснут, а погашенные зажигаются, а также ябллок содомской земли, которые снаружи выглядят созревшими, а внутри наполнены дымом, — я даже не смог найти достоверных свидетелей, от которых мог бы доподлинно узнать, действительно ли оно так на самом деле.

Впрочем, если я не встретил людей, которые бы сказали, что видели такой источник в Эпире, то встречал таких, которые знали подобный источник в Галлии, недалеко от Гренобля. Что же касается плодов содомских деревьев, то о них не только упоминают заслуживающие доверия сочинения, но и многие, как говорят, видели их сами, так что в этом случае я не могу сомневаться. Об остальном же я не считаю нужным ни утверждать, ни отрицать; а привел все это потому, что вычитал о нем у историков из лагеря тех, против которых ведется наша речь, — привел с целью показать, как многие из них безо всякого основания верят многому такому, о чем пишется в сочинениях их ученых; между тем, когда мы говорим, что всемогущий Бог сотворит такое, что превышает их опыт и чувство, словам нашим не хотят верить, хотя нами приводится и основание. Ибо что может быть приведено лучше и сильнее того основания, какое приведем мы, когда говорим, что Всемогущий может исполнить то, предсказание о чем мы читаем там же, где предсказано Им многое и другое, что видим уже исполнившимся? Все это, что считается невозможным, исполнится потому, что предсказал об исполнении Тот, Кто обещал, что неверующие народы уверуют невероятному, и исполнил это.

Глава VIII

Нам скажут, что не верят нашим словам о вечных страданиях человеческих тел и в то же время о их бессмертии потому, что организация-де человеческих тел совершенно иная; что в данном случае не может иметь применение то основание, которое приводилось выше в применении к чудесным природам; что нельзя-де сказать, что такова их естественная сила, такова их природа, потому что не такую мы знаем природу человеческой плоти. На это мы могли бы ответить на основании священных Писаний, что одна и та же человеческая плоть иначе была устроена до греха, т. е. так, что могла не подвергаться смерти; и иначе является устроенною после греха, какую мы знаем ее в злополучном состоянии настоящей смерти, когда она продолжать жизни без конца не может. Точно также и в воскресении мертвых она организована будет иначе, чем как известно нам теперь. Но поскольку этим нашим писаниям, в которых изображается, как человек был в раю и как он был далек от необходимости смерти, они не верят (ведь если бы они им верили, нам нечего было бы и толковать с ними пространно о будущем наказании осужденных); то мы из сочинений их мудрейших писателей должны привести что-нибудь такое, из чего было бы видно, что всякий предмет может оказаться иным, чем каким он был известен в ряду других предметов прежде по существенным признакам своей природы.

В книгах Марка Варрона, озаглавленных “О происхождении римского народа”, пишется следующее (привожу в тех самых выражениях, в каких оно читается у Варрона): “На небе, — говорит он, — совершилось удивительное чудо: в звезде Венере, которую Плавт называет Вечерней звездой, а Гомер — Геспером, с прибавлением эпитета “прекраснейший”, произошло, как пишет Кастор, такое диво, что звезда эта изменила цвет, величину, форму и течение, чего не было ни прежде, ни после. Адраст Кизический и Дион Неапольский, известнейшие математики, говорили, что это случилось при царе Огиге”. Писатель, подобный Варрону, не назвал бы, конечно, этого

чудом, если бы оно не казалось ему противным природе, потому что все чудеса мы называем явлениями, противными природе. Но на самом деле они не противны природе. Ибо как может быть противным природе то, что совершается по воле Божией, когда воля Творца есть природа всякой сотворенной вещи? Чудо противно не природе, а тому, как известна нам природа. Кто перечислит все множество чудес, о которых рассказывает история народов? В настоящем случае мы обратим внимание только на одно вышеприведенное, имеющее отношение к предмету, о котором ведется наша речь. Что, кажется, еще до такой степени подчинено Творцом небесной и земной природы порядку, как не строжайше рассчитанное движение светил? Что утверждено такими точными и непреложными законами? И однако, когда захотел Тот, Кто своей высочайшей властью управляет всем сотворенным, звезда, которая по сравнению с другими весьма известна своей величиною и светом, изменила цвет, величину, форму и, что всего удивительнее, порядок и закон своего движения. И это нарушение порядка произошло тогда, когда, без сомнения, существовали уже какие-нибудь таблицы астрологов, которые считались составленными путем безошибочных вычислений прошедших и будущих движений звезд и на основании которых смело говорили, что случай со звездой Венерой не имел места ни прежде, ни после! А в божественных Писаниях мы читаем, что даже само солнце один раз остановилось, когда этого просил у Господа Бога святой муж, Иисус Навин, пока начатое им сражение не окончится победою (Нав. X, 13), а в другой — отодвинулось назад, когда это, соединенное с обетованием Божиим чудо должно было служить знамением, что царю Езекии прибавляется пятнадцать лет жизни (Ис. XXXVIII, 8). Но и эти, совершенные по заслугам святых чудеса, признавая их действительность, приписывают магическим искусствам! Отсюда объясняются и вышеприведенные мною слова Вергилия: “Прудит в ручьях воду и звезды назад обращает”, ибо в священных книгах читаем, что и река остановилась в верхней своей части, а в нижней — утекла, когда переходил через нее под

предводительством упомянутого Иисуса Навина народ Божий (Нав. IV, 18); то же совершилось, когда переходили реку пророк Илия, а потом и ученик его Елисей (IV Цар. II, 8, 14); и великое светило отступило назад в царствование Езекии, как я уже об этом упомянул. Что же касается описанного у Варрона случая со звездой Венерой, то у него не сказано, чтобы это имело место по просьбе какого-нибудь человека.

Итак, пусть неверующие не отуманивают себя знанием природ, как-будто божественною силой в той или другой вещи не может совершиться что-либо иное по сравнению с тем, как люди знают ее природу опытным путем; хотя уже и само то, что в природе вещей всем известно, не меньше было бы удивительным и для всякого внимательного наблюдателя поразительным, если бы люди не имели обыкновения удивляться только явлениям редким. Кто, например, внимательно присмотревшись к бесконечному разнообразию и к такому сходству людей по природе, не заметил того весьма удивительного явления, что каждый из них имеет свой особенный вид, так что если бы все они между собою не были сходны, то вид их не отличался бы от остальных животных, а если бы, с другой стороны, не были друг от друга отличны, то каждый не разнился бы от остальных людей? Таким образом, тех же самых, которых мы признаем сходными, в то же время находим и отличными. Но более удивления возбуждает наблюдение различия, потому что общность природы, по-видимому, скорее требует сходства. И однако, ввиду того, что удивление возбуждают только редкие явления, мы гораздо более удивляемся, когда встречаем двух людей настолько друг на друга похожих, что постоянно или часто их путаем.

Но, может быть, тому, что я привел из Варрона, хотя он и считается у них ученейшим историком, они не верят как факту действительному, или же пример этот представляется им малоубедительным ввиду того, что звезда та изменила свое движение ненадолго и потом снова приняла обычное свое течение. В таком случае есть нечто другое, что может быть наблюдаемо ими еще и теперь и из чего, по моему мнению, они должны убедиться, что хотя бы

они и имели некоторое знакомство с таким или иным устройством природы, все же это еще не дает им права делать предписания Богу, будто бы Он не может превратить или изменить эту природу в нечто совершенно иное по сравнению с тем, как она им известна. Страна содомитов не была, конечно, такою, какова она теперь, а находилась в одинаковом с другими положении и отличалась одинаковым и даже большим плодородием, так как в божественном Писании сравнивается с садом Господним (Быт. XIII, 10). Но после того, как подвергалась небесной каре, — о чем свидетельствует их же история и что примечают в ней еще и теперь бывающие в тех местах, — она поражает страшным смрадом, а ее яблоки под обманчивым видом зрелости внутри заключают пепел. Вот: не была она такою, а теперь — такова! Творец природ чудесным изменением привел ее природу в это ужаснейшее состояние и такую она продолжает оставаться в течение столь долгого времени.

Таким образом, как не было невозможным для Бога создать природы, какие Он хотел, так не невозможно для Него и в созданных производить какие Ему угодно перемены. Отсюда происходит и множество чудес, которые у них называются *monstra*, *ostenta*, *portenta*, *prodigia*, — такое множество, что если бы я захотел их перечислять и припоминать, не было бы и конца настоящему сочинению. *Monstra* (знамения) называют так от *monstrando* (означать), так как они уясняют что-нибудь знаком; *ostenta* (предуказания) — от *ostendendo* (указывать); *portenta* (предзнаменования) — от *portendendo* (предзнаменовать); наконец, *prodigia* (предвещения) называют так потому, что они наперед говорят, предрекают будущее. Но пусть уж сами их гадатели решат, каким образом при посредстве этих явлений они или ошибались, или же по внушению духов, которые стараются сетями вредного любопытства уловить души людей, заслуживающие такого наказания, предсказывали действительные события, или, наконец, среди болтовни наталкивались случайно на частичку истины. Что же касается нас, то все явления, совершающиеся на первый взгляд вопреки природе или называемые таковыми

Этому человеческому способу выражения следует и апостол, говоря, что дикая маслина, привитая вопреки природе к хорошей маслине, становится общником корня и сока маслины (Рим. XI, 17, 24)), — все эти их знамения, предуказания, предзнаменования, предвещения у нас должны служить знамениями, предуказаниями, предзнаменованиями того, что сотворит Бог, — что Свои предсказания относительно человеческих тел Он исполнит, не встретив никакого затруднения, никакого воспрещения со стороны закона природы. А какие это были предсказания, это, полагаю, я достаточно показал в предыдущей книге, почерпнув их из священных Писаний, новых и ветхих; если не все, относящиеся к предмету, то столько, сколько казалось мне достаточным в пределах настоящего сочинения.

Глава IX

Итак, что Бог сказал через Своего пророка о вечном наказании осужденных, так оно и будет, непременно будет: “Червь их не умрет, и огонь их не угаснет” (Ис. LXVI, 24). Для сильнейшего запечатления этих слов и Господь Бог, разумея под членами, соблазняющими человека, таких людей, которых кто-либо любит как свои члены, и повелевая их отсекать, говорит: “Лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает, и огонь не угасает”. Так же говорит и о ноге: “Лучше войти тебе в жизнь хромоту, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает, и огонь не угасает”. Не иначе говорит и о глазе: “Лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает, и огонь не угасает” (Марк. IX, 43 — 48). Три раза сряду повторил Он одно и то же; кого не устрасит это повторение, эта столь сильная угроза вечным мучением, изреченная божественными устами?

Между тем, по мнению некоторых, то и другое, т. е. огонь и червь, относится к мучениям духа, а не тела. Тех, говорят они, которые отделены будут от царства Божия, будет сжигать скорбь поздно и бесплодно кающемся духа; поэтому не было ничего несообразного назвать эту сжигающую скорбь огнем; отсюда и апостол говорит: “Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?” (II Кор. XI, 29). То же, полагают, нужно разуметь и относительно червя. Ибо, говорят, написано (Соломоном): “Как моль одежду и червь дерево, так и печаль точит сердце мужу”. Те же, которые не сомневаются, что в будущих муках наказаниям будут подлежать и дух, и тело, утверждают, что тело будет жечься огнем, а дух подтачиваться своего рода червем печали. Хотя последнее мнение вероятнее, так как нелепо думать, чтобы тогда или дух, или тело были свободны от страдания; однако, по моему мнению, вернее сказать, что то и другое относится к телу, чем одно к телу, а другое к духу. В вышеприведенных словах божественного Писания о страдании духа умалчивается; потому что само собою понятно, хотя и не высказывается, что когда будет страдать таким образом тело, дух будет мучиться бесплодным раскаянием. Ибо и в ветхозаветном Писании читаем: “Наказание плоти нечестивого — огонь и червь” (Сир. VII, 19). Могло бы быть сказано и короче: “Наказание нечестивого”. Почему же сказано “плоти нечестивого”, если не потому, что то и другое, т. е. огонь и червь, будет наказанием плоти? А если о наказании плоти сказано потому, что в человеке будет подлежать наказанию то, что жило по плоти (ибо по этой причине человек вступит во вторую смерть, как указывает апостол в словах: “Если живете по плоти, то умрете” (Рим. VIII, 13)), то пусть каждый выбирает, что ему угодно: или приписывает телу огонь, а духу червя, — первое в буквальном смысле, а последнее в переносном; или же то и другое — телу в буквальном смысле. Выше я уже достаточно показал, что животные могут жить в огне, гореть не уничтожаясь и страдать не умирая, чудесным действием всемогущего Творца; кто отрицает возможность этого для Него, тот не знает, от Кого происхо-

дит все, что только есть удивительного во всех природах. Ибо Он есть Бог, сотворивший в мире все те великие и малые чудеса, о которых мы упомянули, и еще несравненно большие, о которых не упомянули, и заключивший их в этом мире, представляющем собою величайшее из всех чудо.

Итак, пусть каждый выбирает одно из двух, что ему угодно, — пусть думает, что червь относится или к телу в буквальном смысле, или к духу в смысле переносном. А что из этих двух истинно, это яснее покажет само дело, когда наступит такое знание святых, что для них не будет нужды в опыте для исследования тогдашних мучений, а для познания и этого предмета будет достаточно одной только мудрости, которая тогда будет полной и совершенной. Ибо ныне мы знаем только отчасти (I Кор. XIII, 9). А до тех пор будем верить, что будущие тела будут подвергнуты мукам посредством огня.

Глава X

Теперь возникает вопрос: если огонь будет не фигуральным, вроде страданий духа, а материальным, вредным для непосредственного прикосновения, так что в нем будут мучиться тела; то каким образом он будет служить наказанием и для злых духов? Ибо один и тот же огонь будет определен для наказания и людей, и демонов, по слову Христа: “Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его” (Мф. XXV, 41). Разве что предположить, что и демоны, как полагают ученые люди, имеют своего рода тела из этого сгущенного и текучего воздуха, ощущение которого получается, когда дует ветер. Если бы этот род элемента не мог испытывать никакого действия от огня, то он и не жег бы, разгоряченный в банях. Чтобы жечь, он прежде разжигается сам, т. е. делает то, чему сам подвергается. Если же кто-либо станет утверждать, что демоны вовсе не имеют тел, то относительно этого предмета не стоит входить ни в тщательное исследование, ни в препирательство. Разве мы не

можем сказать, что материальный огонь удивительным для нас, но тем не менее действительным образом может служить наказанием и для бестелесных духов, когда души людей, будучи тоже бестелесными, как в настоящее время заключены в телесные члены, так и тогда будут связаны неразрывно узами своего тела? И не имея никаких тел, духи демонов или лучше — духи-демоны, хотя и бестелесны, привлекутся к мучениям посредством материальных огней; не так, разумеется, чтобы эти огни, к которым демоны будут привлечены, сами одушевлялись через соприкосновение с ними и становились животными, состоящими из тела и духа, а, как я сказал, удивительным и необъяснимым образом получая от огней наказание и не давая им пищи. Ибо ведь и тот способ, каким души соединяются с телами и становятся животными, в полном смысле слова удивителен и решительно непонятен для человека; а между тем, это и есть сам человек.

Я бы сказал, что духи, не имеющие тела, будут гореть так, как горел в аду известный богач, когда говорил: “Я мучусь в пламени сем” (Лук. XVI, 24), если бы не предвидел соответствующего возражения, что то пламя было таким же, какими были и глаза, которые богач поднял и которыми увидел Лазаря, каким был язык, прохладить который он желал, каким, наконец, был палец Лазаря, с помощью которого он просил это сделать; там души были без тел. Отсюда, как пламя, в котором горел богач, так и капля, которой он просил, были такими же, каковы бывают видения спящих или в состоянии экстаза видящих бестелесные вещи, хотя и имеющие подобия тел. Да и сам человек, хотя в этих видениях участвует духом, а не телом, видит себя, однако, до такой степени подобным своему телу, что решительно не может провести между ними различия. Но та геенна, называемая также огненным и серным озером (Апок. XX, 10), будет огнем материальным и будет терзать муками тела осужденных, — людей ли и демонов вместе, грубые у первых и воздушные у последних, или только тела людей вместе с духом, а демоны будут мучиться духом без тел, привлеченные только для наказания к материальному огню, но не сообщая

ему жизни. Ибо для тех и других будет один огонь, как изрекла сама Истина (Мф. XXV, 41).

Глава XI

Равным образом, некоторые из тех, против которых мы защищаем град Божий, находят несправедливым, чтобы за грехи, как бы велики они ни были, но совершенные в короткое время, кто-либо был бы осужден на вечные мучения; как-будто когда-нибудь справедливость какого-нибудь закона стремилась к тому, чтобы каждый нес наказание в продолжение именно того времени, в течение которого он совершил то, за что наказывается. Туллий пишет, что в законах указываются восемь родов наказаний, именно: штраф, тюрьма, телесное наказание, возмездие, лишение чести, ссылка, смерть, рабство. Какое же из этих наказаний, соответственно скорости преступления, определяется на такое короткое время, чтобы отбывалось в течение такого же срока, в какой совершено преступление? Исключение может составлять разве что возмездие. Отсюда и изречение закона: “Глаз за глаз, зуб за зуб” (Исх. XXI, 24).

Дело, конечно, возможное, что каждый по суровому закону мести лишается глаза в такое же короткое время, в какое сам учинил это другому. Но если за поцелуй чужой жены подвергнуть телесному наказанию, то употребивший на поцелуй одно мгновение разве не чувствует боли от ударов в течение нескольких часов, и приятность мимолетного удовольствия разве не наказывается продолжительным страданием? А в тюрьме разве каждый осуждается отсидеть столько времени, сколько им было употреблено на совершение того, за что он заслужил заключение, когда считается, например, делом вполне справедливым, если подвергается многолетнему заключению в кандалы раб, нанесший господину оскорбление словом или действием? А штраф, бесчестие, ссылка, рабство, не смягчаемые никакою милостью, разве в пределах настоящей жизни не представляются подобными вечным нака-

заниям? Ибо вечными они не могут быть потому, что сама жизнь, которая ими наказывается, не простирается в вечность; тем не менее преступления, подвергнутые продолжительным наказаниям, совершаются в самое короткое время; и нет такого человека, который бы думал, что наказания преступников должны оканчиваться так же скоро, как скоро совершается человекоубийство, или прелюбодеяние, или святотатство, или иное какое-нибудь злодейство, но всякий полагает, что каждое из них должно быть измеряемо не продолжительностью времени, а величиной непотребства и нечестия. А когда кто-либо наказывается за какое-нибудь великое преступление смертью, разве законы считают наказанием время умерщвления, которое весьма коротко, а не то, что наказуемый навеки исключается из общества живых?

Между тем, удаление людей из настоящего смертного града через наказание путем первой смерти равносильно удалению людей из бессмертного града через наказание путем второй смерти. Ибо как законы настоящего града не призывают умерщвленного снова к жизни, так же точно и законы того града не призывают осужденного на вторую смерть к вечной жизни. Каким же образом, говорят, истинны слова вашего Христа: “Какою мерою мерите, такую же отмерится и вам” (Лук. VI, 38), если временный проступок наказывается вечным наказанием? В этом случае они не обращают внимания на то, что об одной и той же мере сказано не в смысле равного протяжения времени, а в смысле взаимности зла, т. е. в том смысле, что совершающий зло его же и терпит. Впрочем, слова Господа можно понимать в применении к тому предмету, о котором Он говорил, произнося эти слова, а именно: о судах и осуждениях. Так, кто судит и присуждает неправильно, когда судится и осуждается правильно сам, получает хотя и не то, что дал другим, но тою же самую мерой. Он дал путем суда, от суда и терпит, хотя через осуждение оказал несправедливость, а сам терпит уже по справедливости.

Глава XII

Но вечные мучения на человеческий взгляд потому кажутся жестокими и несправедливыми, что при настоящем расслаблении смысла смертных нет у нас того чувства высочайшей и чистейшей мудрости, которое позволило бы нам осознать, какое безмерное преступление совершенно было нашими прародителями. Ибо чем большим прародитель пользовался от Бога, с тем большим нечестием оставил Бога и сделался достойным вечного зла, сам погубив то благо, которое могло быть вечным. За это осуждена вся масса человеческого рода, потому что учинивший это впервые наказан со всем потомством, которое в нем коренилось, так что от этого справедливого и заслуженного наказания никто не освобождается иначе, как милосердной и незаслуженной благодатью; и род человеческий распределяется таким образом, что на некоторых открывается вся сила благодати, на остальных же — вся сила правосудного отмщения. А то и другое на всех не открывается, потому что, если бы все оставались в состоянии наказания вечным осуждением, ни на ком не проявилась бы милосердная благодать Искупителя; с другой стороны, если бы все возводились от тьмы к свету, ни на ком не осуществилась бы строгость отмщения. Но в последнем состоянии находится гораздо большее число, чем в первом, чтобы видно было, чему должны были бы быть повинны все. Если бы это состояние было уделом всех, то и в таком случае никто не имел бы права упрекать правосудие Бога-Отмстителя; а если от него столь многие освобождаются, то пусть они воздают великую благодарность за этот незаслуженный дар Бога-Освободителя.

Глава XIII

Между тем платоники, хотя и полагают, что никакие проступки не должны оставаться безнаказанными, но думают, что все мучения, определяемые как человеческими, так и божественными законами, своею целью имеют исп-

равление или в настоящей жизни, или же после смерти, если в настоящей жизни кто-либо или совсем не наказывается, или наказывается так, что не исправляется. Отсюда известная сентенция Марона, который, сказав о земных делах и смертных членах, прибавляет о душах:

*Отсюда и страхи у них, и желанья, страданья и
радость;
И звук не доходит до них, заключенных в их
мрачной темнице;*

а вслед за этим говорит:

Чтоб жизнь за границей заката осталась с ними;

т. е. чтобы их не покинула жизнь и в последний день.

*Но зло и тогда не пройдет, и не все до конца
Телесные язвы минуют несчастных: глубоко
Врастает в нас многое, с чем мы сживались так
долго;*

*Мучения терпят они, за грехи свои прежние
Несут наказанья: иные, простертые в воздухе,
Висят в нем; злодейства других в пучинах глубоких
Смываются черные; кто-то в огне очищается*.*

Придерживающиеся этого мнения не признают после смерти никаких мучений, кроме очистительных; и так как высшими на земле стихиями служат вода, воздух и огонь, то, полагают, все, зараженное земным осквернением, очищается одной из этих стихий. Так, у Вергилия указывается на воздух в словах: “Простертые в воздухе висят”, на воду в словах: “В пучинах глубоких”, на огонь в словах: “Кто-то в огне очищается”. Признаем и мы, что существуют в настоящей смертной жизни некоторые очистительные мучения, не такие, каким подвергаются люди, жизнь которых оттого не делается лучше, а напротив, даже хуже, но мучения действительно очистительные, от которых под-

* Virg. Aeneid. VI, v. 733 — 742.

вергнутые им исправляются. Все же другие мучения, как временные, так и вечные, божественным промыслом — как и должен каждый смотреть на них — ниспосылаются или за грехи как прошлые, так и те, в которых еще живет наказуемый, или же для упражнения и обнаружения добродетелей, — ниспосылаются при посредстве людей и ангелов, как добрых, так и злых. Ибо если кто-нибудь терпит нечто злое по непотребству или ошибке другого, грешит в этом случае человек, который по невежеству или по несправедливости учиняет кому-нибудь что-нибудь злое, а не Бог, который по справедливому, хотя и сокровенному определению это попускает. Но временные мучения претерпевают одни только в настоящей жизни, другие после смерти, а некоторые теперь и тогда, но во всяком случае раньше одного строжайшего и последнего суда. И те, которые претерпевают временные муки после смерти, не все идут в вечные мучения, имеющие быть после этого суда. Ибо, как я сказал выше, некоторым прощается в будущем веке то, что не прощается в настоящем (Мф. XII, 32), т. е. они не будут подвергнуты нескончаемым мучениям будущего века.

Глава XIV

Между тем, в высшей степени редки люди, которые не несли бы наказаний в настоящей жизни, а только лишь после нее. Однако, мы и сами знали, и от других слышали, что были такие, которые до самой глубокой старости не болели даже самой легкой лихорадкой и провели всю жизнь спокойно; хотя обыкновенно жизнь смертных есть уже сама по себе непрерывное наказание, потому что она — непрерывное искушение, как называют ее священные книги, в коих написано: “Не искушение ли жизнь человеку на земле?” (Иов. VII, 1). И действительно, немалое наказание составляет одно только неразумие или невежество, которое считается до такой степени заслуживающим презрения, что учиться какому-либо ремеслу или грамоте заставляют детей посредством мучительных

наказаний, и само это обучение, к которому дети побуждаются наказаниями, для них так мучительно, что они предпочитают иногда переносить наказания, какими побуждаются к науке, чем учиться. Да и кто не пришел бы в ужас и не предпочел бы умереть, если бы ему предложили на выбор или претерпеть смерть, или снова пережить детство? Начиная свое появление на свет не смехом, а плачем, дитя тем самым бессознательно дает наперед знать, в какие бедствия оно впало. Один только Зороастр, говорят, при своем рождении засмеялся; но и ему этот чудовищный смех не предрек ничего доброго. Говорят, что он был изобретателем магических искусств; однако же, эти искусства не в силах были для мнимого счастья настоящей жизни помочь ему против врагов; будучи царем бактрийцев, он был побежден ассирийским царем Нином. Поистине, написанное: "Тяжкое иго на сынах Адамовых, от дней исхода из чрева матерей их, до дней погребения их в матери всех" (Сир. XL, 1) исполняется с такой необходимостью, что даже дети, освободившиеся банею возрождения от уз первородного греха, в котором одном были повинны, испытывая много зла, страдают иногда от нападений злых духов. Это страдание, впрочем, не вредит детям, если они оканчивают жизнь в этом возрасте даже под тяжестью самого этого страдания, служащего причиной отделения души от тела.

Глава XV

Однако же, в тяжком иге, лежащем на сынах Адама от дня исхода из чрева матери и до дня погребения в общую мать, заключается и это удивительное зло затем, чтобы мы были благоразумны и понимали, что настоящая жизнь сделалась для нас мучительной вследствие того в высшей степени непотребного греха, который был создан в раю, и что все, совершаемое в нас Новым заветом, имеет отношение ни к чему иному, как к новому наследию нового века, дабы, получив теперь залог, мы наследовали в свое время и то, залогом чего он служит,

А пока ходили в надежде и, со дня на день совершенствуясь, умерщвляли духом дела плотские (Рим. VIII, 13). Ибо “познал Господь Своих” (II Тим. II, 19); и “все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии” (Рим. VIII, 14). Но (сыны Божии) по благодати, а не по природе. По природе есть только один Сын Божий, ради нас по милосердию сделавшийся Сыном Человеческим, чтобы мы, будучи по природе сынами человеческими, стали по благодати сынами Божиими. Ибо, оставаясь неизменным, Он принял от нас нашу природу, чтобы в ней воспринять нас, и непреложно сохраняя Свое божество, сделался причастным нашей слабости, чтобы мы, изменившись на лучшее, совлекали свое смертное и греховное состояние через общее с Ним, бессмертным и праведным, дополняя это добро в благодати Его природы высшим добром. Ибо как через одного согрешившего (Рим. V, 12) мы дошли до столь великого зла; так через одного и того же оправдывающего, человека и вместе — Бога, достигаем столь великого блага.

Никто не должен считать себя перешедшим от первого к последнему до тех пор, пока не будет там, где не будет уже никакого искушения, пока не достигнет мира, приобретаемого ценою многих и разнообразных подвигов этой брани, в которой плоть желает противного духу, а дух — противного плоти (Гал. V, 17). Подобной брани никогда не было бы, если бы человеческая природа силою свободной воли устояла в той правоте, в которой была сотворена. Но не захотев оставаться в мире с Богом, когда была блаженною, ныне, потеряв блаженство, она враждует сама с собою. И однако, хотя существует в настоящее время эта плачевная вражда, она все же лучше, чем предыдущая история человечества. Гораздо лучше, конечно, когда борются с пороками, чем когда без всякой борьбы остаются в подчинении у них. Лучше, говорю, война с надеждой на вечный мир, нежели плен без всякой мысли об освобождении. И мы желаем избавиться от этой войны, горим огнем божественной любви к приобретению того строжайшим порядком исполненного мира, где низшее непреложно подчинено высшему. Но если (не дай Боже!)

нет уже никакой надежды на такое благо, то мы должны лучше оставаться в тягостном состоянии этой борьбы, чем без борьбы допустить порокам возобладать над собою.

Глава XVI

Впрочем, милосердие Божие к сосудам милосердия, предуготованным к славе, так велико, что даже первый возраст человека, т. е. младенчество, подчиняющееся плоти без всякого сопротивления, и второй, называемый детством, в который разум еще не начал борьбы с плотью и находится под влиянием почти всех порочных удовольствий, так как дитя по слабости ума еще не способно к наставлению, хотя уже владеет даром слова и вышло из младенчества, — даже эти два первых возраста, если они приняли таинства Ходатая, т. е. переведены от власти тьмы в царство Христово, хотя бы и умерли в этих летах, не только не предназначаются к вечным мукам, но даже не претерпевают после смерти никаких очистительных наказаний. Для них достаточно одного духовного возрождения, чтобы после смерти не вредило им то обстоятельство, что плотское рождение сопряжено со смертью. Но коль скоро дитя вступает в возраст, в котором начинаются обучение и возможность подчинения закону, оно должно начинать борьбу с пороками и вести ее настойчиво, чтобы не склониться к грехам, уже заслуживающим осуждения. И если эти пороки привычкой к победам еще не усилились, они легко побеждаются и уступают, а если привыкли побеждать и властвовать, то победа над ними становится весьма трудной. Истинно эта победа достигается только при условии услаждения истинной праведностью, которая существует лишь в Христовой вере. Ибо раз повелевающий закон существует, а в духе нет соответствующего ему расположения, то запрещение подстрекает греховное желание, и когда оно побеждает, — виновность и в нарушении закона.

С другой стороны, бывают случаи, когда самые явные пороки побеждаются другими скрытыми пороками, счита-

ыми добродетелями людьми, в которых царствует гордость и гибельная надменность самоуслаждения. Отсюда, пороки должны считаться побежденными тогда, когда они побеждаются любовью к Богу, сообщаемой только самим Богом и только через Ходатая Бога, человека Иисуса Христа, Который сделался причастным нашей смертности, чтобы мы были причастны Его божеству. Весьма немногие так счастливы, что с самой юности своей не совершают никаких достойных осуждения грехов, заключающихся в позорных поступках или преступлениях, или же в каком-либо непотребном и нечестивом заблуждении, а все, к чему только могло склонить их плотское удовольствие, подавляют изобильно сообщенными силами духа. Наибольшая же часть людей с принятием обязательств закона сначала побеждаются преобладающими пороками и делаются нарушителями закона, и только тогда уже прибегают к помощи благодати и при ее посредстве, путем более искреннего раскаяния и более настойчивой борьбы становятся победителями, подчинив сперва свой ум Богу, а потом уму — плоть. Итак, всякий, кто хочет избежать вечных мучений, должен не только креститься, но и оправдаться во Христе, и, таким образом, перейти от диавола к Христу. Относительно же очистительных наказаний должно думать, что если они и будут, то во всяком случае будут ранее того последнего и страшного суда. Не следует, впрочем, отрицать, что и сам тот вечный огонь, смотря по заслугам, для одних из грешников будет легче, а для других — тяжелее, вследствие ли того, что его сила и жар будут различны, смотря по заслуженному каждым наказанию, или же жечь он будет одинаково, но не с одинаковой мучительностью будет ощущаться.

Глава XVII

Теперь считаю необходимым обратиться со своей речью и с мирным рассмотрением уже к нашим милостивцам, по мнению которых или все люди, коих правосуднейший Судья найдет заслуживающими гееннского наказания, или

же некоторые из них мучиться будут не вечно, а после известного пространства времени, более или менее продолжительного, смотря по свойствам грехов каждого, будут освобождены от этих мучений. В этом случае милостивее других был Ориген, который полагал, что даже сам диавол и его ангелы, после более продолжительных и тяжких наказаний сообразно заслуженному, будут освобождены от этих мук и присоединены к святым ангелам. Но отчасти за это, отчасти за кое-что другое, в особенности же за мнение о беспрестанно чередующихся блаженствах и злополучиях и бесконечно повторяющихся через определенные промежутки веков переходах и возвратах от блаженства к злополучиям и наоборот, Ориген был отвергнут церковью, и вполне заслуженно, так как на самом деле не оказался и милосердным, потому что усвоял святым состояния истинно-злополучные, когда они претерпевают муки, и ложно-блаженные, когда они не имеют истинного и безмятежного, т. е. чуждого всякого страха, наслаждения вечным благом.

Совершенно иначе под влиянием человеческого сострадания погрешает милосердие тех, которые считают злополучия людей, осужденных на последнем суде, временными, и даже для всех них, рано или поздно имеющих получить помилование, допускают вечное блаженство. Если это второе мнение потому хорошо и верно, что милосердно, то его нужно было бы считать тем лучше и вернее, чем оно милосерднее. Пусть же источник этого милосердия распространится и прольется и на осужденных ангелов, которые, хотя и после длинного ряда веков, но должны же быть помилованы. Почему же он, распространяясь на всю человеческую природу, должен отчасти иссякнуть, когда доходит до ангельской? Но они не осмеливаются простираť своего милосердия далее сказанного и не доводят его до помилования самого диавола. Правда, некто был более смелым и превзошел их; за то, как оказалось, он впал в тем более грубое и превратное заблуждение против прямого слова Божия, чем более считал себя милостивым.

Глава XVIII

Есть и такие (я сам в своих беседах имел дело с подобными людьми), которые, по-видимому, питая уважение к священным Писаниям, по своему поведению не заслуживают одобрения, и, защищая себя, приписывают Богу гораздо большее милосердие к человеческому роду, чем вышеупомянутые. Они говорят, что хотя о людях порочных и неверующих в Писании и сказано, что они достойны мучения, но когда дело дойдет до суда, победит милосердие. Милосердный Бог, говорят они, помилует их по молитвам и ходатайству Своих святых. Ибо, если святые молились за них тогда, когда видели в них врагов, то не тем ли более будут молиться за них, когда увидят их униженными и покорными? Ведь нельзя же допустить, чтобы святые были чужды чувству милосердия тогда, когда будут преисполнены совершеннейшей святости, чтобы они, молившиеся за своих врагов, когда и сами не чужды были греха, не стали молиться за своих просителей, когда не будут уже иметь никакого греха. Разве Бог не послушает тогда молений стольких и таких сынов Своих, когда в этой святости их не будет встречать ничего, что затрудняло бы их моления? И как те, которые допускают, что неверующие и недостойные люди претерпевают муки в продолжении долгого времени, и после того освобождаются от всех зол, так особенно часто эти в свою защиту ссылаются на свидетельство псалма, в котором говорится: "Неужели Бог забыл миловать? Неужели во гневе затворил щедроты Свои?" (Пс. LXXVI, 10). Гнев Его, говорят они, выражается тем, что все недостойные вечного блаженства будут самим Судьею осуждены на вечное наказание. Но если Бог допустит это наказание на долгое или на какое бы то ни было время, Он во всяком случае должен будет для этого в Своем гневе затворить Свои щедроты; чего, как говорит псалом, Он не сделает.

Угрозу суда Божия, хотя и никто не будет осужден, они считают угрозой не ложной точно так, как мы не можем назвать ложной изреченную Богом угрозу, что он истребит город Ниневию (Ион. III, 4); хотя то, что Он

предрек безо всякого условия, не исполнилось. Он не сказал: “Ниневия истребится, если (жители ее) не покаются и не исправятся”, но предвозвестил истребление этого города, не сделав такого добавления. Эту угрозу они считают истинною потому, что Бог предрек то, чего (ниневитяне) заслуживали действительно, хотя и не допустил исполниться Своей угрозе. Ибо, говорят, хотя Он пощадил уже покаявшихся, но Он несомненно знал, что они покаются, и тем не менее безусловно и решительно предрек, что истребление это было предсказано на основании строгости, потому что они того заслуживали; но оно не последовало в силу милосердия, которого Бог не затворил в Своем гневе, пощадив повинившихся от наказания, каким угрожал строптивым. Если же, говорят, Бог оказал пощаду тогда, когда этой пощадой опечалил Своего святого пророка, то не тем ли более щедрую пощаду окажет Он тогда, когда о пощаде будут Его молить все святые? Но об этом, предположение о чем строят они в своем уме, священное Писание, по их мнению, умолчало потому, чтобы многие под страхом временных или даже вечных наказаний исправились, и чтобы таким образом было кому молиться за тех, которые не исправились.

Впрочем, они не думают, чтобы божественные Писания молчали об этом совершенно. Ибо как, говорят они, понимать слова: “Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя” (Пс. XXX, 20), если не так, что эти многие блага божественного милосердия были сокрыты ради страха? Поэтому, прибавляют, и апостол сказал: “Всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать” (Рим. XI, 32), давая понять, что Им никто не будет осужден. Впрочем, и придерживающиеся этого мнения не простирают его до помилования или освобождения от всякого наказания дьявола и его ангелов. Свое человеческое милосердие они простирают только на одних людей, а главным образом имеют в виду себя самих, суля под видом всеобщего милосердия к человеческому роду обманчивую безнаказанность своим погубительным нравам; поэтому в проповеди о милосердии Божиим они превзой-

дут тех, которые эту безнаказанность сулят даже князю демонов и его свите.

Глава XIX

Есть и другого рода обещающие освобождение от вечного наказания, но не всем людям, а только омытым крещением Христа, которые делаются участниками тела Его, как бы они ни жили, в какой бы ереси и нечестии ни находились, ради того, что говорил Иисус: “Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядуший его не умрет. Я — хлеб живой, сшедший с небес: ядуший хлеб сей будет жить вовек” (Иоан. VI, 50, 51). Таким образом, говорят, они необходимо избавляются от вечной смерти и непременно приводятся к вечной жизни.

Глава XX

Есть и такие, которые обещают это не всем, имеющим крещение Христа и таинство Его тела, а одним лишь католикам, хотя бы они жили и дурно, потому-де, что не в таинстве только, а самим делом они вкусили тело Христово, будучи причастными тому телу Его, о котором говорит апостол: “Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба” (I Кор. X, 17); так что хотя бы впоследствии они и впали в какую-либо ересь или даже в языческое идолопоклонство, но поскольку получили крещение Христа и вкушали Его тело в теле Христовом, т. е. в католической церкви, они не умрут навечно и непременно наследуют вечную жизнь; и как бы велико ни было их нечестие, оно будет иметь значение не по отношению к вечности мучений, а по отношению к их продолжительности и силе.

Глава XXI

А есть такие, которые в виду написанного: “Претерпевший же до конца спасется” (Мф. XXIV, 13), обещают это спасение только оставшимся в католической церкви, хотя и живущим в ней порочно, а именно — спасение через огонь по заслуге спасительного основания, о коем говорит апостол: “Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду; а у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня” (I Кор. III, 11 — 15). Таким образом, говорят, христианин-католик имеет в основании Христа, какового основания не имеет ни одна ересь, отделившаяся от единства Его тела. Ради этого-то основания, хотя бы христианин-католик жил и порочно, как бы надстраивая дерево, сено, солому, он, полагают, будет спасен посредством огня, т. е. помилован будет после мучений в том огне, на какой осуждены будут на последнем суде порочные.

Глава XXII

Встречал я и таких, по мнению которых мучиться в вечном огне будут только лишь те люди, которые не заботятся во искупление своих грехов творить дела милосердия по слову апостола Иакова: “Суд без милости не оказавшему милости” (Иак. II, 13). Следовательно, говорят они, кто творит милость, к тому, хотя бы он в своем поведении и не делался лучшим, а при делах милосердия жил непотребно и нечестиво, суд будет милостивым, так что он или совсем не подвергнется осуждению, или же будет освобожден от этого осуждения после долгого или короткого времени. Поэтому-то они полагают, что

Сам Судья живых и мертвых упомянул, что как стоящим направо, которым Он дарует вечную жизнь, так и стоящим налево, которых осудит на вечное наказание, Он будет говорить только о делах милосердия, совершенных или не совершенных (Мф. XXV, 34). К этому же, говорят они, относится и ежедневное прошение молитвы Господней: “Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим” (Мф. VI, 12). Ибо тот творит, конечно, милость, кто прощает грех согрешившему пред ним. Сам Господь объяснил это, говоря: “Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших” (Мф. VI, 14, 15). Таким образом, слова апостола Иакова, что суд будет без милости для того, кто не творит милости, относятся и к этому роду милости. Между тем, говорят, Господь сказал: “Если и вы простите людям, простит и вам Отец ваш грехи ваши”, не указывая, большие ли это грехи, или малые. Отсюда, полагают, даже и тем, которые до самого последнего дня своей жизни живут погибельно, ежедневно в силу этой молитвы прощаются все грехи их, каковы бы они ни были, как и сама эта молитва произносится ежедневно, лишь бы только они взяли за правило прощать от сердца всякий раз, когда просят у них милости те, которые повредили им каким-нибудь грехом. Когда я, с помощью Божией, отвечу на все (эти возражения), тогда и конец настоящей книге.

Глава XXIII

Прежде всего надо решить, почему Церковь отвергла разглагольствования людей, обещающих очищение или помилование диаволу, хотя бы и после великих и самых продолжительных мучений. Столь многие святые и сведущие в ветхих и новых священных книгах мужи нимало не завидовали тому, что те или иные, сколько бы их ни было, ангелы после таких или иных, как бы они ни были велики или малы, наказаний получают очищение и блажен-

ство в небесном царстве. Но они видели, что не может быть пустым и бессильным божественный приговор, который Господь, как сам Он предсказал, произнесет на суде: “Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его” (Мф. XXV, 41), — приговор, показывающий, что диавол и ангелы его будут гореть в вечном огне. Видели также, что не может быть бессильным и написанное в Апокалипсисе: “А диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков” (Апок. XX, 10). Там сказано — “вечный”, здесь — “веки веков”; выражения эти на языке священного Писания означают обыкновенно только время, не имеющее конца. Поэтому в объяснении, почему истиннейшее благочестие считает твердым и непреложным, что диавол и его ангелы не будут участниками праведности и жизни святых, не может быть указано иной более правильной и очевидной причины, кроме слов Писания, никого не обманывающего, что Бог не пощадил (II Пет. II, 4) и присудил их держать пока связанными в темницах подземного мрака и наказать на последнем суде, когда их примет вечный огонь, в котором они будут мучиться во веки веков. А если так, то каким образом можно думать, что от вечности этого мучения, после того или иного времени, освободятся люди, все ли то, или же некоторые, не ослабляя тем верования, что наказание демонов будет вечным? Если те, которым будет сказано: “Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его”, все ли то, или же только некоторые будут в этом огне не вечно, то почему же нам следует думать, что вечно будут в нем диавол и его ангелы? Разве приговор Божий, который произнесен будет одинаково для злых ангелов и людей, по отношению к ангелам будет истинным, а по отношению к людям — ложным?

Так, конечно, было бы, если бы силу имело не то, что сказал Бог, а то, что измышляют люди. Но так как этого быть не может, то пока есть время, желающие избежать вечного наказания должны не аргументировать

против Бога, а повиноваться божественному учению. Затем, какое основание вечное мучение понимать как огонь продолжительного времени, а вечную жизнь — как жизнь без конца, когда Христос в одном и том же месте, в одном и том же приговоре о том и другом сказал: “И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную” (Мф. XXV, 46)? Если то и другое вечно, то очевидно, что то и другое нужно понимать или как продолжительное, но конечное, или же как постоянное и бесконечное. То и другое соотносятся друг с другом как равные, поэтому как мучение, так и жизнь — вечны. Но говорить: “Вечная жизнь будет без конца, а наказание вечное будет иметь конец”, — совершенная нелепость. Отсюда, так как вечная жизнь святых будет без конца, то для тех, для кого назначено будет вечное наказание, наказание это, без всякого сомнения, также не будет иметь конца.

Глава XXIV

Этот довод имеет силу и против тех, которые, защищая самих себя, осмеливаются идти против слов Божиих, как бы движимые большим милосердием, т. е. представляют дело так, что если Бог говорит, что люди будут страдать, то слова эти истинны в том смысле, что люди заслуживают страдания, а не в том, что они будут страдать (действительно). Ибо, говорят, Бог помилует их по молитвам святых Своих, которые тогда тем более будут молиться за врагов своих, чем более будут святыми, и молитва их, когда они не будут уже иметь никакого греха, будет тем действительнее и достойнее внимания Божия. Почему же при этой совершеннейшей святости и будучи в состоянии своими чистейшими и милосерднейшими молитвами все вымолить, святые не будут молиться и за ангелов, для которых приготовлен вечный огонь, дабы Бог смягчил и для них приговор Свой, сделал их лучше и освободил от этого огня? Или, может быть, отыщется кто-нибудь такой, кто и это сочтет возможным, утверждая, что и святые ангелы вместе со святыми людьми, которые тогда будут

равны ангелам Божиим, будут молиться за заслуживших наказание ангелов и людей, чтобы и они были освобождены по милосердию от того, чего они действительно заслужили? Но так никто из истинно верующих не говорил и не скажет. Иначе нет причины, почему Церковь, которой Учитель Бог заповедал молиться за своих врагов, не молится за дьявола и его ангелов.

По той же самой причине, по какой Церковь ныне не молится за злых ангелов, которых она знает как своих врагов, она и на страшном суде, хотя будет тогда совершенной по святости, не будет молиться за людей, осужденных на муки в вечном огне. В настоящее время она молится за тех, которых в человеческом роде считает своими врагами, собственно потому, что настоящее время — время плодотворного покаяния. Ибо о чем, по преимуществу, молит она для них, если не о том, чтобы Бог дал им, как говорит апостол, “покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети дьявола, который уловил их в свою волю” (II Тим. II, 25, 26)? Ведь если бы о некоторых она с точностью знала, что они хотя и находятся еще в настоящей жизни, но уже предопределены идти в вечный огонь с дьяволом, то так же на стала бы молиться за них, как и за самого дьявола. Но так как она с этой стороны ни в ком не уверена, то молится за всех находящихся в теле и враждебных ей людях; только не за всех бывают услышаны ее молитвы. Молитвы ее принимаются только за тех, которые, хотя и противятся Церкви, однако, предопределены к тому, чтобы молитвы Церкви о них были услышаны и чтобы они сделались сынами Церкви. Если же некоторые до самой смерти своей сохраняют нераскаянное сердце и из врагов не делаются сынами, разве Церковь за них, т. е. за души таких умерших, молится? Почему это, как не потому, что тот считается уже на стороне дьявола, пока находился в теле, не перешел на сторону Христа?

Итак, причина, почему тогда Церковь не будет молиться за людей, заслуживших наказание вечным огнем, та же самая, почему она теперь не молится и тогда не будет молиться за злых ангелов; по той же причине, молясь за

людей, она уже и в настоящее время не молится за умерших неверных и нечестивых. Молитва самой Церкви или же благочестивых людей за некоторых умерших бывает услышана; но лишь за тех возрожденных во Христе, жизнь которых в теле была проведена не настолько дурно, чтобы считать их не заслуживающими подобного милосердия, и не настолько хорошо, чтобы это милосердие было для них уже не нужно. Точно так же и тогда, когда наступит воскресение мертвых, будет немало таких, которым после мучений, испытанных душами умерших, будет оказано милосердие, так что они не будут посланы в вечный огонь. Ибо не было бы и сказано о некоторых, что им не отпустится ни в сем, ни в будущем веке (Мф. XII, 32), если бы не было таких, которым хотя в настоящем веке и не отпущено, однако, отпущено будет в будущем. Но так как Судья живых и мертвых одним скажет: “Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира”, а другим, напротив: “Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его”, и “пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную” (Мф. XXV, 34, 41, 46), то было бы крайне дерзко отрицать вечное наказание для кого-либо из тех, о которых Бог сказал, что они пойдут в вечную муку, чтобы путем подобного убеждения привести к отчаянию или сомнению и в самой вечной жизни.

Таким образом, на основании слов псалма: “Неужели Бог забыл миловать? Неужели во гневе затворил щедроты Свои?” никто не должен думать, будто приговор Божий о добродетельных людях — приговор истинный, а о злых — ложный, или же о добродетельных людях и злых ангелах — истинный, а о людях злых — ложный. Ибо эти слова псалма относятся к сосудам милосердия и к сынам обетования, одним из числа коих был и сам пророк, который, сказав: “Неужели Бог забыл миловать? Неужели во гневе затворил щедроты Свои?”, вслед за тем продолжает: “И сказал я: “вот мое горе — изменение десницы Всевышнего” (Пс. LXXVI, 10, 11). Эти слова служат объяснением сказанного им: “Неужели во гневе

затворил щедроты Свои?” Гнев Божий — это сама смертная жизнь, где человек уподобился суете и дни его проходят как тень (Пс. CXLIII, 4). Однако, в этом гневе Бог не забывает быть и милостивым, повелевая Своему солнцу светить на добрых и злых и посылая дождь на праведных и неправедных (Мф. V, 45), и таким образом, в гневе Своем не затворяет щедрот Своих. В особенности же (милость Божия видна) в том, что выражает псалом в словах: “Вот... изменение десницы Всевышнего”; так как Бог уже в самой этой злополучной жизни, которая есть гнев Его, переменяет судьбу сосудов милосердия на лучшее, хотя гнев Его на их настоящем поврежденном состоянии остается, потому что щедроты Свои Он не затворяет во гневе Своем. Отсюда, так как истина этой божественной песни имеет полное приложение к настоящей жизни, то нет необходимости понимать ее в приложении к тому времени, когда не принадлежащие к граду Божию будут подвергнуты вечному наказанию. Но те, которым хотелось бы это изречение относить к будущим мукам нечестивых, пусть понимают его так, по крайней мере, что Бог в Своем гневе, который откроется в вечном наказании, не лишит (нечестивых) Своих щедрот, а сделает их мучения не такими суровыми, каких они достойны, — пусть понимают не так, что мучения эти или совсем не наступят, или же некогда прекратятся, а так, что они будут мягче или легче по сравнению с заслуженными. В таком случае Бог и в гневе Своем останется, и в этом гневе Своем не затворит щедрот Своих. Это мнение, впрочем, я хотя и не отвергаю, но на нем отнюдь и не настаиваю.

Впрочем, те, по мнению которых слова: “Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный” (Мф. XXV, 41), и еще: “И пойдут сии в муку вечную” (Мф. XXV, 46), и еще: “И будут мучиться день и ночь во веки веков” (Апок. XX, 10), и далее: “Червь их не умрет, и огонь их не угаснет” (Ис. LXVI, 24), и другие подобного рода, сказаны скорее в смысле угрозы, чем действительного приговора, — те стоят в полном и решительном противоречии не столько со мною, сколько с самим божественным Писанием. В самом деле, ниневитяне принесли по-

покаяние в настоящей жизни (Ион. III, 7) и потому — покаяние плодотворное, подобно тем сеятелям на поле, которые по воле Божией сеют со слезами пожинаемое после с радостью (Пс. СХХV, 6); тем не менее, кто будет отрицать исполнение на них того, что предсказал Господь, кроме разве человека, мало понимающего, как истребляет Бог грешников не только в гневном Своем, но и в милости? Грешники истребляются двояким образом: или как содомляне, когда наказываются за свои грехи сами люди, или же как ниневитяне, когда через покаяние разрушаются только грехи людей. Следовательно, предсказание Божие исполнилось: Ниневия, которая была злою, истреблена, и явилась Ниневия добрая, которой не было. Ибо, хотя стены и дома остались целы, но город был истреблен в своих порочных нравах. Таким образом, хотя пророк и был опечален, что устрашившее ниневитян пророчество не исполнилось (Ион. IV, 1 — 3), однако, то, что предсказано было предвидящим Богом, исполнилось, так как Предсказавший знал, как лучше должно было оно исполниться.

А чтобы ложные милостивцы знали, к чему относится написанное: “Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя”, пусть прочитают, что следует далее: “Которые приготовил уповающим на Тебя” (Пс. XXX, 20). Что значит хранишь боящимся и приготовил уповающим, как не то, что тем, которые из страха мучений желают создать праведность от закона, не мила праведность Божия (Рим. X, 3), так как они ее не знают? Ее они и не вкусили (Иоан. IV, 18). Они надеются на себя, а не на Бога, и множество благодати Божией для них закрыто потому, что они хотя и боятся Бога, но тем рабским страхом, которого нет в любви, ибо “совершенная любовь изгоняет страх” (I Иоан. IV, 18). Блага Свои Бог уготовляет уповающим на Него через внушение им любви к Себе, чтобы хвалясь из чувства чистого страха, — не того страха, который изгоняется любовью, а который пребывает во веки веков (Пс. XVIII, 10), — они хвалились о Господе. Праведность Божия есть Христос, Который, как говорит апостол, “сделался для нас премудростью от

Бога, праведностью и освящением и искуплением, чтобы было, как написано: “хвалящийся хвались Господом” (I Кор. I, 30, 31). Этой праведности, даруемой благодарностью без всяких заслуг, те, которые хотят создать свою собственную праведность, не знают, и потому праведности Божией, т. е. Христу, не повинуются (Рим. X, 3). В ней-то, в этой праведности, и заключается то многое множество благодати Божией, ради которой в псалме говорится: “Вкусите, и увидите, как благ Господь!” (Пс. XXXIII, 9). И вкушая ее в своем настоящем странствовании, но не насыщаясь вполне, мы тем более алчем и жаждем ее, чтобы насытиться тогда, когда узрим Его, как Он есть (I Иоан. III, 2), и когда исполнится написанное: “В правде буду взирать на лице Твое; пробудившись, буду насыщаться образом Твоим” (Пс. XVI, 15). Именно в таком смысле Христос соделывает многое множество Своей благодати уповающим на Него. Если же Бог скрывает (хранит) Свою благодать от боящихся Его в том смысле, как они понимают, т. е. в смысле благодати, по которой Он не будет судить нечестивых, чтобы правильно жили не знающие этой благодати и только боящиеся осуждения, и чтобы, таким образом, было кому молиться за живущих несправедливо, то в каком же смысле Он соделывает Свою благодать уповающим на Него, когда, по их мнению, по этой благодати Он не будет судить тех, которые на Него не уповают?

Итак, пусть ищут той благодати, которую Бог уготовляет уповающим на Него, а не той, которую Он будто бы приготовляет презирающим и хулящим Его. За пределами настоящей жизни человек напрасно ищет того, чего не хотел приготовить, находясь в своем теле. Точно так же и слова апостола: “Всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать”, сказаны не в том смысле, будто Он никого не осудит, а в том, какой вытекает из предыдущей речи апостола. Ибо, сказав об иудеях, имеющих впоследствии уверовать, апостол обращается со своими словами к уверовавшим уже язычникам, которым писал свои послания: “Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и

они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы” (Рим. XI, 30, 31). Вслед за этим прибавляет он слова, которые они ложно толкуют в свою пользу, и говорит: “Всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать” (Рим. XI, 32). Кого это всех, если не тех, о которых апостол вел свою речь раньше, как бы говоря теперь так: “И вас, и их”? Таким образом, и язычников, и иудеев, “кого Он предугадал, тем и предопределил (быть) подобными образу Сына Своего” (Рим. VIII, 29), всех заключил в непослушание, чтобы они, почувствовав через покаяние горечь своего непослушания и обратившись через веру к святости милосердия Божия, восклицали словами псалма: “Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя и которые приготовил уповающим на Тебя”! Итак, Бог милостив ко всем сосудам милосердия. Но к кому именно “ко всем”? Да к тем, кого Он как из язычников, так и из иудеев предопределил, призвал, оправдал и прославил; только из этих всех Он не осудит никого, а не вообще из всех людей.

Глава XXV

Ответим и тем, которые не обещают освобождения от вечного огня не только диаволу и его ангелам, но даже и всем людям, а обещают только тем, которые омыты крещением Христа и делаются причастниками Его тела и крови, как бы при этом они ни жили, в какой бы ереси или нечестии ни находились. Но против таких говорит апостол в словах: “Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийство, бесчинство и тому подобное; предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют” (Гал. V, 19 — 21). Эти слова, очевидно, ложны, если подобного рода грешники после известного времени наследуют царствие Божие. Но так как слова апостола не ложны, то ясно, что царства Божия такие не наследуют.

А если царства Божия они никогда не наследуют, то будут находиться в вечном мучении, потому что среднего места, где бы был свободен от вечного наказания тот, кто не вселен будет в царство Божие, не существует.

Поэтому естественно спросить, как же следует понимать сказанное Господом Иисусом: “Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я — хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек” (Иоан. VI, 50, 51). Но толкование этих, кому мы отвечаем сейчас, устраняется теми, кому мы должны отвечать после; последние будущее помилование обещают не всем, принимающим таинство крещения и тела Христова, а только лишь католикам, хотя живущим и худо, потому что, говорят они, католики тело Христово вкушали не только в таинстве, но и самим делом, входя в состав того тела Христова, о котором говорит апостол: “Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба” (I Кор. X, 17). Таким образом, кто принадлежит к единству тела Его, т. е. к обществу членов-христиан, — тела, таинство которого верующие в причащении обыкновенно получают от алтаря, — тот справедливо должен быть назван ядущим тело Христа и пьющим кровь Его. Отсюда, отделившиеся от единства этого тела еретики и раскольники могут также принимать это таинство, но не в пользу себе, а во вред, и не только не получают за это помилование в будущем, а напротив, будут еще строже судимы; так как они не принадлежат к тому союзу мира, выражением которого служит это таинство.

Но и те, в свою очередь, которые правильно понимают, что тот не должен называться ядущим тело Христово, кто не принадлежит к телу Христову, неправильно обещают освобождение от наказания в вечном огне таким, которые от единства этого тела отступают или в ересь, или даже в языческое суеверие. Во-первых, они должны иметь в виду, насколько недоступно и решительно несогласно со здравым смыслом, чтобы многие, даже почти все, которые, отпав от католической церкви, создали нечестивые ереси и сделались ересиархами, имели лучшую участь, нежели те, которые католиками никогда не были, будучи уловле-

ны в сети еретиков, — лучшую, если таких ересиархов освобождает от вечного наказания то обстоятельство, что они крестились в католической церкви и на первых порах принимали в истинном теле Христовом таинство тела Христа; так как отступник от веры и из отступника ставший ее гонителем гораздо, конечно, хуже, нежели тот, кто от нее никогда не отступал, потому что никогда к ней не принадлежал. Во-вторых, апостол имеет в виду и их, когда произносит вышеприведенные слова и по перечислении подобных плотских дел предрекает с одинаковой достоверностью: “Поступающие так Царствия Божия не наследуют” (Гал. V, 21).

Затем, не должны быть беспечными в своих пагубных и осуждения заслуживающих нравах и те, которые остаются, по-видимому, до конца в общении с католической церковью, имея при этом в виду слова: “Претерпевший же до конца спасется” (Мф. X, 22); но вследствие нечестивой жизни теряют саму праведность, т. е. Христа, или прелюбодействуя, или совершая в своем теле другие постыдные деяния, о которых апостол не захотел и говорить, или утопая в постыдной роскоши, или делая что-нибудь из того, о чем говорит апостол: “Поступающие так Царствия Божия не наследуют”. Все, делающие подобные дела, будут непременно подвергнуты вечному наказанию, потому что быть в царствии Божием не могут. Ибо, оставаясь в подобных делах до конца настоящей жизни, они, конечно, не должны быть названы до конца пребывшими во Христе, потому что пребыть во Христе значит пребыть в вере Его. Вера же эта, как определяет ее тот же апостол, действует любовью (Гал. V, 6). А любовь, как говорит он в другом месте, “не делает ближнему зла” (Рим. XIII, 10). Не могут быть названы такие и вкушающими тело Христа, потому что не должны причисляться к числу членов Христа. Не говорю о другом, но они в одно и то же время не могут быть членами Христа и членами блудницы (I Кор. VI, 15). Наконец, и Сам, сказавший: “Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем” (Иоан. VI, 56), показывает, что есть тело Христа и пить кровь Его — это не только таинство, но и само дело;

это и значит — пребывать во Христе, чтобы и Христос пребывал в нем. Христос сказал как бы так: “Кто не пребывает во Мне и в ком Я не пребываю, тот пусть не говорит и не думает о себе, что он ест тело Мое и пьет кровь Мою”. Таким образом, те во Христе не пребывают, которые не суть члены Его, а те не члены Христа, которые сделались членами блудницы, если только они не совлекут с себя этого зла покаянием и путем примирения не возвратятся к благу.

Глава XXVI

Но, говорят, христиане-католики в основании имеют Христа, от единства с Которым они не отступают, и хотя бы на этом основании они строили самую худую жизнь, вроде дерева, сена и соломы (I Кор. III, 11, 12), правая вера, по которой Христос есть для них основание, хотя и с ущербом, — так как то, что создается на этом основании, будет сожжено, — но может рано или поздно спасти их от вечности этого огня. Таким пусть кратко ответит апостол Иаков: “Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его?” (Иак. II, 14). Но, возразят, кто же это тот, о ком говорит апостол Павел: “Сам спасется, но так, как бы из огня” (I Кор. III, 15)? Спросим вместе и мы, кто это такой; хотя вне всякого сомнения, это не тот (кого разумеют они), чтобы не оказались противоречащими друг другу изречения двух апостолов, когда один из них как бы говорит: “Хотя бы кто имел за собою и дурные дела, его спасет вера посредством огня”, а другой: “Если кто добрых дел не имеет, разве вера может его спасти?”

Мы определим, кто может спастись посредством огня, если прежде определим, что значит иметь в основании Христа. На этот раз лучше всего обратиться к самому этому сравнению; в здании ничто не кладется прежде основания, поэтому Христос служит основанием только для того, кто носит Его в своем сердце так, что выше

Христа для него не существует ничего земного и временного, даже и дозволенного. Если же подобные предметы он ставит выше Христа, то хотя, по-видимому, и имеет Христову веру, но основанием для него служит не Христос; а если при этом, преступая спасительные заповеди, он совершает недозволенное, то не тем ли более очевидно, что он Христа повелевающего или дозволяющего ставит не впереди, а позади, предпочитая постыдно следовать собственной похоти вопреки Его повелениям или дозволениям? Таким образом, если кто-либо из христиан любит блудницу, и прилепляясь к ней, становится одним с нею телом (I Кор. VI, 16), такой уже в основании имеет не Христа. Если же кто любит свою жену, если любит ее по Христу (Еф. V, 25), то кто будет сомневаться, что основанием для него служит Христос? Но если даже он любит ее и по веку сему, плотски, в страсти похоти, как и язычники, не знающие Бога (I Фес. IV, 5), то и это по снисхождению дозволяет апостол, или лучше — сам Христос через апостола. Отсюда, и такой может в основании иметь Христа. Ибо, если ни одну из этих привязанностей или пожеланий он не ставит выше Христа, то хотя и строит из дерева, сена и соломы, Христос все же остается для него основанием; почему он и спасется посредством огня. Удовольствия этого рода и земные привязанности, извинительные ради супружеского союза, будут сожжены огнем бедствия, к которому относятся вдовство и все те несчастья, которые их разрушают. Для того, кто строил, постройка эта будет убыточна — он не будет обладать тем, что строил; и тяжкие страдания причинит ему потеря того, пользование чем его услаждало. Но посредством этого огня он спасется ради основания, потому что если бы гонитель предложил ему вопрос: это ли, или Христа предпочитает он иметь, — он предпочел бы Христа.

Вот, по словам апостола, человек, строящий на основании из золота, серебра, драгоценных камней: “Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу” (I Кор. VII, 32). А вот другой, строящий из дерева, сена, соломы: “А женатый заботится о мирском, как угодить жене” (I Кор. VII, 33). “Каждого дело обнаружится; ибо день

покажет, потому что в огне открывается” (I Кор. III, 13). Это самое бедствие апостол и называет огнем, как читается то в другом месте: “Сосуды скудельные искушает печь, а мужей праведных — испытание бедствия” (Сир. XXVII, 6). “Огонь испытывает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит (ибо то, чем каждый озабочен о Господнем, как угодить Господу, остается), тот получит награду (т. е. получит то, о чем заботился); а у кого дело сгорит, тот потерпит урон (так как не будет уже обладать тем, что любил); впрочем сам спасется (ибо никакое бедствие не могло сдвинуть его с основания), но так, как бы из огня” (I Кор. III, 11 — 15). Ибо чем обладал он не без обольстительной любви, с тем расстаётся не без жгучей скорби. Так, по моему мнению, объясняется тот огонь, который никому из них не будет в осуждение, но одного обогатит, другому причинит ущерб, а испытает — обоих.

А если бы в указанном месте мы захотели разуть тот огонь, о котором Господь скажет стоящим по левую сторону: “Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный”, так что к числу их принадлежали бы и те, которые строили на основании из дерева, сена и соломы, но которые по истечении времени, определенного сообразно с их грехами, освободятся от этого огня в силу доброго основания, то кого мы должны будем разуть под стоящими направо, коим будет сказано: “Приидите благословенные Отца Моего, наследуйте Царство”, если не тех, которые строили на основании из золота, серебра и драгоценных камней? Но в этот огонь, о котором сказано: “Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть”, если его разуть здесь, должны быть посланы те и другие, т. е. стоящие и направо, и налево. Ибо в указанном огне должны быть испытаны те и другие. А если он испытает тех и других, так что чье дело пребудет, т. е. то, что он строил, огнем не будет сожжено, тот получит награду; а чье дело сгорит, тот потерпит осуждение; то, очевидно, огонь этот не есть огонь вечный. В вечный огонь будут посланы одни только стоящие по

левую сторону на последнее и вечное осуждение, между тем как этот огонь служит испытанием и для стоящих направо. Но он испытанием служит для одних так, что постройка их, которая окажется опирающеюся на основание-Христа, не будет сожжена и истреблена, у других же то, что они построили, сгорит, и потому они потерпят ущерб; впрочем, сами спасутся, потому что в силу преимущественной любви ко Христу непоколебимо держались Его, как основания. А если спасутся, очевидно, станут по правую сторону и вместе с прочими услышат: “Приидите благословенные Отца Моего”, а не по левую, где станут те, которые спасены не будут и потому услышат: “Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный”. Ибо от огня того никто из них не спасется, так как все они пойдут в муку вечную (Мф. XXV, 46), где червь их не умирает и огонь не угасает (Ис. LXVI, 24), в котором они будут мучиться день и ночь во веки веков (Апок. XX, 10).

Но если скажут, что этого рода огонь претерпевают души умерших в промежуток времени после смерти сего тела до тех пор, пока не наступит день, который по воскресении тел будет последним днем осуждения и воздаяния; что его не испытывают те, которые не имеют нравов и привязанностей такого рода, чтобы нужно было сжечь их дрова, сено и солому, а испытывают те, которые приносят с собою такого рода постройки; что, наконец, испытывают они его или только там, или здесь и там, или же здесь, потому что там нет огня преходящих бедствий, сжигающего все временное и заслуживающее извинения; такого мнения я отрицать не стану, потому что оно, может быть, и верно. Действительно, сама уже смерть тела, получившая начало от совершения первого греха, может относиться к такому бедствию; так что следующее за нею время каждый чувствует себя соответственно со своею постройкой. И точно также, венчающие мучеников и испытываемые некоторыми христианами гонения, подобно огню, испытывают постройки того и другого рода, и одни из этих построек сжигают вместе с самими строителями, если основанием в них оказывается не Христос, другие — без строителей, если основанием им служит

Христос, потому что сами строители спасутся, хотя и с ущербом; наконец, третьих совсем не касаются, потому что находят их такими, что они остаются навеки.

Затем, и в конце века, во время антихриста, наступит такое бедствие, какого раньше никогда не было. К тому времени на наилучшем основании, которым служит Христос Иисус, возведено будет и из золота, и из сена весьма много построек, чтобы огонь испытал те и другие и из-за одних был причиною радости, из-за других — причиною осуждения; хотя тех самих, у кого окажутся эти постройки, он не коснется ради незыблемого основания. А кто по человеческому обычаю, по плотской любви предпочитает Христу, не говоря жену, плотским соитием с которой пользуются для плотского удовольствия, но и другие родственные связи, чуждые этого рода удовольствий, такой в основании имеет не Христа, и потому огнем не будет спасен, а будет осужден, потому что не может быть со Спасителем, Который весьма ясно говорит: “Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня” (Мф. X, 37). Но кто к этого рода узам привязан плотски так, что не ставит их выше Господа Христа, а скорее готов бывает лишиться их, чем Христа, если к этому принуждает его какое-либо испытание, тот посредством огня будет спасен, потому что насколько снесает его скорбь, необходимо проистекающая от утраты этих предметов, настолько сохраняет любовь. И действительно, кто любит отца, мать, сыновей, дочерей во Христе, заботясь о том, чтобы они наследовали царство Христа и соединились с Ним; иначе — если любит в них то, что они суть члены Христовы; в таком случае невозможно, чтобы любовь его подлежала истреблению вместе с дровами, сеном и соломой; напротив, она должна считаться золотой, серебряной и драгоценной постройкой. Да и как он может любить больше Христа тех, кого любит именно ради Христа?

Глава XXVII

Остается еще ответить тем, по чьим словам в вечном огне будут гореть только те, которые не заботятся во грехах своих творить достойной милостыни, по словам апостола Иакова: “Суд без милости не оказавшему милости” (Иак. II, 13). А кто, говорят, творил милостыню, хотя бы в своей нравственности не улучшился, а среди дел своего милосердия жил нечестиво и непотребно, для того суд будет милостивым, так что он или совсем не будет осужден, или же освобожден будет от последнего осуждения через некоторое время. Отсюда, полагают они, Христос сделает разделение между стоящими направо и налево, из коих одних пошлет в царство, а других в вечное мучение, имея в виду лишь их любовь или небрежение к милостыни. А что ежедневные грехи, творить которые мы не перестаем окончательно, какого бы рода и сколько бы их ни было, благодаря милостыне могут быть отпущены, в качестве подтверждения этого воззрения они ссылаются на молитву, которой научил сам Господь. Ибо, говорят, как не бывает дня, чтобы христиане не произносили этой молитвы, так точно не может быть и такого, хотя бы и ежедневно совершаемого греха, чтобы он не мог быть отпущен, когда мы произносим: “И прости нам долги наши”, если только стараемся поступать сообразно с дальнейшими словами: “Как и мы прощаем должникам нашим” (Мф. VI, 12). Ведь Господь, продолжают они, не говорит: “Если простите грехи другим, простит и вам ваши ежедневные малые грехи Отец ваш”, а говорит: “Простит вам Отец ваш Небесный” (Мф. VI, 14). Итак, сколько бы и какого бы рода грехи ни были, хотя бы они совершались ежедневно, хотя бы от них и не уклонялись, изменяя жизнь к лучшему, — все эти грехи, по их мнению, могут быть отпущены им в силу обещанного прощения за милостыню.

Хорошо и то, что они убеждают творить за грехи достойные дела милосердия; если бы они говорили, что всякая милостыня, какова бы она ни была, хотя бы и за ежедневные и великие грехи и при всяческом преступ-

ном образе жизни, может снискать божественное милосердие, так что за нею следует ежедневное прощение, — они сами бы увидели, что говорят глупость и нелепость. Тогда они вынуждены были бы признать возможным, что человек весьма богатый ценою десяти мелких монет, ежедневно подаваемых в качестве милостыни, может покрывать и убийства, и прелюбодеяния, и всякие другие непотребства. Если же утверждать это крайне нелепо и бессмысленно, то когда речь идет о том, что должно разуметь под достойными делами милосердия за грехи, о коих говорил предтеча Христов: “Сотворите же достойный плод покаяния” (Мф. III, 8), без всякого сомнения не окажется, что такие дела творят те, жизнь которых исполнена ежедневных преступлений. И это потому, прежде всего, что расхищая чужое имущество, они захватывают себе слишком много, и уделяя от этого многого крупницу бедным, представляют Христа в этом отношении им покровительствующим; так что, полагая, что купили или, вернее, ежедневно покупают у Него право на злодеяния, они спокойно совершают все самое предосудительное. А между тем, если бы и за одно злодеяние они раздали нуждающимся членам Христовым все свое имущество, но от такого рода дел не отстали, не имея той любви, которая превратно не поступает, и тогда для них не было бы никакой пользы. Таким образом, кто творит достойные за свои грехи дела милосердия, тот начинает их творить прежде всего с самого себя. Ибо кто делает для ближнего то, чего не делает для самого себя, поступает вопреки словам Господа: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя” (Мф. XXII, 39), равно и словам: “Люби душу свою, угождая Богу” (Сир. XXX, 24). А кто не делает для своей души этой милостыни, т. е. угождения Богу, каким образом может быть назван делающим достойную за свои грехи милостыню?

Милостыня, несомненно, помогает молитве. Поэтому милостыню творить мы должны для того, чтобы быть услышанными, когда молимся о своих прежних грехах, а не для того, чтобы, упорствуя в них, мы посредством милостыни снискали себе дозволение на злодейство. Для

того Господь и предсказал, что вменит милостыни стоящим и направо, и налево; первым — сотворенные, а последним — не сотворенные, чтобы показать, какое значение милостыни имеют для искупления прежних грехов, а не для постоянного безнаказанного их совершения. Те же, которые не хотят изменить преступного образа жизни на лучшее, не должны быть названы творящими такого рода милостыни. Ибо словами: “Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне” (Мф. XXV, 45) Он показывает, что они не творят милостыни даже и тогда, когда думают, что творят. И в самом деле, если бы они подавали алчущему христианину хлеб именно как христианину, то, конечно, не отказывали бы себе в хлебе праведности, который есть сам Христос, ибо Бог обращает внимание не на то, кому подают, а на то, с каким расположением подают. Поэтому, кто любит в христианине Христа, тот подает милостыню с таким расположением, с каким приступает ко Христу, а не с каким желает безнаказанно отступить от Христа. Ибо каждый из нас тем более любит Христа, чем более любит то, что одобряет Христос. Какая была бы польза, если бы каждый из нас только крестился, а не оправдался? Тот, Кто сказал: “Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие” (Иоан. III, 5), разве не сказал также: “Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное” (Мф. V, 20). Почему же многие, боясь первого изречения, спешат креститься, а приобрести оправдание многие не стараются, не боясь последнего? Отсюда, как не брату своему говорит “безумный” тот, кто, говоря это, выражает нерасположение не к самому братству, а к его греху; потому что в противном случае повинен будет геенне огненной (Мф. V. 22), так и наоборот, кто подает христианину милостыню, подает ее не христианину, если не любит в нем Христа; а тот Христа не любит, кто не хочет быть оправданным во Христе. Равным образом, если кто одержим таким пороком, что скажет своему брату “безумный”, т. е. будет поносить его несправедливо, без желания устранить его от греха, тому мало в искупление

этого творить дела милосердия, а нужно еще присоединить к ним и то средство примирения, о котором говорится дальше. Ибо дальше говорится следующее: “Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой” (Мф. V, 23, 24). Таким образом, мало подать какую бы то ни было милостыню за то или иное преступление, и в то же время оставаться при прежнем порочном образе жизни.

Что же касается молитвы, которой научил сам Господь и которая потому и называется Господней, то, хотя эта молитва и заглаживает ежедневные грехи, когда мы ежедневно произносим: “И прости нам долги наши”, а дальнейшие слова ее: “Как и мы прощаем должникам нашим” не только произносим, но и исполняем на деле, — она произносится потому, что грехи есть, но не для того, чтобы они были. Через эту молитву Спаситель хотел нам показать, что как бы мы праведно ни жили, во мраке и греховности настоящей жизни мы бываем не чужды грехов, об отпущении которых должны молиться, а тем, которые грешат против нас, прощать, чтобы и самим получить прощение. Слова: “Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный” (Мф. VI, 14) сказаны Спасителем не для того, чтобы надеясь на эту молитву, мы совершали ежедневные злодеяния, благодаря ли то власти, по которой бы не боялись человеческих законов, или хитрости, с которой бы обманывали самих людей; но для того, чтобы научились не считать себя безгрешными, хотя бы и были чисты от преступлений. Так же точно Бог требовал и от ветхозаветных священников относительно жертвоприношений, заповедуя им приносить последние сперва за грехи свои, потом за грехи народа (Лев. XVI, 6; Евр. VII, 27). Нужно вникнуть внимательно в сами слова Учителя и Господа. Господь не говорит: “Если вы отпустите людям, и Отец ваш отпустит вам грехи ваши, каковы бы они ни были”, но говорит просто: “Простит и вам”. Учил Он молитве ежедневной и вел речь с учениками всячески оправданными. Что же

значат эти “согрешения”, если не такие грехи, которых (как бы так говорил Господь) не будете чужды даже и вы, оправданные и священные? Таким образом, в словах, в которых, по мнению ищущих благодаря этой молитве случая для ежедневного совершения злодейств, Господь разумел и великие грехи, ибо Он-де не сказал: “Отпустит вам грехи малые”, мы, обращая внимание на то, какими людьми эта молитва произносилась и слыша “согрешения”, должны разуметь не что иное, как грехи малые, так как грехи таких людей явно не были великими.

Впрочем, даже и великие грехи, от которых мы должны совершенно освобождаться исправлением к лучшему, отпускаются нам в том только случае, если мы исполняем дальнейшие слова: “Как и мы прощаем должникам нашим”. Ибо если и малые грехи, от которых не свободна жизнь даже и праведников, иначе не отпускаются, то обремененные многими и великими преступлениями, хотя бы уже и перестали их совершать, тем более не могут получить снисхождения, если остаются неумолимы к прощению другим того, чем те против них провинились, несмотря на слова Господа: “Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших” (Мф. VI, 15). В этом отношении имеет силу и изречение апостола Иакова, что суд будет тому без милости, кто не оказал милости. При этом надобно припомнить и того раба, которому господин его простил было десять тысяч талантов долга, но затем приказал возвратить этот долг за то, что тот оказался беспощадным к своему товарищу, бывшему ему должным сто динариев (Мф. XVIII, 23). Отсюда, по отношению к тем, которые суть сыны обетования и сосуды милосердия, значение имеет то, что тот же апостол говорит непосредственно вслед за приведенными словами: “Милость превозносится над судом” (Иак. II, 13). Ибо и те праведники, которые провели жизнь так свято, что принимают других в вечные обители, сделавшись их друзьями от мамоны неправды (Лук. XVI, 9), и они, чтобы быть праведниками, получают сами свободу по милосердию Того, Кто оправдывает нечестивого, награждая по благодати, а не по долгу. К числу

таких принадлежит, конечно, и апостол, который говорит: “Получил от Господа милость быть Ему верным” (I Кор. VII, 25).

Само собою понятно, что те, которых праведники принимают в вечные обители, не бывают настолько добродетельны, что сама их жизнь могла заслуживать помилования без ходатайства святых, и потому на них тем очевиднее милость превозносится над судом. Однако, на этом основании не следует думать, чтобы в вечные обители принимался человек самый преступный, нисколько и никогда не изменивший своего образа жизни на лучший или более терпимый, благодаря тому, что снискал благоволение святых мамоною неправды, т. е. деньгами или богатством, приобретенным дурно, а если даже и хорошо, то во всяком случае богатством не истинным, а таким, какое считает богатством греховность, не зная, что такое истинное богатство, которым обладают принимающие других в вечные обители.

Существует некоторый образ жизни, с одной стороны, не настолько дурной, чтобы для тех, которые живут так, в деле получения небесного царства не было никакой пользы от подаяния милостыни, которая служит поддержкой для праведников в их скудости и снискивает в лице их друзей, принимающих в вечные обители, но с другой — и не настолько добрый, чтобы для получения ими блаженства достаточно было одной милостыни, если только милостыня эта не споспешествуется заслугами тех, которых она делает друзьями. (Я часто удивляюсь, что и у Вергилия встречается мысль, выражаемая словами Господа: “Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители” (Лук. XVI, 9), — мысль, которую весьма напоминает и следующее изречение: “Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника” (Мф. X, 41). Так поэт, описывая Елисейские поля, в которых, как тогда думали, живут души блаженных, помещает в них не только тех, которые могли достигнуть тамошних обителей собственными заслугами, но и тех,

Кто услугой другим их заставил себя вспоминать;*

т. е. тех, которые делали услуги другим и этими услугами оставили у них о себе воспоминание. И тогда как-будто то же самое говорили, что часто слышится из уст христианина, когда он с покорностью вверяется каждому святому и говорит: “Вспоминай обо мне”, и чтобы это могло быть так, старается оказывать услуги). Но какой именно этот образ жизни и какие это грехи, которые служат препятствием к достижению царства Божия, но по заслугам святых друзей встречают снисхождение, указать весьма трудно и крайне опасно. По крайней мере, как я ни старался, до настоящего времени определить их не смог. Возможно, что предмет этот для того и сокрыт, чтобы нас не оставляла забота остерегаться всяческих грехов. Ибо если бы было известно, за какие именно грехи остающиеся в них и не оказывающие преуспевания в лучшей жизни должны искать и ожидать заступничества праведников, то человеческая лень беспечно оставалась бы в них и, погруженная в такое множество забот, нисколько бы не помышляла о преуспевании в добродетели, а только старалась бы получить помилование ради заслуг других, коих она делала бы себе друзьями благодаря богатству неправедному путем раздачи милостыни. Между тем, в настоящее время, не зная рода простительной греховности, она и с большею тщательностью заботится о преуспевании в добре путем неослабной молитвы, и не пренебрегает старанием сделать себе святых друзьями от мамоны неправды.

Тем не менее, однако же, помилование, которое достигается собственными ли то молитвами каждого, или же ходатайством святых, состоит в том, что не всякий будет отослан в вечный огонь, а не в том, что отосланный уже в этот огонь будет освобожден от него по истечении того или иного времени. Ведь и те, по мнению которых слова Писания, что добрая земля приносит обильный плод — одна в тридцать, другая в шестьдесят, а иная во сто крат

* Virg. Aeneid. VI, v. 664.

(Мф. XIII, 8), должны пониматься в том смысле, что святые, смотря по различию своих заслуг, одни милуют тридцать, другие шестьдесят, а иные и сто человек, — обыкновенно предполагают, что это будет в день суда, а не после. Говорят, некто, встретив людей, обещающих себе безнаказанность на том основании, что в таком смысле помилованию могут, по-видимому, подлежать все, ответил им следующим превосходным образом, что-де надобно, напротив, жить добродетельно, дабы каждый оказался в числе тех, которые будут ходатайствовать за других, иначе таковых может оказаться так мало, что после того, как каждый из них дойдет до своего числа тридцать, шестьдесят или сто, останется много таких, которые уже не могут быть освобождены от мучений по их ходатайству, и в числе их окажутся люди, по тщетному неразумию рассчитывающие на чужие плоды. Ограничусь этим ответом тем, которые авторитета священных Писаний, общих всем нам, не отвергают, но неправильно понимая эти Писания, полагают, что будет не то, о чем говорят Писания, а то, чего желают они сами. Дав этот ответ, закончим, как и обещали, настоящую книгу.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Глава I

Эта последняя книга, как мы обещали в книге предыдущей, будет содержать в себе рассуждение о вечном блаженстве града Божия. Вечным это блаженство называется не по продолжительности времени, идущего через ряд многих веков и, однако, рано или поздно долженствующего иметь конец, но в том смысле, как написано в Евангелии: “И Царству Его не будет конца” (Лук. I, 33). С другой стороны, эта вечность (должна пониматься) не так, что град сей представляет собою такой вид непрерывного бытия, что одни выходят из него, умирая, а другие являются им на смену, рождаясь, подобно тому, как в дереве, постоянно покрытом листвою, по-видимому, остается одна и та же производительная сила, доколе появляющиеся на место увядших и опавших листьев новые листья сохраняют тенистый вид; а так, что все граждане его будут бессмертны, ибо там и люди получают то, чего никогда не теряли святые ангелы. Так устроит всемогущий Бог, Создатель этого града. Таково Его обетование, и обманывать Он не может; а чтобы этому обетованию мы веровали, Он многое, и обещанное, и нет, уже исполнил.

Он сотворил вначале этот, наполненный всеми видимыми и подлежащими чувствам прекрасными предметами, мир, в котором нет ничего лучше духов, коих Он одарил разумом и способностью созерцать Себя и соединил в одном сообществе, называемом нами святым и горним градом, в котором Сам же и служил предметом, поддерживающим их бытие и делающим их блаженными, как бы общею их жизнью и питанием. Он даровал этой разумной природе такое свободное произволение, чтобы она могла, если бы захотела, отступить от Бога, т. е. от своего блаженства; ибо тотчас вслед за тем должно было наступить для нее злополучие. Хотя Он и предвидел, что некоторые ангелы из гордости, думая сами по себе обла-

дать блаженной жизнью, окажутся отступниками от такого великого блага, однако, не лишил их этой способности, решив, что больше могущества и благости — извлечь из зла добро, чем не допустить зла. Да и зла не было бы совсем, если бы изменчивая, хотя и добрая природа, сотворенная всевышним и неизменно благим Богом, Который все сотворил добрым, не создала его сама себе путем греха.

Сам этот грех служит очевидным доказательством, что природа была сотворена доброй. Ибо если бы она не была великим, хотя и не равным Творцу добром, то отступничество от Бога, этого, так сказать, ее Света, не было бы для нее, конечно, злом. Как слепота глаза представляет собою порок, и порок этот указывает, что глаз сотворен для того, чтобы видеть свет, а потому и в самом своем пороке глаз является для прочих органов органом, способным к (восприятию) света (именно по этой причине лишение света и составляет для глаза порок); так и природа, наслаждавшаяся Богом, свидетельствует, что была сотворена наилучшей, самым своим повреждением, когда злополучна собственно потому, что не наслаждается Богом, Который свободное падение ангелов подверг правосуднейшему наказанию вечным лишением блаженства, а ангелам, устоявшим в высшем благе, саму эту твердость обратил как бы в награду, дабы они были уверены, что эта их твердость пребудет без конца. Он и самого человека сотворил правым и с тем же самым свободным произволением, как существо хотя и земное, но достойное неба, если он останется в единении со своим Творцом; если же от Него отступит, постигнет и его злополучие, свойственное такого рода природе. Предвидя, что он также отступит от Бога, преступив закон Божий, Бог не лишил его, однако же, способности свободного произволения, ибо наперед знал, что сделает Он добро из его зла, собирая Своей благодатью из смертного, заслуженно и правосудно осужденного рода многочисленный народ, в восстановление и восполнение падшей части ангелов, дабы, таким образом, возлюбленный и

Горний град тот не умалялся в числе своих граждан, а даже, быть может, еще и радовался их возрастанию.

Глава II

Ибо хотя злыми и творится многое* вопреки воле Божией, но Бог обладает такой премудростью и могуществом, что все, кажущееся противным Его воле, обращает к таким последствиям или целям, которые Его предвидение нашло добрыми. А потому, хотя мы и говорим, что Бог изменяет Свою волю, делаясь, например, гневным по отношению к тем, к кому был (прежде) кротким, но в сущности изменяемся мы, а не Он, и в состояниях, которые испытываем сами, видим как бы изменяющимся Его; подобно тому, как для больных глаз изменяется солнце и из нежного делается как бы резким, из приятного — тягостным, хотя само по себе оно остается таким же, каким и было. Да и волею Божией мы называем ту волю, которую Бог творит в сердце повинующихся Его заповедям, о коей говорит апостол: “Бог производит в вас и хотение и действие” (Филип. II, 13).

Подобно этому и праведностью Божией мы называем не только ту праведность, которой праведен сам Бог, но и ту, которую Он творит в человеке оправданном; точно так же и законом Его мы называем закон, который существует собственно для людей, но дан Богом. Ибо то были, конечно, люди, кому говорил Иисус: “В законе вашем написано” (Иоан. VIII, 17), так как в другом месте читаем: “Закон Бога его в сердце у него” (Пс. XXXVI, 31). Подобно этому называем мы Бога и желающим сообразно с тою Его волей, которую Он производит в людях; потому что желает не сам Он, а делает желающими Своих присных; подобно тому, как называем Его и познавшим потому, что Он дал познать Себя тем, кем не был познан. Ибо слова апостола: “Ныне же, познавши Бога, или лучше, получивши познание от Бога” (Гал. IV, 9) нельзя понимать так, что их, предназначенных прежде создания мира (I Пет. I, 20), Бог познал только теперь;

о сказано, что Он познал их теперь, в том смысле, что теперь только дал им познать Себя. О таком способе словоупотребления я упоминал уже и в предыдущих книгах. Таким образом, по той воле, по которой мы называем Бога желающим, Он желает многого, но не делает; потому что желающими делает других, которым неизвестно будущее.

Так, святые Его в силу Им же внушаемой святой воли желают многого, но этого не бывает, подобно тому, как о некоторых воссылают свои благочестивые и святые молитвы, и однако того, о чем они молятся, Он не исполняет, хотя эту волю молиться Сам же творит в них Своим Святым Духом. Отсюда, когда святые по внушению Божию желают и молятся, чтобы каждый получил спасение, то, употребляя вышеуказанный способ слововыражения, мы можем сказать: “Бог хочет так, но не делает”, называя в этом случае желающим Того, Кто производит в них желание. Напротив, по той Своей воле, которая вечна, как и Его предвидение, Он сотворил уже все, что только хотел сотворить на небе и на земле, не только прошедшее и настоящее, но даже и будущее (Пс. СХІІІ, 3). Но прежде, чем наступит время, в которое по Его воле должно быть то, что раньше времени Он предусмотрел и предусмотрел, мы говорим: “Оно будет, когда захочет Бог”. Если же мы не знаем ни времени, когда оно будет, ни даже того, будет ли оно, то говорим так: “Оно будет, если захочет Бог”, — говорим не потому, что у Бога тогда будет новая воля, какой Он не имел, а потому, что тогда будет то, что от вечности предуготовлено Его непреложной волей.

Глава III

По этой причине (я опускаю многое другое), как видим мы уже исполнившимся на Христе то, что Бог обещал Аврааму, говоря: “И благословятся в семени твоём все народы земли” (Быт. XXII, 18); так исполнится и то, что обещал Он его семени, говоря через пророка: “Восстанут

мертвые тела”; и еще: “Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце. А вы будете веселиться и радоваться во веки о том, что Я творю: ибо вот, Я творю Иерусалим веселием и народ его радостию. И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем; и не услышится в нем более голос плача и голос вопля” (Ис. XXVI, 19; LXV, 17 — 19). А также и то, что предвозвестил Он через другого пророка, говоря ему: “Спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге. И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление” (Дан. XII, 1, 2). И в другом месте через того же пророка: “Примут царство святые Всевышнего, и будут владеть царством вовек и во веки веков” (Дан. VII, 18). А несколько ниже (пророк) говорит: “Царство (Всевышнего) — царство вечное” (Дан. VII, 27). Равно и все другое, относящиеся к этому предмету, как приведенное мною в двадцатой книге (гл. XXI и след.), так и не приведенное, что содержится в тех же самых книгах, — все это сбудется подобно тому, как сбылось то, что неверующие считали несбыточным. Ибо как то, так и другое обещал, исполнение как того, так и другого предсказал один и тот же Бог, пред Которым трепещут языческие божества, как свидетельствует об этом даже известнейший языческий философ Порфирий.

Глава IV

Но люди, а именно — люди ученые и мудрствующие против силы такого авторитета, который весь человеческий род обратил к вере и надежде относительно этого предмета, как это было предсказано за столько времени раньше, — выдвигают с кажущимся им остроумием аргументы против воскресения тел и говорят то, что приводится Цицероном в третьей книге “О республике”. Заверив, что Геркулес и Ромул были из людей, хотя и считались богами, Цицерон говорит: “Тела их не были взяты на небо, ибо было бы

нарушением природы, если бы сущее от земли не оставалось в земле". Таков главный аргумент мудрецов, мысли которых Господь знает, что они суетны (Пс. ХСIII, 11). И в самом деле, если бы мы состояли из одной только души, были бы духом безо всякого тела и, обитая на небе, не знали бы земных животных, а между тем нам бы сказали, что настанет время, когда мы будем соединены некоторыми удивительными узами с одушевленными земными телами, то, отказываясь этому поверить, не привели бы мы более сильный аргумент, если бы сказали, что противно природе, чтобы нечто бестелесное было связано телесными узами? И однако, земля полна душами, оживляющими земные тела, удивительным образом с ними соединенными.

Почему же волею того же Бога, Который создал подобные существа, земное тело не может быть возвышено в тело небесное, если душа, превосходящая собою всякое небесное тело, могла быть соединена с земным телом? Или разве небольшая частичка земли могла вместить в себе нечто лучше по сравнению с небесным телом, чтобы быть чувствующею и живою, а небо откажется принять ее, уже чувствующую и живую, или принятую не будет в состоянии поддерживать, хотя чувствует и живет она благодаря упомянутому, лучшему по сравнению со всяким небесным телом, началу? Но теперь этого не бывает, потому что еще не наступило время, когда быть тому определено волею Того, Кто вещи, приглядевшиеся нам и потерявшие поэтому ценность, сотворил более удивительным образом, чем то, чему те не верят. Ведь если факт, что бестелесные души, превосходящие собою небесные тела, соединены с земными телами, удивляет нас не так сильно, как то, что земные тела восхищаются, правда, в небесные, однако все же телесные обитатели; то не потому ли единственно, что первое мы привыкли видеть, да и сами мы таковы, между тем как вторым еще не сделались, да никогда того и не видели? На непредубежденный взгляд соединение бестелесного с телесным, без сомнения, представляется более удивительным божественным делом, чем соединение хотя и различных, небесных и земных, однако же, все-таки тел.

Глава V

Некогда казалось невероятным вознесение земного тела Христа на небо, но этому верует теперь весь мир; теперь и ученые и неученые веруют факту воскресения плоти и вознесения ее в горние обители, хотя весьма немного остается и таких ученых или неученых, которые этому удивляются. Если этому факту уверовали, как факту вероятному, то пусть видят, как глупы они, не верящие в это; если же веруют факту невероятному, то самое невероятное, что веруют невероятному. Итак, один и тот же Бог предрек два невероятные (события), а именно — воскресение нашего тела для вечной жизни и то, что мир уверует в такую невероятную истину, — предрек, что оба эти события сбудутся (Мф. XXVI, 13), когда ни одно из них еще не исполнилось. Одно из этих невероятных (событий) мы видим уже исполнившимся: мир верует тому, что казалось невероятным. Почему же не иметь упования и на другое, т. е. что исполнится и другое, во что невероятным образом уверовал мир, как уже исполнилось то, что также казалось невероятным, т. е. что мир уверовал в такую невероятную истину; ибо оба эти невероятные события, из которых одно мы уже видим, а в другое веруем, предсказаны в тех же самых книгах, при посредстве коих мир уверовал. А если вдуматься в сам способ, каким мир уверовал, то окажется еще больше невероятного.

С сетями веры Христос послал в море века сего весьма немногих, не просвещенных в свободных науках, не получивших никакого школьного образования, не искусных в грамматике, не вооруженных диалектикой и не напыщенных риторикой, рыбарей, и через них из всего человеческого рода уловил столь великое множество настолько же необыкновенных, насколько и редких рыб, и даже самих философов. Прибавим же, если угодно, или лучше потому, что оно должно быть угодно, к двум вышеуказанным событиям и это третье. Итак, мы имеем уже три невероятных (события), которые, однако, исполнились. Невероятно, что Христос воскрес во плоти и вознесся с нею на небо; невероятно, что мир уверовал такому невероятному факту;

невероятно, что убедить мир и в нем даже самых ученых людей в таком невероятном факте и с таким успехом смогли люди незнатные, самые простые по положению, весьма немногие числом и несведущие. Первому из этих трех невероятных (событий) те, с которыми мы ведем речь, не хотят верить; второе вынуждены признать, а если не поверят третьему, то не объяснят, откуда явилось второе. В самом деле, воскресение Христа и вознесение Его на небо с плотью, в которой Он воскрес, составляет уже предмет проповеди и веры в целом мире; если оно — факт невероятный, откуда же явилась вера в него на всем земном шаре? Если бы люди многочисленные, благородные, высокопоставленные и ученые сказали, что они были очевидцами этого события, и что видели, постарались бы обнародовать; в таком случае не только не было бы удивительно, что им поверил мир, но было бы непонятно, что не все еще хотят им верить; если же, как было в действительности, мир поверил словам и писаниям весьма немногих, темных, незнатных и неученых очевидцев, почему же некоторые доселе еще не верят целому верующему миру? Мир потому и поверил малому числу незнатных, низкороджденных, несведущих людей, что в лице таких смиренных свидетелей тем удивительнее говорило о себе само божество. Ибо красноречием убеждавших служили чудеса, которые они творили, а не слова, которые они говорили. И те, которые сами не видели, что Христос воскрес во плоти и с нею вознесся на небо, веровали благовествовавшим об этом очевидцам не только потому, что они говорили, но и потому, что творили чудеса.

Так, тех самых людей, о которых было известно, что они говорят на одном или в лучшем случае — на двух языках, услышали говорящими вдруг на языках всех народов (Деян. II). Хромой от чрева матери именем Христа по слову их в сорок лет сделался здоровым; платки с тел их помогали выздоравливать недужным; на улицу, по которой они должны были проходить, выносили по порядку многих одержимых различными болезнями, чтобы их осенила тень проходящих, и (больные) тотчас получали исцеление; и многие другие чудеса совершались ими именем

Христа, и даже воскресали мертвые (Деян. III, IV). Если допустят, что все это было так, как мы о том читаем, то прибавим и эти невероятные факты к трем вышеупомянутым невероятным событиям; соберем все эти свидетельства о многих невероятных фактах, чтобы поверили тому одному невероятному, что говорится о воскресении плоти и вознесении на небо, и обратим к вере тех, которые еще не ожесточились в неверии. Если же тому, что апостолами Христа совершены были вышеуказанные чудеса, дабы веровали их проповеди о воскресении и вознесении Христа, не поверят, то для нас достаточно и того одного великого чуда, что этому факту уверовал без всяких чудес целый мир.

Глава VI

Припомним и здесь, что Туллий удивляется верованию в божество Ромула. Приведу его слова так, как они у него написаны: “В Ромуле, — говорит он, — наиболее достойно удивления то, что другие, которые, как говорят, сделались богами из людей, жили в века менее просвещенные, когда ум был более склонен к вымыслу, ибо необразованные люди легко отдавались вере. Между тем, век Ромула был ближе к нам, к теперешним шестисотым годам*, когда науки и искусства уже окрепли и грубая человеческая жизнь очищена от всякого старого заблуждения”. “Отсюда, — продолжает он несколько ниже, — можно понять, что Гомер жил за много лет до Ромула, так что при людях уже ученых и во времена просвещенные не оставалось почти ни малейшего места для вымысла. Древность принимала сказки, придуманные порою весьма нелепо; этот же просвещенный век отверг их, осмеивая прежде всего то, чего не может быть”**. Туллий Цицерон, один из числа людей ученейших и самый красноречивый из всех, называет верование в божество Ромула удивитель-

* Цицерон имеет в виду не свое время, а время Сципиона и Лелия, героев цитируемого сочинения.

** Cic., De Republ. lib. II.

ным потому, что времена те были уже цивилизованные, не принимавшие сказочной лжи. Но кто же возвел Ромула в число богов, если не Рим, хотя бы и малый и только что начинающийся? Впоследствии потомки должны были сохранять то, что они приняли от предков, так что с этим, вместе с молоком матери всасываемым предрассудком Рим возрос и достиг такой великой власти, что с вершины ее, как бы с некоего возвышенного места, затоплял этим своим воззрением и те народы, над которыми господствовал; и хотя эти последние в божество Ромула не верили, однако богом его называли из опасения оскорбить город, у которого находились в рабстве, называя его несколько иначе, чем как называл его Рим; сам же Рим верил этому если не под влиянием любви к заблуждению, то под влиянием заблуждения от любви.

Между тем, хотя Христос и основатель небесного и вечного града, однако град этот не потому верует в Его божество, что Им создан, а скорее потому и должен был быть создан, что уверовал в Него, как Бога. Рим воздал своему основателю божескую почесть в храме уже после того, как был построен и посвящен ему; горний же Иерусалим своего Основателя, Бога Христа, положил в основание своей веры, чтобы мог быть создан и посвящен Ему. Тот признал Ромула богом из любви к нему, а этот возлюбил Христа по вере в Него, как Бога. Таким образом, как для Рима предшествующим началом была любовь, и относительно того, кого любил, он поверил охотно даже и ложному благу; так для небесного града предшествующим началом была вера, так что правую верой он возлюбил то, что было не ложно, а истинно. Ибо кроме стольких и таких вышеупомянутых чудес, убеждающих в божестве Христа, Ему предшествовали заслуживающие полной веры божественные пророчества, которые мы видим не ожидающими еще своего исполнения, как веровали отцы, а уже исполнившимися на Нем. Между тем, относительно того, что Ромул основал Рим и царствовал в нем, мы слышим и читаем как о факте уже совершившемся, но не предсказанном раньше; а что он принят в число богов, то письменные источники сообщают, что этому

верят, но не удостоверяют, что оно совершилось. Да и никакими знаками необыкновенных событий не подтверждается, что это случилось с ним в действительности. Ибо каким образом или в какой степени может служить доказательством его божества то обстоятельство, которое, по видимому, считается великим чудом, а именно — волчица-кормилица? Если и допустить, что эта волчица была не публичною женщиной, а зверем, то ведь брат Ромула не считается богом, хотя она была кормилицей их обоих. С другой стороны, кому запрещали называть Ромула, Геркулеса или других подобных людей богами, и кто предпочел скорее умереть, чем не называть их так? Или наоборот, разве принял бы какой-нибудь народ Ромула в число своих богов, если бы не понуждал его к этому страх перед римским именем? Между тем, кто может сосчитать, сколь многие предпочли претерпеть самую лютую смерть, чем отречься от Бога Христа! Таким образом, считать Ромула богом побуждал некоторые находившиеся под римским ярмом города страх даже легкого раздражения, какое, как полагали, могло быть со стороны римлян, если бы так не делали; напротив, от почитания и даже исповедания Христа Богом не мог отклонить многое множество по всей земле мучеников страх не легкого уже раздражения, но безмерных мучений и даже самой смерти, которою чаще всего угрожали. И однако град Христа, хотя он был еще странствующим на земле и имел войска многих народов, не вступал ради временного спасения в борьбу со своими нечестивыми гонителями, напротив, не противодействовал им именно ради того, чтобы получить вечное спасение. Граждане его подвергались узам, заключениям, истязаниям, пыткам, умерщвлению — и все-таки умножались. Им нечего было бороться ради спасения жизни, коль скоро они пренебрегали жизнью ради Спасителя.

Знаю, что в третьей книге Цицерона, если не ошибаюсь, “О республике”, приводится такое рассуждение, что наилучшим городом война принимается только или ради верности в исполнении обязательств, или ради спасения. А что называет он спасением или какого рода спасение хочет разуметь, разъясняется им в другом месте: “Но, —

говорит он, — этих наказаний, которые испытывают и самые глупые люди, а именно: лишение необходимого, ссылка, заключение, удары кнутом, частные люди нередко избегают, когда быстро наступает смерть. Для городов же смерть, освобождающая отдельных лиц от наказаний, сама служит наказанием. Город должен быть устроен так, чтобы быть вечным. Итак, гибель республики не естественна, как гибель человека, для которого смерть не только необходима, а очень часто даже желательна. Если же гибнет, разрушается и истребляется город, это (сравнивая малое с великим) в некотором роде похоже на то, как если бы погиб весь этот мир”. Что мир не погибнет, это Цицерон говорит вслед за платониками. Итак, ясно, что по мнению Цицерона война предпринимается городом ради того спасения, которое состоит в том, чтобы город оставался здесь, как говорит он, вечным, хотя бы отдельные улицы умирали и рождались, подобно тому, как сохраняется постоянная тенистость маслины или лавра и других того же рода деревьев, между тем как отдельные листья опадают и (вновь) появляются. Поэтому смерть, как говорит он, служит наказанием не для отдельных лиц, а для целого города, освобождая очень часто отдельные лица от наказания.

Отсюда сам собой возникает вопрос, правильно ли поступили сагунтяне, когда предпочли гибель своего города нарушению верности, которою они связывались с самой Римской республикой; за что восхваляют их люди, граждане земного государства? Но я не знаю, каким образом могли бы они остаться верными такому рассуждению, которое говорит, что война должна предприниматься только или ради верности, или ради спасения, но не говорит, чему следует отдать предпочтение, если то и другое одновременно сохранить невозможно. В самом деле, если бы сагунтяне предпочли спасение, то должны бы были нарушить верность; если же сохраняли верность, должны были пожертвовать спасением, как это и случилось. Между тем, спасение града Божия таково, что оно может сохраняться или, лучше сказать, приобретаться верою и через веру; с утратой же веры никто не может его достигнуть. Принятые об этом к высокомужественному и крепкому сердцу со-

ображения и создали столько и таких мучеников, каких не было и не могло быть и одного, когда Ромул считался богом.

Глава VII

Впрочем, упоминать о ложном божестве Ромула весьма странно, когда мы говорим о Христе. Тем не менее, если Ромул жил почти на шестьсот лет раньше Цицерона и его время, как говорят, было временем настолько уже научно просвещенным, что отвергало все, чего не может быть, то через шестьсот лет, во времена самого Цицерона, а в особенности еще позже, при Августе и Тиберие, т. е. во времена еще более просвещенные, человеческий разум тем более мог бы считать невозможным и с насмешкой устранять от слуха и сердца воскресение плоти Христа и вознесение на небо, если бы сама божественность этой истины или истинность самого божества и свидетельствовавшие о ней чудесные знамения не доказывали, что это могло быть и было; так что, несмотря на устрашение и противодействие столь многих и великих гонений, начавшееся во Христе и имеющее в новом веке наступить для прочих воскресение и бессмертие плоти стало предметом твердой веры и неустрашимой проповеди и посеялось по всей земле, чтобы плодоноснее взрасти от крови мучеников. Ибо пока этой истине уверовал весь мир, преследовавший ее страхом, о ней читались предшествовавшие ей предсказания пророков, ей сопутствовали чудеса мужества и в ней убеждались как в новой истине, противоречащей привычке, но не разуму.

Глава VIII

Почему же, говорят, в настоящее время не бывает чудес, которые, как вы проповедуете, совершались? Я мог бы сказать на это, что прежде, чем мир уверовал, чудеса были необходимы для того, чтобы он уверовал. Кто ищет чудес еще и теперь, чтобы верить, сам представляет

собою великое чудо, не веруя, когда верует уже целый мир. Но так говорят потому, что не верят факту совершившихся тогда чудес. Откуда же с такою верою повсюду воспевается Христос, вознесшийся с плотью на небо? Откуда во времена просвещенные и все, чего не может быть, осмеивающие, мир крайне чудесным образом верует невероятному помимо всяких чудес? Или скажут, что оно вероятно, а потому ему и поверили? Почему же в таком случае не веруют сами? Итак, мы ставим следующую короткую дилемму: или вера в невероятное событие, которого не видели, произведена была другими невероятными явлениями, которые совершались и были видимы; или же крайнее неверие было побеждено событием настолько вероятным, что не было надобности ни в каких убеждающих чудесах. На этом пункте я и должен остановиться в опровержение суетнейших людей.

Факта многих чудес, которые удостоверяли в том одном великом и спасительном чуде, что Христос вознесся на небо с плотью, в которой воскрес, отрицать мы не можем. Все это как чудеса, которые были совершены, описано в одних и тех же достовернейших книгах. Книги эти сделались известными для того, чтобы произвести веру; еще более известными делаются они благодаря той вере, которую произвели. Они читаются народами, чтобы возбудить к себе веру; но, с другой стороны, не читались бы они народами, если бы им не верили. Именем Христа или через Его таинства, или же молитвами и призыванием святых Его чудеса совершаются и в настоящее время; но они не получают до такой степени известности, чтобы говорилось о них с такою же славой, как о тех. О тех чудесах канон священных Писаний, которому надлежало быть законченным, повествует повсюду и они на памяти у всех народов; между тем об этих, где бы они ни совершались, едва знает весь город или какая бы там ни было оседлая местность. Большею частью и здесь знают о них весьма немногие, между тем как другие не знают, в особенности, если город велик; и когда о них рассказывают в другом месте, они не имеют такого авторитета, чтобы им верили

безо всякого затруднения или сомнения, хотя бы и рассказывали верные христиане верным же.

Чудо, совершившееся в Медиолане в нашу там бытность, когда прозрел слепой, могло сделаться известным для многих потому, что и город большой — Медиолан, и там тогда находился император, и факт этот совершился на глазах огромного числа народа, стекшегося к мощам мучеников Протасия и Гервасия, которые, (дотоле) скрытые и совершенно неизвестные, открыты были во сне епископу Амвросию; там-то слепой и прозрел, исцелившись от давней слепоты.

Но кому, кроме весьма немногих, известно в Карфагене об исцелении, которое совершилось над Иннокентием, адвокатом наместнической префектуры, причем находились между другими и мы и все видели своими глазами. Как человек со всем своим домом благочестивейший, он принял меня и брата моего Алипия, явившихся из-за моря, когда мы еще не были клириками, но уже служили Богу, и у него-то мы тогда и жили. Он лечился у врачей; ему вырезали фистулы, которые во множестве и в самом перепутанном виде имелись у него на задней нижней части тела, и врачи (теперь) наблюдали за результатами своего медицинского искусства. Операция эта стоила ему долгих и тяжких страданий. Между тем, одна из язв ускользнула от врачей и была так скрыта, что они не могли достать ее, чтобы вскрыть ножом. Наконец, когда все выходявшие наружу язвы были излечены, осталась эта одна, относительно которой усилия врачей оставались напрасны. Считая медлительность выздоровления подозрительной и опасаясь, что снова придется прибегнуть к операции, как предсказывал его домашний врач, которому те врачи не дозволили во время операции даже смотреть, как они ее будут производить, и которого сам пациент в раздражении прогнал из дома и с трудом снова принял, — больной поднялся и сказал: “Вы намерены меня опять резать? Со мною случится так, как говорил тот, присутствия кого вы сами не захотели?” Те начали подшучивать над неискусным врачом, а страх больного успокаивать ласковыми словами и обещаниями.

Прошло еще весьма немало дней, а пользы от того, что делалось, не получалось никакой. Врачи, однако, продолжали настаивать на обещании, что покончат с язвой с помощью лекарств, не прибегая к ножу. Они пригласили еще врача, уже престарелого и довольно известного в искусстве этого рода, Аммония (он был еще жив), который, осмотрев (больное) место, обещал то же, что, руководимые осторожностью и опытностью, обещали и те. Обнадеженный таким авторитетом, больной с шутливой веселостью начал посмеиваться над своим домашним врачом, как-будто уже выздоровел. Что же дальше? Прошло без всякой пользы столько дней, что утомившиеся и смущенные врачи признали, что больной не выздоровеет без новой операции. Больной испугался и от крайнего испуга побледнел, а когда пришел в себя и смог говорить, приказал врачам уходить и больше не возвращаться; обливаясь слезами и подавляемый мыслью о неизбежности (операции), он только сказал, чтобы пригласили некоего александрийца, который тогда считался знаменитым хирургом, выполнить то, чего в раздражении не хотел он дозволить тем. Но когда тот пришел и как художник по рубцам ран оценил труд врачей, то как честный человек стал убеждать больного, чтобы те врачи, положившие столько труда, что осмотр его вызывает в нем удивление, воспользовались и результатом своего лечения, присовокупив, что больной действительно не может выздороветь, если не будет произведено операции, но что не в его нравственных правилах из-за остающейся безделицы похищать награду за такой труд у людей, высококлассную работу, искусство и старательность которых он с удивлением усмотрел на рубцах ран. Благодаря этому, прежние врачи были снова приглашены и было решено, что они в присутствии александрийца вскроют ножом язву, которая по общему мнению была признана другим образом неизлечимой. Операция была отложена на следующий день. Но когда врачи ушли, крайняя печаль хозяина возбудила в его доме такую скорбь, что мы едва-едва удержали себя от рыданий, как на похоронах.

Больного ежедневно посещали святые мужи, тогдашний узаленский епископ, блаженной памяти Сатурнин, и пре-

еви́тер Гелоз, а также диаконы карфагенской церкви; в числе последних был и единственный оставшийся из них в живых, в сане уже епископа, достопочтенный нами Аврелий, с которым, вспоминая дивные дела Божии, мы часто беседуем об этом обстоятельстве и находим, что он твердо помнит то, о чем мы рассказываем. Когда по обыкновению они вечером посетили больного, тот с вызывающими сострадание слезами просил их, чтобы они почтили наутро своим присутствием скорее его похороны, чем скорбь. И действительно, под влиянием прежних страданий на него напал такой страх, что многие из врачей были уверены, что он умрет. Те утешали его и убеждали надеяться на Бога и мужественно перенести Его волю. Потом мы начали молиться, и когда по обычаю преклонили колени и опустились на землю, больной бросился на землю с таким видом, будто был повержен какой-то неудержимо увлекавшей его силой, и начал молиться; и кто передаст словами, как начал он молиться, с каким возбуждением и порывом духа, с какими слезами, с какими потрясавшими все члены его и совершенно подавлявшими дух воплями и рыданиями? Молились ли другие, или же их внимание было поглощено этим, не знаю. Я совершенно не мог молиться, и только произнес внутренне следующие немногие слова: “Господи, каким еще молитвам своих (рабов) Ты внимлешь, если не внимлешь этим?” Мне казалось, что к словам этим уже ничего нельзя было прибавить, кроме разве того, чтобы он умер молясь. Мы встали и, приняв благословение от епископа, начали расходиться, причем больной просил, чтобы они пришли наутро, а те убеждали, чтобы он не падал духом.

И вот, настал день, которого так боялись: явились служители Божии, как и обещали явиться; пришли врачи, приготовили все, чего требовал момент, выложили к ужасу всех роковые инструменты. И в то время, как те, которые облечены высшим авторитетом, стараются утешением поднять упавший дух больного, на постели приводятся в порядок члены его, развязываются узлы повязок, обнажается (больное) место, врач осматривает его и с инструментами в руках внимательно ищет язву, подлежащую операции.

Всматривается, затем щупает, потом исследует всевозможным образом, и... находит совершенно заросший рубец. Радость, хвала и благодарение милосердному и всемогущему Богу, которые излились из уст всех вместе со счастливыми слезами, не поддаются описанию; все это скорее можно понять, чем выразить словами.

В том же Карфагене благочестивейшая женщина знатной фамилии Иннокентия имела рак груди, болезнь, как говорят врачи, не поддающуюся никаким лекарствам. Обыкновенно или отсекают и отделяют от тела тот член, в котором он зарождается, или же, чтобы человек прожил несколько дольше, считают необходимым оставить всякое лечение, так как благодаря этому, по мнению, как говорят, Гиппократ, смерть наступает позже. Так сообщил ей опытный и весьма дружественный ее дому врач, и она обратилась с молитвою к Богу. Незадолго до пасхи она получила во сне наставление, чтобы она караулила за женским отделением при крещальне и чтобы та, которая после крещения выйдет навстречу раньше других, осенила ей (больное) место знамением Христа; она сделала так и тотчас получила исцеление. Когда потом увидел ее тот врач, который сказал ей, чтобы она не прибегала ни к какому лечению, если желает прожить несколько дольше, и нашел вполне здоровой, между тем как произведенный ранее осмотр открыл у нее упомянутую болезнь, то с живостью спросил, чем она пользовалась, желая, насколько можно понять, узнать о лекарстве, которым опровергнуто было определение Гиппократ. И когда услышал, как было дело, то пренебрежительным тоном и с такою миной, что та испугалась, как бы он не произнес какого-нибудь оскорбительного для Христа слова, отвечал ей с иронией: "Я думал, ты скажешь мне что-нибудь великое". На это тотчас и уже с содроганием она возразила: "Что великого сделал Христос, исцелив рак, когда Он воскресил четверодневного"? Услышав об этом и сильно досадуя, что столь великое чудо, совершившееся в таком городе и над такою знатною особой, остается неизвестным, я счел нужным сделать ей за это внушение и даже выговор. И когда она мне ответила, что она об этом не молчала, я спросил у случайно

находившихся у нее в то время весьма близких к ней женщин, знали ли они об этом прежде? Те отвечали, что решительно не знали. “Так-то, — сказал я, — ты не молчишь, что не слышали даже они, которые связаны с тобою дружбой!” И так как я узнал от нее об этом в общих чертах, то попросил, чтобы она в присутствии этих женщин, к великому их удивлению и прославлению Бога, рассказала подробно и по порядку, как было дело.

В том же самом городе один врач-подагрик, вознамерившись креститься, накануне крещения получил во сне от черных кудрявых мальчуганов, в которых он угадал демонов, запрещение креститься в этом году, но не послушав их, хотя они наслали на его ноги страшнейшую боль, какой он никогда не испытывал прежде, пришел и, согласно обету, крестился без отсрочки, нанося демонам еще большее поражение банею возрождения; в крещении он освободился не только от той болезни, которую испытывал сверх обыкновения, но и от самой подагры и, хотя потом жил долго, не страдал уже больше ногами. Кто знает об этом? Знаем только мы и весьма немногие братья, до которых мог дойти об этом слух.

Один курубитанец-мимист, крестившись, получил исцеление не только от паралича, но и от безобразной тяжести в детородных частях, и вышел из источника возрождения облегченным от той и другой болезни, как-будто не имел на теле никакого повреждения. Кто знает об этом, кроме Курубы и тех весьма немногих, которые могли где-либо об этом слышать? Мы же, узнав об этом, по распоряжению святого епископа Аврелия попросили (того человека) явиться в Карфаген; хотя о том и раньше слышали от людей, в правдивости которых не могли сомневаться.

Есть у нас один человек, бывший народный трибун Гесперий; он на фуссаленской территории имеет мызу, называемую Зубеди. Узнав, что его дом находится там во власти зловредной силы злых духов, причиняющей мучения животным и рабам, он попросил (в мое отсутствие) наших пресвитеров, чтобы туда пришел кто-нибудь из них, молитвами которого (духи) были бы изгнаны. Явился один (из пресвитеров), принес там жертву тела Христова, молясь

сколько мог о том, чтобы исчезло упомянутое наваждение, и тотчас, по милосердию Божию, оно исчезло. Между тем, от друга своего он получил святую землю, принесенную из Иерусалима, где на третий день воскрес погребенный Христос, и привесил ее в своей спальне, чтобы и самому не подвергнуться какому-нибудь злу. Но когда его дом очистился от скверны, что, как он думал, произошло от той земли, он из благоговения не захотел держать ее в своей спальне. Случилось мне и моему собрату, епископу синитенской церкви Максимино, находиться поблизости; Гесперий попросил нас прибыть, и мы прибыли. И после того, как он сообщил нам обо всем этом, он попросил о том, чтобы эта земля была где-нибудь зарыта и чтобы там было устроено молитвенное место, где христиане могли бы собираться для прославления дел Божиих. Мы против этого ничего не имели — так и было сделано. Был там один молодой параличный крестьянин; услышав об этом, он обратился с просьбой к своим родителям, чтобы те немедленно принесли его на это священное место. Принесенный туда, он помолился и тотчас же пошел обратно на своих собственных ногах.

На расстоянии менее тридцати миль от Гиппона есть дача, называемая Викторианской. Там находится храм в честь медиоланских мучеников Протасия и Гервасия. Туда приведен был один юноша, который летом среди дня, купая лошадь в реке, подвергся нападению демона. И когда он лежал или при смерти, или весьма похожий на умершего, пришла сюда по обычаю для вечерних молитв и гимнов госпожа дачи со своими служанками и с некоторыми набожными женщинами; и начали они петь гимны. Как бы пораженный этим пением, (бес) затрясся, с ужасным воем схватился за алтарь, не смея или не будучи в силах двинуться, точно бы был привязан или пригвожден к нему, и с великим плачем прося себе пощады, признался, где, когда и как напал на юношу. Наконец, объявив, что выйдет, пересчитал члены (юноши), которые грозил отнять, уходя, и с этими словами вышел из юноши. Но глаз последнего, выскочив на щеку, висел на тонкой жилке, как бы на внутреннем корне, и вся середина его,

бывшая прежде черной, побелела. Увидев это, присутствовавшие (сюда на крики больного сбежались и другие, и все погрузились в молитву за него) хотя и обрадовались, что (юноша) пришел в сознание, но, опечаленные по поводу его глаза, говорили, что надобно найти врача. Тогда муж его сестры, который привез его сюда, сказал: “Бог, молитвами святых изгнавший демона, силен возвратить ему и зрение”. После того вставил, как мог, выпавший и висевший глаз на место и привязал его полотенцем; он полагал, что глаз должен выздороветь не раньше, чем по истечении семи дней. Когда он сделал это, то (через семь дней) нашел (юношу) совершенно здоровым. Здесь получали исцеление и другие, о которых долго рассказывать.

Я знаю, что одна гиппонская девица, помазавшись елеем, который пресвитер, молясь за нее, растворил своими слезами, тотчас выздоровела от беснования. Знаю также, что епископ помолился однажды за юношу, которого не видел, и тот сейчас же освободился от демона.

Был один старик, гиппонец по имени Флорентий, человек благочестивый и бедный, добывавший себе средства на пропитание портняжим ремеслом. Он потерял одежду, и не имея средств купить, обратился к Двадцати мученикам, память о которых у нас весьма чествуется, с громкой молитвой об одежде. Его услышали случайно бывшие тут юноши-шалуны и, когда он пошел, двинулись следом за ним, поддразнивая его, как-будто бы он просил у мучеников пятьдесят фолл* на покупку платья. Продолжая молча путь, он увидел выпрыгнувшую на берег большую трепещущую рыбу, и при их содействии взял ее и продал за тридцать фолл на кухню одному повару, доброму христианину по имени Катоз, рассказав при этом, как было дело, и надеясь на эти деньги приобрести шерсть, чтобы жена сшила ему одежду. Но разрезав рыбу, повар нашел в ее внутренностях золотое кольцо и, движимый милосердием и под влиянием религиозного страха, тотчас

* Фолл — мелкая монета.

же возвратил его старику, говоря: “Вот как одели тебя Двадцать мучеников!”

Когда епископ Прейект переносил на Тибилитанские воды реликвии достославнейшего мученика Стефана, то к возведенному в честь его храму стеклось, теснясь окрест, великое множество народа. В это время слепая женщина попросила, чтобы подвели ее к переносившему (останки) епископу, и тот дал ей цветы, которые держал; она приняла их, приложила к глазам и тотчас прозрела. К изумлению присутствовавших, она с восторгом пошла впереди, выбирая дорогу и не нуждаясь более в проводнике.

Епископ Луцилл при большом стечении сопровождавшего его народа нес раку упомянутого мученика, которая была поставлена в Синитенском замке, находящемся по соседству с Гиппонской колонией. От ношения этого священного бремени фистула, которая уже давно мучила его и ожидала руки весьма дружественного к нему врача, собиравшегося ее вырезать, вдруг зажила, так как потом он не нашел ее на своем теле.

Евхарий, пресвитер из Испании, проживающий в Каламе, страдал застаревшею каменною болезнью и получил исцеление от раки вышеупомянутого мученика, которую привез ему епископ Поссидий. Тот же самый Евхарий, заболев потом другою болезнью, лежал как мертвый, так что ему уже перевязывали пальцы; заступничеством упомянутого мученика, когда была принесена от его раки и возложена на тело лежащего туника самого пресвитера, он поднялся на ноги.

Там же жил некто Мартиал, человек по своему положению знатный, достигший уже преклонного возраста и питавший отвращение к христианской религии. У него была дочь христианка и зять, в том году принявший крещение. Хотя они с великими слезами просили больного стать христианином, он решительно отказался и прогнал их от себя с крайним негодованием. Зять в видении получил наставление сходить к раке святого Стефана и там, насколько можно, помолиться за больного, чтобы Бог дал ему благое расположение не отклонять от себя намерения уверовать во Христа. Тот так и сделал с великим

плачем и с самым пламенным и благочестивым настроением; затем, уходя, взял с собою с алтаря, к которому подходил, несколько цветков и положил больному под голову, потому что наступила уже ночь и тот спал. И вот, еще до рассвета больной закричал, чтобы шли к епископу, который тогда случайно был у меня в Гиппоне. Узнав об его отсутствии, больной попросил прийти пресвитеров. Те явились, он сказал, что верует, и к всеобщему удивлению и всеобщей радости крестился. Пока он был жив, у него не сходили с уст слова: “Христе, прими дух мой с миром”, хотя он и не знал, что это были последние слова блаженнейшего Стефана, когда иудеи побивали его камнями (Деян. VII, 58); эти слова были и его последними словами, так как и он вскоре после того скончался.

Там же благодаря тому же мученику получили исцеление и двое подагриков, один местный житель, а другой чужестранец, но местный житель — непосредственно, а чужестранец узнал из откровения, что он должен предпринять, когда заболит: он сделал так и сейчас же боль утихла.

Есть мыза по имени Авдур; там есть церковь и в ней — рака мученика Стефана. Одного маленького мальчика, когда тот играл на поляне, сбившиеся с дороги быки, запряженные в телегу, смяли колесом, и он тотчас же забился, испуская дух. Мать, схватив его, приложила к раке, и он не только ожил, но и оказался целым и невредимым.

В соседнем имении, которое называется Каспалианским, заболела и отчаялась в выздоровлении одна набожная женщина; была принесена к той же раке ее туника, но больная, прежде чем принесли оттуда тунику, умерла. Родители накрыли туникой ее труп и она, ожив, стала здоровой.

В Гиппоне некто, по имени Басс, сириец, молился перед ракой того же мученика за заболевшую и находившуюся в опасности дочь и принес туда же с собою ее одежду; между тем из дому прибегают рабы с известием, что (больная) умерла; но так как тот молился, они

были встречены его друзьями, которые приказали им не говорить ему об этом, чтобы он не стал публично плакать. Возвратившись в дом, в котором уже слышались рыдания родных, он набросил на умершую дочь одежду, которую брал с собой, и та возвратилась к жизни.

У нас же умер от болезни сын некоего сборщика податей Ириней. Когда его тело лежало бездыханным и с плачем и рыданиями приготавливалось к погребению, некто из его друзей предложил помазать тело елеем от того же мученика. Сделали так, и умерший ожил.

Опять у нас же бывший трибун Елевзин положил своего умершего маленького сына на раку мученика, которая находится в его загородном доме, и после молитвы, которую он излил с великими слезами, снял его с раки ожившим.

Как быть? Стесняет меня обещание закончить настоящее сочинение, так что я не могу здесь привести всего, что знаю; несомненно, большинство наших, когда прочитают это, посетуют, что столь многое, о чем знают вместе со мною и они, я обошел молчанием. Прошу их заблаговременно извинить меня и подумать, какого огромного труда стоило бы сделать то, не делать чего в настоящем сочинении принуждает меня необходимость. В самом деле, если бы я, умолчав о другом, захотел описать только те чудеса исцелений, которые через этого мученика, т. е. досточтимейшего Стефана, были совершены в Каламской и в нашей колонии, то потребовалось бы составить весьма много книг; да и не все такого рода чудеса могут быть собраны, но только лишь те, о коих составлены записки, предназначенные для публичного прочтения. Завести составление подобных записей мы решили именно потому, что и в наше время бывают знамения божественной силы, подобные древним, и они не должны оставаться для многих неизвестными. Еще нет и двух лет, как начала существовать в Гиппоне упомянутая рака, и хотя о многих чудесах, как нам доподлинно известно, записей не имеется, в то время, как я пишу об этом, их число достигает семидесяти. В Каламе же, где и сама рака появилась раньше, и записи публикуются чаще, число их несравненно больше.

Нам также известно, что через того же мученика совершено много замечательных чудес и в соседней с Утикой колонии, Узале, где его рака была устроена епископом Еводием гораздо раньше, чем у нас. Но там нет обычая вести записи, или, лучше сказать, не было; потому что теперь, может быть, уже и завелся. Когда недавно мы там побывали, то посоветовали тамошнему епископу составить для публичного прочтения записку о том, как весьма известная женщина, Петрония, получила там чудесное исцеление от сильной и продолжительной болезни, в излечении которой врачи не могли оказать ей никакой помощи; и епископ весьма охотно нас послушался. В этой записи он изложил и то, о чем я не могу умолчать, хотя и должен спешить к тому, что в этом сочинении остается еще неоконченным. Она рассказала, что какой-то иудей посоветовал ей на волосяной пояс, опоясанный под одеждой по голому телу, надеть кольцо, в котором под драгоценным камнем находился бы камень, найденный в бычьих почках. Опоясанная этим поясом, как врачебным средством, она ходила к храму священномученика. Но отправившись из Карфагена, вблизи которого она останавливалась в своем имени около реки Баграды, она, поднявшись, чтобы продолжать путь, увидела перед своими ногами то кольцо, и в изумлении начала ошупывать волосяной пояс, на который оно было нанизано. Уверившись, что пояс завязан накрепко узлами, она подумала, что кольцо лопнуло и соскочило; но когда кольцо оказалось совершенно целым, она приняла это как залог будущего здоровья и пояс вместе с кольцом бросила в реку. Но в это чудо не верят те, которые не верят и в то, что Господь Иисус родился, оставив невредимым девство матери, и что Он явился ученикам через запертые двери; пусть же, по крайней мере, полюбозытствуют о нем, и если оно окажется верным, пусть поверят и остальному. Упомянутая женщина — особа весьма известная, благородная по рождению и замужеству и живет в Карфагене; и такой обширный город, и такая знаменитая особа не скроют этого обстоятельства от интересующихся.

Сам мученик, молитвами которого она получила исцеление, конечно, веровал в Сына Приснодевы, веровал и в то, что Он являлся ученикам сквозь затворенные двери, веровал, наконец, и в то, что Он вознесся на небо с плотью, в коей воскрес, ради чего, собственно, нами все это и говорится, и упомянутые чудеса совершаются им именно потому, что за эту веру он положил свою душу. Таким образом, силою того же Бога, Который совершил и те чудеса, о коих мы читаем, чудеса совершаются и в настоящее время через угодных Ему и как Ему угодно; но чудеса эти не так известны и не так запоминаются от частого чтения, чтобы не выпадать из памяти, подобно песчинкам прошлого. Ведь и там, где стараются публиковать записи получающих чудотворную помощь, как это заведено теперь у нас, слышат о том лишь находящиеся налицо, и то один только раз; большая же часть и вовсе при этом не присутствует; так что и сами присутствующие несколько дней спустя забывают, что слышали, и едва ли из них найдется кто-нибудь такой, кто сообщил бы об услышанном отсутствовавшему.

У нас совершилось одно, правда не такое большое, как вышеупомянутые мною, но настолько известное и замечательное чудо, что, думаю, нет такого гиппонца, который бы этого не видел или не знал или который мог бы каким-нибудь образом об этом забыть. Итак, десятеро детей (семеро братьев и три сестры) из Кесарийской Каппадокии, люди не безызвестные среди своих сограждан, вследствие проклятия своей матери, оставшейся после смерти отца вдовою и жестоко ими оскорбленной, были подвергнуты сейчас же такому наказанию свыше, что начали страшно трястись всеми своими членами. В этом ужасном виде, не вынося взоров своих сограждан, они разбрелись почти по всей Римской империи, куда каждому вздумалось уйти. Двое из них, Павел и Палладия, известные уже во многих местностях своим позорным несчастьем, пришли к нам. Пришли они дней за пятнадцать до пасхи и ежедневно начали посещать церковь, а в ней раку — досточтимейшего Стефана, молясь, чтобы Бог смилостивился над ними и сделал их по-прежнему здоровыми. И

здесь, куда бы они ни шли, всюду обращали на себя внимание города. Некоторые, видевшие их в других местах и знавшие причину их трясения, сообщали об этом кому могли.

И вот наступила пасха. Утром дня Господня, когда уже собрался (в церковь) многочисленный народ и юноша (Павел) держался за решетку священного места, где находится рака мученика, он вдруг распростерся на землю и затих как спящий, однако не испытывая трясения, как это бывало с ним обыкновенно даже во сне. Когда при наступившем изумлении присутствующих, из коих одни были поражены страхом, а другие — скорбью, некоторые хотели поднять его на ноги, другие запретили им это, говоря, что надобно, пожалуй, ожидать смерти. И вот он поднялся на ноги и уже не трясся, ибо получил исцеление, и стоял здоровый, глядя на обступивших его. Кто мог при этом удержаться от славословий Богу? Восторженные и благодарные крики наполнили всю церковь. Потом бегут ко мне в дом, где я сидел, уже готовый к выходу, врываются один за другим, и каждый вновь прибывший сообщает мне как новость то, что уже раньше рассказал другой; и когда я радовался и благодарил Бога, является вместе со многими и он сам, наклоняется к моим коленам, поднимается и целует меня. Идем к народу; церковь была полна и дрожала от радостных, здесь и там (потому что молчавших не было) раздававшихся криков: “Благодарение Богу! Слава Богу!” Когда наконец установилось молчание, прочитаны были праздничные чтения божественных Писаний. А когда настало время для проповеди, я сказал несколько слов соответственно времени и радостному настроению. Я хотел, чтобы не столько слушали меня, сколько обратили внимание на своего рода красноречие Божие, выразившееся в этом божественном действии. Человек тот обедал с нами и обстоятельно поведал историю своего, своей матери и братьев бедствия.

На следующий день, сказав проповедь, я обещал прочитать народу запись его рассказа. Когда на третий день пасхи это было мною исполнено, я приказал, чтобы во время чтения этой записи оба они, брат и сестра, стояли

на ступеньках портика, с высоты которого я читал. Весь народ обоего пола видел их: одного, стоящего спокойно, а другую — трясущуюся всеми своими членами. И те, которые не видели брата (прежде), по его сестре судили, сколько божественного милосердия явлено на нем. Они видели, за что надобно благодарить Бога за него и о чем молиться за нее. Между тем, когда была прочитана запись о них, я распорядился, чтобы они удалились с глаз народа, и начал беседовать об этом обстоятельстве несколько подробнее; и вот, во время этой моей беседы, от раки мученика снова послышались радостные крики. Слушавшие меня повернулись и двинулись туда. Оказалось, что спустившись со ступенек, на которых стояла, (сестра) отправилась молиться святому мученику. Лишь только она дотронулась до решетки, упала, как бы погрузившись в сон, и встала здоровой. Пока мы расспрашивали, что случилось и отчего происходит такой радостный крик, в базилику, где мы находились, является она и с нею те, которые привели ее здоровой от раки мученика. Тогда в собрании поднялся такой крик изумления, что, казалось, этим соединенным со слезами восклицаниям не будет конца. Ее возвели на то место, на котором немного раньше она стояла, подверженная трясению. Радоваться начали, что такую же, как брат, стала и она, о которой (раньше) скорбели, что она оставалась на него непохожей; видели, что еще не было вознесено ими молитв за нее, а предварившее молитвы благожелание их о ней так скоро было услышано. Воссылали радостную хвалу Богу без слов, но так шумно, что едва могли выносить уши. Что было в сердцах этих радующихся, кроме веры во Христа, за которую была пролита кровь Стефана?

Глава IX

О чем ином свидетельствуют эти чудеса, как не о вере, проповедующей, что Христос воскрес во плоти и с плотью вознесся на небо? Ибо и сами мученики были мучениками, т. е. свидетелями этой веры; свидетельствуя о ней,

они претерпели в миру крайнюю к себе враждебность и жестокость, и победили мир не сопротивлением, а смертью. За эту веру положили они свою жизнь, могущие испрашивать это у Господа, во имя Которого вкусили смерть. Ради этой веры предварительно обнаружено было ими необыкновенное терпение, чтобы потом проявлялась такая сила их в этих чудесах. Ведь если вечное воскресение плоти еще не совершилось в лице Христа или не совершится, как о том предсказывает Христос и было предсказано пророками, которыми Христос предвозвещен, то откуда такая сила у мертвых, которые были убиты за веру, проповедующую воскресение? Совершает ли эти чудеса сам Бог непосредственно тем сверхъестественным образом, каким, Вечный, производит временные явления, или же через Своих служителей; и те чудеса, которые совершает через служителей, совершает ли некоторые через дух мучеников, как людей, еще состоящих и из тела, или же все — через ангелов, которыми Он повелевает невидимо, неизменно и бестелесно; так что чудеса, совершаемые через мучеников, совершаются только по их молитве и ходатайству, а не их (непосредственным) действием; или же одни этим, а другие — другим, для смертных совершенно непостижимым образом; во всяком случае, чудеса эти служат подтверждением той веры, в которой проповедуется вечное воскресение плоти.

Глава X

На это, быть может, нам скажут, что и их-де боги совершают нечто чудесное. Хорошо уже то, что своих богов они начинают сравнивать с нашими умершими людьми. Не скажут ли они еще, что у них-де есть боги из умерших людей, например, Геркулес, Ромул и многие другие, которые считаются принятыми в число богов? Но у нас мученики — не боги, потому что как для себя самих, так и для мучеников мы знаем одного и того же Бога. Тем не менее, однако, с чудесами, которые совершаются у гробниц наших мучеников, ни в коем случае

нельзя сравнивать чудеса, которые, как они утверждают, совершаются в храмах их богов; а если некоторые из их чудес и кажутся подобными нашим, — во всяком случае их боги, как маги фараона Моисеем (Исх. VIII), побеждены нашими мучениками. Их чудеса совершали демоны по тщеславию нечистой гордости, по которому они хотели быть их богами; а наши чудеса совершают мученики, или лучше — сам Бог по молитве или при содействии мучеников, дабы мы укреплялись в вере, что они не наши боги, но имеют одного с нами Бога. Наконец, они тем богам своим строили храмы, воздвигали алтари, учреждали жрецов, приносили жертвы; мы же своим мученикам, как богам, храмов не воздвигаем, а строим надгробные памятники как умершим людям, чьи души живут у Бога; и воздвигаем там алтари, на которых приносим жертвы не мученикам, а единому, их и нашему, Богу. При этой жертве в своем месте и по чину воспоминаются и они, как люди Божии, победившие мир в исповедании Бога, — воспоминаются, но священником, совершающим жертву, не призываются. Жертву священник приносит Богу, а не им, хотя приносит ее при их гробнице, потому что он — священник Бога, а не их. Жертва эта есть тело Христово, которое предлагается не им, потому что и сами они суть это тело.

Итак, каким же чудотворцам скорее нужно верить? Тем ли, которые хотят сами прослыть богами у людей, для коих они совершают чудеса, или же тем, которые все, что делают чудесного, делают для того, чтобы мы веровали в Бога, каков и есть Христос? Тем ли, которые хотели, чтобы даже и преступления их считались святыней, или же тем, которые не хотят, чтобы святыней считались самые их похвальные качества, но чтобы все, что поистине заслуживает у них хвалы, служило к славе Того, Кем они хвалятся? Ибо о Господе хвалятся души их (Ис. XXXIII, 3). Будем же верить тем, которые и говорят истинное, и творят чудесное. Ведь и пострадали они за то, что говорили истину, дабы потом могли творить чудесное. Главной же их истиной была та, что Христос воскрес из мертвых и первый показал на Своей плоти бессмертие воскресения,

наступление которого Он обетовал нам или в начале нового века, или в конце настоящего.

Глава XI

Против этого великого дара Божия означенные умствователи, помышления которых известны Господу как суетные (Ис. ХСIII, 11), заимствуют возражения от тяжести элементов. От своего учителя Платона они узнали, что два величайшие и крайние мировые тела связаны и соединены между собою двумя промежуточными стихиями, воздухом и водой. Исходя из этого положения, они говорят, что так как, считая снизу вверх, первой является земля, второй над нею — вода, третьим над водою — воздух, четвертым над воздухом — небо (огонь), то земное тело не может быть на небе. Каждая из этих стихий сохраняет свое место, уравниваясь собственными своими частицами. Вот какую аргументацию человеческая слепота, которую обуяла суетность, противопоставляет всеведению Божию! Как же, спрашивается, живет столько земных тел в воздухе, хотя воздух считается третьей над землей стихией? Неужели же Тот, Кто дал земным телам птиц возможность носиться в воздухе, не будет в состоянии человеческим телам, ставшим бессмертными, дать способность, в силу которой они могли бы обитать в высшем небе? Да и земные животные, которые летать не могут, к которым принадлежат и люди, должны были бы жить в земле подобно тому, как рыбы, которые суть животные водные, живут в воде. Почему же земное животное живет даже не во второй стихии, т. е. в воде, а уже в третьей? Почему, принадлежа земле, оно, если принуждается жить во второй, расположенной над землею стихии, тотчас же задыхается, и чтобы сохранить жизнь должно жить в третьей? Но не перепутывается ли этот порядок стихий? Или, вернее, в природе он есть, но его недостает в их аргументации? Не буду повторять сказанного мною в тринадцатой книге (гл. XVIII), как много есть тяжелых земных тел, вроде свинца, которые, однако, получают от

мастера такую форму, что могут плавать по воде; а между тем, если человеческое тело получит свойство, благодаря которому оно вознесется на небо и получит возможность жить на небе, — это считается противоречием замыслу Всемогущего Художника.

Уже и против сказанного мною выше сами рассуждающие и трактующие о порядке стихий, на который они ссылаются, решительно не могут найти возражений. Ведь в этом счете снизу вверх, в котором земля представляется первой, вода — второй, воздух — третьим, небо — четвертым, — над всем возвышается природа души. Аристотель называет ее пятым телом*, а Платон — бестелесной. Если она — пятое тело, то, очевидно, выше остальных; она тем более превосходит все другие, если бестелесна. Что же делает она в земном теле? Как уживается тончайшая из всех стихий в этой массе? Легчайшая — в этом грузе? Быстрейшая — в этой косности? Неужели невозможно, что в силу заслуг этой столь превосходной природы тело ее вознесется на небо, и если в настоящее время природа земных тел тянет души вниз, то некогда и души в состоянии будут восхищать земные тела вверх?

Если теперь мы обратим внимание на чудеса, которые, как совершенные их богами, они противопоставляют (чудесам) наших мучеников, то не окажется ли, что даже и эти чудеса говорят в нашу пользу и решительно нас подтверждают? К числу великих чудес их богов принадлежит, без сомнения, то великое чудо, о котором упоминает Варрон, состоящее в том, что дева-весталка, если ей грозило несправедливое обвинение в блуде, наполняла решето водой из Тибра и доносила его до своих судей так, что из него не проходило ни одной капли. Кто же удерживал тяжесть воды в решете? Кто, несмотря на такое множество дырочек в решете, не позволял выпадать из него ни одной капли на землю? Скажут, некий бог или некий демон. Но если бог, неужели он больше Бога, сотворившего этот мир? Если демон, неужели он сильнее ангела, который служит Богу, сотворившему мир? Если же меньший бог, или

* Arist. de Coelo. lib. IV, cap. 6.

ангел, или демон мог так уравновесить тяжесть жидкой стихии, что изменялась, по-видимому, сама природа воды, то разве всемогущий Бог, сотворивший и сами стихии, не в состоянии будет освободить земное тело от грубой тяжести, чтобы оно, оживотворенное, могло обитать в той самой стихии, в какой захочет животворящий дух?

Далее, если воздух помещают между огнем сверху и водой снизу, то почему мы часто находим его между водой и водой и между водой и землей? Почему воздух оказывается между облаками, насыщенными, как думают, водой, и морями? Каким образом, спрашиваю, из тяжести и порядка стихий следует, что самые стремительные и бурные потоки, прежде чем начинают течь ниже воздуха по земле, висят выше воздуха в облаках? Почему, наконец, воздух оказывается занимающим середину между высшими слоями неба и низшими земли на всем пространстве вселенной, когда место его между небом и водами, подобно тому, как место вод — между ним и землею?

В заключение, если таков порядок стихий, что, согласно Платону, двумя средними, воздухом и водою, соединяются две крайние, огонь и земля; если огонь помещается в высшем небе, а земля занимает самое низкое место, как основание мира, и потому земля не может быть на небе, то почему же огонь находится на земле? Ведь по смыслу этого положения обе стихии, огонь и земля, должны были бы находиться каждая на своем месте, низшем и высшем, так что как низшая, по их мнению, не может быть вверху, так не должна бы быть и высшая внизу. Если они полагают, что на небе нет или не будет ни единой частички земли, то и на земле мы не должны видеть ни единой частички огня. А между тем, в настоящее время огонь есть не только на земле, но и под землей, так что его извергают вершушки гор; кроме того, мы видим, что он существует и на земле в употреблении людей, и из земли рождается, потому что рождается из дров и камней, которые, несомненно, суть предметы земные.

Но, говорят, тот огонь — огонь спокойный, чистый, безвредный и вечный, а этот — беспокойный, дымный, тленный и разрушительный. Однако, ведь не разрушает

же он ни гор, в которых пылает постоянно, ни пропастей земных. Но пусть будет так, пусть наш огонь не похож на тот огонь, а отвечает условиям земного существования; почему же они не хотят допустить нашего верования, что природа земных тел, некогда став нетленной, будет соответствовать небу, подобно тому, как теперь наш тленный огонь соответствует земле? Итак, тяжесть и порядок стихий не дает им никаких оснований утверждать, что всемогущий Бог не создал наши тела такими, чтобы они могли обитать и на небе.

Глава XII

Но они обыкновенно поднимают самые мелочные вопросы и этими вопросами осмеивают наше верование в воскресение плоти; например, спрашивают, воскреснут ли недоноски? И так как Господь сказал: “И волос с головы вашей не пропадет” (Лук. XXI, 18), то спрашивают, у всех ли будет одинаковый рост и сила, или величина будет различной? Если тела будут одинаковы, откуда возьмут недоноски то, чего не имели они здесь в своем телесном составе, если воскреснут и они? Или, если не воскреснут недоноски, так как они не родились, а выброшены, то, прилагая тот же самый вопрос к младенцам, спрашивают, откуда прибавится у них рост, которого, как мы видим, не имеют они теперь, умирая в младенческом возрасте? Не скажем же мы, что не воскреснут младенцы, которые способны не только к рождению, но и к возрождению.

Затем спрашивают, какой вид будет иметь сама одинаковость тел? Если там все будут так же велики и высоки ростом, какими бывают самые высокие люди теперь, то спрашивают не только о младенцах, но и о большинстве: откуда тогда прибавится у них недостающее им теперь, если там каждый получит то, что имел здесь? Если же, как говорит апостол, все мы достигнем “меру полного возраста Христова” (Еф. IV, 13); и в другом месте: “Кого Он предузнал, тем и предопределил (быть) подобными образу Сына Своего” (Рим. VIII, 29), то надобно думать,

что вид и рост тела Христа будет (нормой) для всех человеческих тел, которые вступят в Его царство. В таком случае, говорят, у многих надобно будет тогда убавить величину и высоту тела; каким же образом исполнятся слова: “И волос с головы вашей не пропадет”, если пропадет очень многое из самой величины тела?

Да и относительно самих волос можно спросить, возвращено ли тогда будет им все то, что теперь срезается при стрижке? Если будет возвращено, то не вызовет ли в каждом отвращение такое безобразие? То же самое, очевидно, нужно сказать и о ногтях; и им должно быть возвращено все то весьма многое, что срезается теперь при уходе за телом. Где же в таком случае будет красота, которой должно быть, конечно, больше в состоянии будущего бессмертия, чем сколько может быть ее в состоянии настоящей тленности? А если не будет возвращено, значит — пропадет; как же, говорят, и волос с головы не пропадет? Подобные же рассуждения ведутся и относительно сухощавости и тучности. Если все тогда будут равны, то, конечно, не будут одни сухощавы, а другие тучны. Значит, одним будет нечто прибавлено, а у других нечто убавлено. А отсюда все мы должны будем получить тогда то, чего у нас не было, но одним придется приобрести то, чего они не имели, а другим потерять то, что имели.

Толкуют всячески и о разного рода повреждениях и о разрушении мертвых тел, о случаях, когда иное из тел превращается в прах, а другое испаряется в воздухе газами; одни тела пожираются зверьми, другие — огнем; некоторые же люди погибают в воде при кораблекрушении или иным каким-нибудь образом, так что гниение разрешает тела их во влагу; все такие тела, полагают они, не могут быть соединены и восстановлены в плоть. Перебирают, какие бывают или рождаются уродства и увечья, причем с отвращением и насмешкой упоминают и о чудовищных порождениях, и допытываются, в каком виде воскреснет безобразие каждого? Если бы мы сказали, что в человеческом теле ничего подобного тогда не будет, у них готово опровержение на наш ответ в указании на язвы, с

которыми, как мы проповедуем, воскрес Господь Христос. Но из всех этих вопросов самый трудный предлагается ими о том, в чью плоть возвратится то мясо, которым питается человек, пожирающий под влиянием голода человеческое же тело. Ведь мясо это превратилось в плоть того, кто, благодаря подобной пище, остался жив и ею восполнил те потери (в организме), о которых свидетельствовала его исхудалость. Итак, возвратится ли то тело тому человеку, плотью которого оно было раньше, или же, наоборот, останется в том, плотью которого оно стало позже; вот вопрос, разрешения которого допытываются они, осмеивая нашу веру в воскресение; причем, или, подобно Платону, обещают человеческой душе попеременно чередующиеся состояния истинного злополучия и ложного блаженства, или же, вслед за Порфирием, останавливаются на мысли, что человеческая душа после долгих странствий через различные тела некогда закончит свои злополучия навсегда; не так, впрочем, что будет иметь бессмертное тело, а так, что освободится от всякого тела.

Глава XIII

С помощью милосердия Божия, подкрепляющего мои усилия, отвечу на те из возражений с их стороны, которые представляются мне имеющими непосредственное отношение к предмету моей речи. Что воскреснут недоноски, которые, находясь еще во чреве матери, были уже мертвы, этого я не осмеливаюсь ни утверждать, ни отрицать, хотя и не вижу основания, почему бы миновало их воскресение, коль скоро они входят в число умерших. Действительно, одно из двух: или воскреснут не все мертвые, и некоторые человеческие души в вечности останутся без тел, которые они, хотя и во чреве матери, все-таки имели; или, если все человеческие души получают свои воскресшие тела, которые они, где бы то ни было, имели живыми и оставили мертвыми, — я не нахожу основания утверждать, что не будут участвовать в воскресении мертвых какие-либо из умерших даже во чреве матери. Но пусть

о недоносках каждый держится того или другого из этих мнений; во всяком случае то, что дальше мы скажем об уже родившихся младенцах, должно разуметь и относительно недоносков, если они воскреснут.

Глава XIV

Что же скажем мы о младенцах, кроме того, что они воскреснут не в том малом теле, в котором умерли, а дивным и мгновеннейшим действием Божиим получат то тело, которое имело развиться у них с течением времени? Ибо изречение Господа: “И волос с головы вашей не пропадет”, говорит, что не будет отсутствовать то, что было, не отрицая в то же время, что будет наличествовать и то, чего не было. У умерших же младенцев не было полной величины их тела, так как каждому младенцу недостает именно той меры высоты тела, которой бы он не перерос, если бы достиг полного возраста. Мера эта существует для всех, с нею каждый зачинается и рождается, но существует идеально, а не материально, подобно тому, как в семени скрыто существуют уже все члены, хотя некоторые, например, зубы, отсутствуют и после рождения. В этой вложенной в телесную материю каждой идеи некоторым образом, как бы я выразился, зачаточествует то, чего еще нет или что скрыто, но что с течением времени будет, или лучше сказать — раскроется. И младенец в ней мал или высок, соответственно тому, как будет он мал или высок. На этом основании мы несколько не боимся убыли тела при воскресении, потому что, если тогда и все мы будем равны, причем даже так, что все достигнем гигантской величины, то и самые рослые в земной жизни люди не будут в своем росте иметь ничего, что погибло бы вопреки изречению Христа: “И волос с головы вашей не пропадет”; ибо у Создателя, сотворившего все из ничего, разве может оказаться недостаток могущества восполнить (откуда — ведает этот дивный Художник) то, что должно быть восполнено?

Глава XV

Но коль скоро Христос воскрес с тем именно ростом, с которым умер, то и непристойно говорить, что тело Бго, когда наступит время всеобщего воскресения, получит больший рост, чем какой оно имело, когда Он по воскресении являлся ученикам в том виде, в каком они Его знали, — получит больший, чтобы, таким образом, и Он мог сравниться с самыми высокими по росту людьми. Если же мы скажем, что все более высокие тела должны приравняться к мере тела Господня, в таком случае тела весьма многих людей понесут ущерб, хотя Сам же Господь обещал, что не погибнет даже и волос с головы нашей. Остается заключить, что каждый получит свою меру роста, которую он или имел в юности, хотя бы он и умер стариком, или имел бы, если умер раньше. А слова апостола о мере полного возраста Христова надобно понимать или так, что они сказаны с совершенно иною целью, т. е. чтобы под главою-Христом в христианских народах, с нравственным преуспеянием всех членов, исполнялась мера Его возраста; или, если они сказаны о воскресении тел, — так, что тела умерших воскреснут в возрасте не раньше и не позже юношеского, и именно в том своем возрасте и крепости, до какого возраста, как известно, дожил Христос на земле. Ведь и самые ученые люди этого века юношеский возраст полагают порядка тридцати годов; достигнув этой поры, человек склоняется к более мужественному, а затем — и к старческому возрасту. Поэтому-то у апостола и не сказано “в меру тела” или “в меру роста”, но — “в меру полного возраста Христова”.

Глава XVI

Точно так же и слова: “Кого Он предузнал, тем и предопределил (быть) подобными образу Сына Своего” (Рим. VIII, 29) можно разуметь о внутреннем человеке. Поэтому в другом месте апостол говорит нам: “Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением

ума вашего” (Рим. XII, 2). Таким образом, сообразными Сыну Божию становимся мы тогда, когда преобразуемся, но не сообразуемся с веком сим. Можно понимать эти слова и так, что как Сын Божий сообразен нам смертностью, так и мы должны быть сообразными Ему бессмертием, что, впрочем, имеет отношение и к воскресению тел. Если же и в этих словах делается нам указание, в каком виде воскреснут наши тела, то сообразность эта, как и вышеупомянутая мера, должна пониматься не в смысле величины, а в смысле возраста тела. Итак, все воскреснут такими по росту, какими были или имели быть в юношеском возрасте; хотя в будущей жизни, где не останется ни малейшей, ни умственной, ни даже телесной слабости, не будет представлять никакой важности, будет ли тело иметь юношеский или старческий вид. Поэтому, если кто-нибудь станет настаивать, что каждый воскреснет в том телесном виде, в каком умер, заводить с ним из-за этого предмета длинные споры не следует.

Глава XVII

Некоторые в виду слов, что все мы достигнем “меру полного возраста Христова” (Еф. IV, 13) и что Бог “предопределил (быть) подобными образу Сына Своего” (Рим. VIII, 29) полагают, что женщины воскреснут не в женском, а в мужском поле, так как Бог сотворил из земли одного лишь мужчину, а уж из мужчины — женщину. Но, по моему мнению, вернее смотрят на дело те, которые не сомневаются, что воскреснет тот и другой пол. В самом деле, там не будет уже похоти, которая служит причиной стыда. Ведь и до грехопадения муж и жена были наги и не стыдились. Поэтому тогда тела человеческие очистятся только от недостатков, но природа останется. Женский же пол есть не недостаток, а природа; и хотя природа будет тогда свободна от соития и рождения, однако женские члены останутся, служа не к прежнему употреблению, а к новой красоте, которой бы не похоть взирающего на нее возбуждалась, так как похоти тогда не

будет, а восхвалялась премудрость и милость Бога, и не-сущее сотворившего, и не-сущее избавившего от повреждения. А что в начале человеческого рода жена была сотворена из кости, взятой из ребер спящего мужа, то это событие должно было служить пророчеством о Христе и Церкви. Ибо оный сон мужа (Быт. II, 21) означал смерть Христа, ребра которого, когда Он висел бездыханным на кресте, были пронзены копьем и из них излились кровь и вода (Иоан. XIX, 34); что мы считаем таинствами, которыми создается Церковь. Писание именно это выражение и употребляет; в нем мы читаем не “образовал” или “сотворил”, а “создал” (Быт. II, 22); поэтому и апостол говорит о созидании тела Христова, которое и есть Церковь.

Таким образом, женщина представляет собою такое же творение Божие, как и мужчина; что она произошла от мужа, это служило указанием их единства, а что от мужа произошла именно таким образом, это, как сказано, изображало Христа и Церковь. А Кто установил оба эти пола, Тот и восстановит их. Наконец, и сам Иисус Христос на вопрос отрицавших воскресение саддукеев, какого из семи братьев будет женою женщина, которую каждый из них имел, чтобы восстановить, как предписывал закон, семя умершего брата, отвечал: “Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией” (Мф. XXII, 29). И хотя Он мог бы сказать: “Та, о которой вы Меня спрашиваете, сама будет мужчиной, а не женщиной”, однако, сказал Он не это, а вот что: “В воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии в небесах” (Мф. XXII, 30). Равными ангелам мы будем, конечно, бессмертием и блаженством, а не по плоти и не по воскресению, в котором ангелы не имеют нужды, потому что они и не могли умирать. Таким образом, Господь отрицал в воскресении браки, а не женщин, и отрицал тогда, когда поднят был такой вопрос, который всего скорее разрешился бы путем отрицания женского пола, если бы Господу было ведомо, что его тогда не будет; напротив, Он утверждал, что пол этот будет, говоря: “Ни женятся (что имеет отношение к мужчинам), ни выходят замуж (что

имеет отношение к женщинам)”. Итак, будут тогда и те, которые обыкновенно здесь женятся, и те, которые здесь выходят замуж, только там они этого делать не будут.

Глава XVIII

Поэтому, так как апостол говорит, что все мы придем в совершенного мужа, необходимо рассмотреть эти слова его в полном их составе, в котором они читаются так: “Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все. И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви” (Еф. IV, 10 — 16). Вот кто муж совершенный, т. е. глава, и вот кто тело, обнимающее всех членов, которые в свое время войдут в него!

Но пока Церковь создается, к телу этому присоединяются ежедневно новые члены, — к тому телу, о котором говорится: “Вы — тело Христово, а порознь — члены” (I Кор. XII, 27); и в другом месте: “За тело Его, которое есть Церковь” (Кол. I, 24); и еще: “Один хлеб, и мы многие одно тело” (I Кор. X, 17). О созидании этого тела говорится и в рассматриваемом месте: “К совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова”, и затем прибавляется то, о чем, собственно, идет речь у нас: “Доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова”; а как далеко в теле должна простираться

ся эта мера, указывается словами: “Дабы мы... истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена”. Отсюда, мерюю как каждой отдельной части, так и целого тела, обнимающего все части, служит именно мера полноты, о которой сказано: “В меру полного возраста Христова”. Об этой полноте апостол упоминает и в другом месте, где говорит о Христе: “И поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть тело Его, полнота Наполняющего все во всем” (Еф. I, 22, 23). Если же рассматриваемые слова апостола следует относить к тому виду, в каком каждый воскреснет, то что препятствует нам под упоминаемым у него мужем разуместь и женщину, понимая мужа в значении человека вообще, подобно тому, как в словах: “Блажен муж, боящийся Господа” (Пс. СХI, 1) разумеются, конечно, и женщины, боящиеся Господа.

Глава XIX

Что ответить теперь насчет волос и ногтей? — если мы признаем, что из нашего тела ничто тогда не пропадет, чтобы вследствие такой потери не явилось никакого безобразия, — вместе с тем само собою разумеется, что все излишества, которые в теле были бы безобразием, останутся в (общей) массе тела, а не будут возвращены на свои (прежние) места, где они обезобразивали бы форму членов. Если бы, например, из глины был сделан сосуд, который, будучи обращен в ту же самую глину, опять бы был произведен заново, то не было бы никакой при этом необходимости, чтобы та часть глины, которая (прежде) находилась в ручке или в дне, опять возвратилась именно в ручку или в дно, лишь бы только целое снова обращено было в целое, т. е. лишь бы только вся глина, не теряя ни малейшей части, была превращена в целый сосуд. Поэтому волосы и ногти, столько раз остриженные и срезанные, не будут возвращены на свои места, если там

они будут служить к безобразию; однако, они и не пропадут ни у кого из воскресших, так как по изменяемости материи превратятся в ту же самую плоть, чтобы занять какое-нибудь место в теле, не нарушая стройности его частей. Впрочем, слова Господа: “И волос с головы вашей не пропадет” можно понимать скорее так, что они сказаны не о длине, а о числе волос; Он ведь также говорит в другом месте: “У вас и волосы на на голове все сочтены” (Лук. XII, 7). Говорю так не потому, чтобы думал, будто в каком-нибудь теле погибнет что-либо, принадлежавшее ему по природе; говорю только, что те безобразия, с которыми тело рождалось (а рождалось оно с ними потому, конечно, чтобы и они служили указанием на состояние настоящей нашей смертности, как состояние, наложенное в наказание), в тело возвратятся, но так, что хотя субстанция тела будет оставаться целой, безобразия, однако, не будет.

В самом деле, если человек-художник может расплавить статую, которую почему-либо сделал некрасиво, и воспроизвести ее в красивой форме так, чтобы из ее субстанции ничего не пропало, а устранена была только ее некрасивость, причем, если в прежней фигуре статуи что-нибудь было дурно или не гармонировало с целым, он этого не отнимает и не отделяет от массы, которая служила ему материалом, а размешивает по всей массе, чтобы только устранить изъян статуи, не умаляя ее величины, то что же должны мы думать о всемогущем Художнике? Неужели Он не будет в состоянии устранить всевозможные безобразия человеческих тел, не только обыкновенные, но и редко встречающиеся и чудовищные, которые свойственны настоящей бедственной жизни, но будут оскорблением будущему блаженству святых, — устранить так, чтобы они, хотя они и составляют естественные, но все же безобразные порождения телесной субстанции, устранением своим не причиняли этой субстанции никакого ущерба?

Отсюда, далее, не следует опасаться и за сухощавых и тучных, чтобы и там они не были такими, какими, если бы только могли, они не хотели бы быть и здесь. В самом деле, всякая красота тела состоит в соразмерности

частей вместе с некоторым изяществом цвета. Где нет такой соразмерности в частях, глаз наш оскорбляется чем-либо или потому, что оно криво, или потому, что мало, или потому, что слишком велико. Поэтому не будет ничего безобразного, происходящего от несоразмерности частей, там, где что криво, исправится, что меньше, чем следовало бы, восполнится (откуда — ведает Создатель), а что больше, чем нужно, устранится, не нарушая целостности материи. А сколько будет изящества в цвете там, где “праведники воссияют, как солнце” (Мф. XIII, 43)! Надобно думать, что светоносность тела Христа, когда Он воскрес, скорее была сокрыта от глаз учеников, чем отсутствовала. Их слабый человеческий взор не вынес бы ее, коль скоро они должны были видеть Христа так, чтобы Он мог быть ими признан. Так же объясняются и те обстоятельства, что Он показывал для осознания их следы Своих ран и даже принимал пищу и питье; не потому, чтобы нуждался в том и другом, а потому, что по Своему могуществу мог делать и это. Случай, когда мы чего-либо не видим, хотя оно и есть, находясь налицо подобно тому, как упомянутая светоносность тела Христа, хотя она, как было замечено выше, не была видима апостолам, которые, однако, все остальное видели, по-гречески называется *αορασία* — словом, которое наши переводчики, не будучи в состоянии перевести его по-латыни, перевели в книге Бытия как “слепота”. Ею поражены были содомляне, когда искали дверей праведного мужа и не могли их найти (Быт. XIX, 11). Если бы это была та слепота, при которой нельзя видеть ничего, то содомляне спрашивали бы не о дверях, к которым подошли, а искали бы проводников, которые бы подвели их туда.

Не знаю как, но мы исполнены такой любовью к блаженным мученикам, что желали бы и в будущем царстве видеть на их теле следы тех ран, которые они приняли за имя Христа, — и, может быть, увидим. Раны эти будут у них не безобразием, а достоинством, — некою, хотя и в теле сияющею, красотою, но красотою не тела, а добродетели. Тем не менее, однако же, если мученики лишены были здесь каких-нибудь членов, они не останутся без

Этих членов в воскресении мертвых, которым сказано: “И волос с головы вашей не пропадет”. Но если в новом веке будет признано нужным, чтобы следы их славных ран были видны на бессмертной плоти, то там, где были, как сказано, отняты или отсечены члены, появятся следы ран и появятся на тех самых, снова возвращенных, но не потерянных частях. Итак, хотя всех бывших в теле недостатков тогда не будет, однако такого рода недостатками не следует считать упомянутые следы добродетелей.

Глава XX

С другой стороны, будем далеки от мысли, что для воскресения тел и возвращения их к жизни всемогущество Творца не может собрать всего, что было пожрано зверьми или огнем, или превратилось в прах и пепел, или разрешилось во влагу, или испарилось в воздух. Не будем думать, чтобы какие-нибудь недра или потаенные места природы скрыли что-нибудь, исчезнувшее от наших чувств, до такой степени, что оно осталось бы или неизвестным для ведения, или выступившим из-под власти Творца всего. Цицерон, этот их великий писатель, желая определить Бога, говорит: “Он есть некоторый свободный и независимый ум, чуждый всякой смертной примеси, всезнающий и вседвижущий и сам одаренный вечным движением”*. То же (суждение) встречается в доктринах великих философов. Итак, говоря их же языком, каким образом может что-либо скрыться от “всезнающего” или бесследно исчезнуть от “вседвижущего”?

Отсюда уже разрешается и тот вопрос, который представляется более трудным, а именно: если плоть умершего человека становится плотью другого человека, то кому из них будет принадлежать она в воскресении? Ведь если бы изнуренный и побежденный голодом человек начал питаться трупамн людей, — а такое зло, как свидетельствует древняя история и как говорит несчастный опыт новейших

* Cic. Tuscul. I.

времен, иногда встречалось, — то кто же будет утверждать, что вся-де эта пища выбрасывается через нижний проход и ничего из нее не превращается в плоть того человека, когда сама его исхудалость, которая была и прошла, достаточно показывает, что этим питанием восполнена убыль в его теле? Но предпосланные мною несколько выше замечания должны служить к разрешению и этой трудности. Ибо все, что ни истощает в телах голод, все это испаряется, конечно, в воздухе; потому-то мы и сказали, что всемогущий Бог может возратить то, что ушло. Поэтому и плоть та будет возвращена тому же человеку, чью человеческую плоть она составляла первоначально. От того другого она должна быть отобрана, ибо она как бы взята им взаем как чужой капитал, и должна быть возвращена тому, у кого занята. В свою очередь, и тому человеку, которого истощил голод, возвращена будет его собственная плоть Тем, Кто силен собрать и испарившееся в воздух. Хотя бы она и всячески погибла, и ни одной частички ее не сбереглось ни в каких тайниках природы, Всемогущий восстановит ее, откуда восхочет. Но в виду изречения самой Истины: “И волос с головы вашей не пропадет”, нелепо было бы думать, что в то время, как волос с головы человека погибнуть не может, могут погибнуть столькие тела человеческие, от голода истощившиеся и съеденные...

Рассмотрев и обсудив, насколько было нужно, все эти возражения, соединим все сказанное в следующих общих чертах. В вечном воскресении плоти рост наших тел будет иметь ту меру, которая принадлежала ему по вложенной в тело каждого норме юношеского возраста, не достигнутого еще или уже достигнутого, с сохранением соответствующей красоты в размерах всех членов. Если что-нибудь от тела было отнято, как излишнее удлинение в какой-нибудь составной его части, то для сохранения красоты это отнятое разместится тогда по всему телу, так что и само оно не пропадет, и сохранится соразмерность частей тела; ничего нет невероятного, что вследствие этого может даже прибавиться и сам рост тела, когда для сохранения красоты разместится по всем членам то, что в какой-либо части

тела оказывалось излишним и неприличным. Если же будут настаивать, что каждый воскреснет с тем телесным ростом, с каким умер, спорить против такого мнения излишне горячо не следует; нужно только думать, что ничего безобразного, ничего слабого, ничего косного, ничего тленного, словом, ничего неприличного не будет в том царстве, в котором сыны воскресения и обетования будут равны ангелам Божиим, не по телу, конечно, а по блаженству.

Глава XXI

Соответственно этому и все, что не погибнет от живых ли то тел, или, после смерти, от трупов, будет восстановлено и вместе с остатками, сохранившимися в гробах, воскреснет, изменившись из ветхого состояния тела душевного в новое состояние тела духовного и облекшись нетлением и бессмертием. И если даже или по какой-либо тяжкой случайности, или по жестокости врагов все тело будет совершенно стерто в порошок и, развеянное, насколько можно, по ветру или по воде, будет лишено всякой возможности находиться где-либо, то и в таком случае оно не укроется от всемогущества Творца; напротив, в нем не погибнет ни один волос на голове. Тогда подчиненная духу плоть станет духовной, но все-таки плотью, а не духом, подобно тому, как дух, подчиненный плоти, и сам будет плотским, однако, все же духом, а не плотью. Примером этому служит искаженное состояние нашего наказания. Не по плоти, а именно по духу были плотскими мы, которым апостол говорит: “Я не мог говорить с вами, братья, как с духовными, но как с плотскими” (I Кор. III, 1). И если в настоящей жизни человек называется и духовным, то по телу он все же плотский и видит закон в членах своих, противоборствующий закону ума своего (Рим. VII, 23); но он будет духовным и по телу, когда воскреснет плоть его, чтобы быть тем, о чем написано: “Сеется тело душевное, восстает тело духовное” (I Кор. XV, 44).

Но какова и сколь велика будет слава духовного тела, опасаясь, как бы все, что говорится о ней, не было дерзким витийством, потому что мы еще не видим ее на опыте. Впрочем, так как о радости нашего упования молчать не следует ради хвалы Богу, и слова: “Господи! возлюбил я обитель дома Твоего” (Пс. XXV, 8) сказаны из внутренних глубин святой пламенной любви, то от даров Божиих, которые в настоящей бедственной жизни изливаются на добрых и злых, мы, с помощью Божией, сделаем, насколько можем, заключение о том, какова будет и та слава, о которой, не испытав ее, мы, конечно, говорить достойным образом не можем. Не упоминаю уже о том времени, когда Бог сотворил человека правым; не касаюсь блаженной жизни двух супругов в раю, так как жизнь эта была столь коротка, что ее не видели и их дети; но кто может перечислить знаки благодати Божией к человеческому роду и в настоящей жизни, которую мы знаем, в которой еще находимся, испытания которой, даже всю ее как непрерывное испытание мы, как бы ни преуспевали, не перестаем выносить, пока в ней находимся.

Глава XXII

В самом деле, если рассмотреть все с самого начала, то настоящая жизнь наша, исполненная стольких и таких зол, что ее вообще трудно назвать жизнью, показывает, что весь род смертных был осужден. Ибо что другое означает эта ужасная глубина неведения, из которой проистекает всяческое заблуждение, погружающее всех сынов Адама в некое темное лоно, так что освободиться из него человек не может без труда, скорби и страха? Что означает сама эта любовь к столь многим тщетным и вредным предметам, и отсюда — жгучие заботы, волнения, печали, страхи, безумные радости, раздоры, споры, войны, коварства, раздражительность, враждебность, лживость, лесть, обман, воровство, хищничество, вероломство, гордость, честолюбие, ненависть, человекоубийство, жестокость, зверство, распутство, роскошь, наглость, бесстыдство, нахаль-

ство, любодейания, прелюбодейания, кровосмешение и столькие противоестественные деяния и мерзости того и другого пола, о которых и говорить-то стыдно, святотатства, ереси, богохульства, клятвопреступления, притеснения невинных, клевета, мошенничества и измены, лжесвидетельства, неправосудие, насилия, разбойничества и все, что из числа подобных пороков теперь на память мне не приходит, хотя из настоящей жизни и не уходит? Правда, все это — дела людей порочных; однако, все они происходят от того корня заблуждения и извращенной любви, с которым рождается всякий потомок Адама. Кто, в самом деле, не знает, с каким незнанием истины, обнаруживающимся уже в детях, с каким запасом суетных желаний, начинающим открываться уже в ребенке, является человек в эту жизнь, так что если бы оставить его жить, как он бы хотел, и делать все, что желал бы, то он или всю жизнь, или большую часть ее провел бы в преступлениях и злодеяниях, которые я припомнил и которых не смог припомнить.

Но так как промысление Божие не совсем оставляет осужденных, и Бог не затворяет во гневе щедроты Свои (Пс. LXXVI, 10), то в самих чувствованиях человеческого рода против той тьмы, с которою мы рождаемся, бодрствуют и (злым) наклонностям противостоят запрещение и обучение, сами, впрочем, исполненные трудов и скорбей. Ибо что значат эти многоразличные устрашения, к которым прибегают для обуздания суетности детей? Что такое эти педагоги, учителя, эти хлысты, ремни, лозы, эта дисциплина, которую, по словам священного Писания, нужно сокрушать ребра любимого сына, чтобы он не вырос непокорным? Ожесточившись, он едва уже может быть обуздан, а, пожалуй, и вовсе не может (Сир. XXX, 13). Что достигается этими наказаниями, как не искоренение невежества и обуздание злых желаний, с каковыми пороками мы являемся на этот свет? Что значит, что запоминаем мы с трудом, а забываем без труда, — приобретаем знания с трудом, а невежествуем без труда, — деятельны с трудом, а ленивы без труда? Не видно ли отсюда, к чему, как бы собственной своею тяжестью, бывает склонна порочная природа и в какой помощи она нуждается, чтобы осво-

бодиться от этого? Праздность, недеятельность, леность, небрежность суть именно такие пороки, благодаря которым мы бежим от труда; потому что и сам труд, даже труд и полезный, представляет собою наказание.

• Но кроме детских наказаний, без которых нельзя выучиться тому, чего хотят старшие, — а они с трудом хотят чего-либо полезного, — кто перескажет словами или представит мыслью, сколько и каких тяготеет над человеческим родом наказаний, которые имеют отношение не только к злости и непотребству людей нечестивых, а к общему для всех состоянию? Сколько страхов и сколько бед от дорогих утрат и печалей по ним, от убытков и взысканий, от обманов и кривды людей, от ложных подозрений, от всевозможных насильственных злодейств и чужих преступлений, потому что они часто бывают причиной и ограбления, и заключений, и кандалов, и тюрем, и ссылок, и распятий на кресте, и отнятия членов, и лишения органов, и телесного насилия для удовлетворения гнусной похоти насилующего и многих других ужасных (злодейств)? Сколько бед и опасностей от бесчисленных случайностей, угрожающих телу извне: от зноя, холода, бурь, дождей, наводнений, молнии, грома, града, грозы, землетрясений, разрушений, от раздражения, пугливости или даже и злости вьючных животных, от стольких ядов, скрывающихся в деревьях, водах, ветрах, животных, от тяжких или даже смертельных укусов диких зверей, от бешенства, причиняемого бешеною собакой, так что это ласковое и дружественное животное угрожает иногда больше, чем львы и драконы, и делает человека, которого случайно заразит, до такой степени ужасным, что родители, жена и дети боятся его пуще всякого зверя? Какие беды претерпевают плавающие на кораблях и путешествующие на суше? Кто где бы то ни было гуляет, не будучи подвержен неожиданным случайностям? Иной, возвращаясь с форума совершенно здоровым, падает, ломает ногу и от этой раны умирает. Кто, по-видимому, безопаснее сидящего? И, однако, Илий упал со стула и умер (I Цар. IV, 18). Скольких и каких несчастий для полевых плодов земледельцы, да и вообще все люди, страшатся с неба,

от земли или опасных животных? Обыкновенно бывают спокойны насчет жатв уже собранных и убранных. Но нам известен случай, когда внезапно ворвавшаяся вода, заставив разбежаться людей, выбросила и унесла из житниц прекрасный урожай хлеба. Кто считает себя обеспеченным своею невинностью от тысячи разнообразных падений демонов? Чтобы на это никто не полагался, демоны даже крещенных младенцев, невиннее которых никого, конечно, не бывает, иногда мучат так, что по попущению Божию на них особенно показывается плачевная бедственность настоящей жизни и желанное блаженство будущей.

Само наше тело подвержено стольким болезням, что всех их не обнимают собою книги врачей. Во многих или почти во всех из них и сами пособия, и медикаменты служат орудиями мучения, так что от этого следствия наказаний люди избавляются с помощью наказаний же. Не доводил ли жаждущих людей нестерпимый (внутренний) жар до того, что они пили человеческую, даже свою собственную мочу? Не доводил ли голод до того, что люди не могли удержаться от человеческого мяса, — мяса не людей, найденных мертвыми, а специально для этого убитых, да и не чужих каких-нибудь? Даже матери с невероятной жестокостью, которую производит лютый голод, съедали собственных детей. Наконец, кто передаст словами, как часто сам сон, который получил имя в собственном смысле покоя, бывает беспокоен от сновидений, и как часто возмущает бедную душу и чувства великими ужасами, хотя производимыми и призрачными предметами, но представляемыми и так сказать показываемыми им так, что мы не в состоянии бываем отличить их от действительности? Какою ложью видений терзаются даже и бодрствующие в некоторых болезнях и гораздо еще бедственнее при отравках, хотя, впрочем, иногда и здоровых людей злые демоны обманывают такими видениями, что если и не могут их этим путем переманить на свою сторону, то, во всяком случае, оскверняют их чувства желанием исполнения этой призрачности.

От этого, так сказать, ада настоящей бедственной жизни освобождает только благодать Христа Спасителя, Бога

и Господа нашего. Ибо таково значение самого имени Иисус, которое переводится Спаситель, — Спаситель, главным образом, от того, чтобы после настоящей жизни не приняла нас еще более бедственная и вечная, не жизнь, а смерть. Ибо, хотя в настоящей жизни и бывают великие облегчения и врачевания через священные предметы и святых людей, однако и такие милости этим путем не всегда сообщаются просящим, чтобы люди не ради этого стремились к религии, а ради другой жизни, где не будет уже никаких зол; и если лучшим людям благодать помогает в несчастьях и настоящей жизни, то с той только целью, чтобы они переносили их тем мужественнее, чем крепче их вера. В этом отношении, говорят ученые века сего, полезна и философия, которую, как замечает Туллий, некоторым немногим людям сообщили в истинном ее виде боги. Людям, говорит он, или богами не дано большего дара, или не могло быть дано никакого; отсюда видно, что и сами те, против которых мы ведем речь, как бы там ни было, а вынуждены факт обладания философией, не всякой, а именно истинной, признать делом божественной благодати. Если же, далее, против злополучий настоящей жизни дана свыше немногим единственная помощь в лице истинной философии, то и отсюда достаточно видно, что род человеческий осужден на состояние бедственного наказания. А так как нет, как признают они, никакого в сравнении с этим большего дара, то надобно думать, что дар этот дан не другим каким-либо богом, а Тем, Которого они, чтущие многих богов, называют наибольшим.

Глава XXIII

Но кроме зол настоящей жизни, общих добрым и злым, праведники имеют здесь и некоторые свои собственные подвиги, которые они совершают, воюя с пороками и подвергаясь испытаниям и опасностям этой войны. В самом деле, временами сильнее, временами слабее, но плоть не перестает противоборствовать духу, а дух —

плоти, дабы мы не то делали, чего хотим, исполняя всякую злую похоть, а насколько это для нас возможно при помощи свыше, подчиняли ее себе, не сочувствуя ей и постоянно бодрствуя, чтобы нас не обманывало мнение, похожее на правду, не обольщала хитрая речь, не обуяла тьма какого-нибудь заблуждения; чтобы не принималось нами что-нибудь доброе за дурное или дурное за доброе; чтобы страх не отклонял нас от того, что нужно делать, а похоть не устремляла к тому, чего не нужно делать; чтобы солнце не заходило во гневе нашем (Еф. IV, 26); чтобы вражда не устремляла нас к отмщению злом за зло и не пожирала самолюбивой или неумеренной печалью; чтобы неблагодарный ум не внушал нам холодности к испытанным благодеяниям, а чистая совесть не омрачалась злоречивой молвою; чтобы нас не вводило в заблуждение наше собственное необоснованное подозрение касательно других и не сокрушало чужое ложное подозрение касательно нас самих; чтобы не царствовал грех в смертном нашем теле и не предавались члены наши греху в орудия неправды (Рим. V, 12, 13); чтобы глаз наш не следовал похоти и не одолевало нас желание отмщения; чтобы ни зрение, ни мысль не направлялись к тому, что доставляет дурное удовольствие; чтобы мы не склоняли своего слуха к недоброму или непотребному слову; чтобы не делали того, чего не должны делать, хотя и хотели бы; чтобы мы в этой переполненной трудами и опасностями борьбе не надеялись на достижение победы собственными силами и приобретенную победу приписывали не себе самим, а благодати Того, о Ком говорит апостол: “Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!” (I Кор. XV, 57). И в другом месте он же говорит: “Все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас” (Рим. VIII, 37). Впрочем, какую бы силою в этой борьбе мы не сражались с пороками, даже если бы над пороками и восторжествовали, мы должны знать, что пока находимся в этом теле, нас не должно оставлять чувство, под влиянием которого мы должны говорить Богу: “Прости нам долги наши” (Мф. VI, 12). Но в том царстве, в котором мы вечно будем с бессмертными телами, у нас не будет уже

никакой борьбы и никаких долгов; да их и не было бы, если бы природа наша оставалась такою же правую, какой она была сотворена. Поэтому и сама эта борьба, освободиться от которой мы надеемся ожидающей нас победой, принадлежит к числу зол настоящей жизни, которая стоит под осуждением, как в этом убеждает нас факт существования в ней стольких и таких зол.

Глава XXIV

Обратим теперь внимание на то, какими и сколь многими благами благодать Бога, о всякой твари промышляющего, наполнила даже и это бедственное состояние человеческого рода, в котором восхваляется правда Бога наказующего. Во-первых, того, произнесенного еще до греха благословения: “Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю” (Быт. I, 28), Бог не захотел взять назад и после грехопадения, оставив и в осужденном роде дарованную ему силу плодородия; этой вложенной в человеческие тела удивительной силы семени, еще более удивительной, чем сила, которою образуется само семя, не смог исторгнуть даже грех, вследствие которого обрушилась на нас необходимость смерти; напротив, рядом и вместе в этой, так сказать, рекою, с этим потоком человеческого рода идет то и другое: и зло, которое получается от прародителя, и благо, которое сообщается Творцом. В первоначальном зле заключаются два (частных зла): грех и наказание; в первоначальном благе — свои два (частных блага): размножение и образование. Но, насколько это было в наших намерениях, о зле, один из частных видов которого, грех, произошел от нашей дерзости; а другой, наказание, от суда Божия, сказано мною уже достаточно. Теперь я намерен сказать о тех благах, которые сообщил и доселе сообщает Бог самой порочной и осужденной природе. Ибо и осуждая, Он не лишил ее всего, что даровал ей, — в противном случае ее совсем бы не было; с другой стороны, не оставил ее и вне Своей власти, хотя в наказание и подчинил диаволу, так как не освободил от Своей власти

и самого диавола; Его, Всевышнего, дело, что существует природа и диавол, как Ему же обязано Своим бытием все, что существует.

Итак, из двух тех благ, которые, как мы сказали, от благодати Божией, как бы из некоего источника, изливаются и на поврежденную грехом и осужденную на наказание природу, размножение происходит от благословения, изреченного среди первых дел миротворения, от которых Бог почил в седьмой день. Образование же имеет причину в том действии, которое Бог делает доселе (Иоан. V, 17). Ибо если бы Бог отнял от тварей руку Своего вседействующего могущества, они не могли бы распространяться и продолжать своего существования в предназначенной для них преемственности; даже не устояли бы и на некоторое время в том состоянии, в каком сотворены. Таким образом, Бог сотворил человека так, что даровал ему некую плодоносную силу, вследствие которой одни люди производят других, сообщая им и саму возможность этой производительности, но только возможность, а не необходимость; кого захотел Он лишит ее, те и остаются бесплодными, хотя, впрочем, и не отнял у человеческого рода однажды данного первым супругам благословения чадорождения. Поэтому, хотя размножение и не отнято грехом, но оно теперь не таково, каким было бы, если бы никто не согрешил. Отсюда, человек, венчанный в начале честью, после грехопадения уподобился скотам (Пс. XLVIII, 13) и рождает подобным же образом; хотя, впрочем, в нем не до конца погасла некая, так сказать, искра разума, с которым он сотворен по образу Божию. Но если бы с размножением не соединялось образование, то одно оно (без образования) не обнаруживалось бы в своеобразных формах и видах. Ведь если бы люди не имели соития, то Бог и без этого мог бы наполнять землю людьми; как первого человека сотворил Он без соития мужчины и женщины, так мог бы Он (производить) и всех; совокупляющиеся же люди не могут быть рождающимися без воли Творца.

Таким образом, как апостол о том духовном установлении, благодаря которому человек образуется для благо-

честия и правды, говорит: “Насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий” (I Кор. III, 7), так же точно и в настоящем случае можно сказать: “Отец совокупляющийся и осеменяющий есть ничто, а все Бог образующий; и мать, носящая зачатое и питающая рожденное, не значит ничего, а все Бог возвращающий”. Он именно тем действием, которое доселе делает, творит так, что развиваются семена и из скрытых и невидимых своего рода оболочек раскрываются в видимые формы красоты. Соединяя и слагая непонятным образом бестелесную и телесную, т. е. господственную и подчиненную, природы, Он делает их одушевленными. Это действие Его так велико и удивительно, что в наблюдающем это действие не только в человеке, существе разумном и превосходящем всех земных животных, но и в самой малейшей букашке, вызывает изумление и хвалу Создателю.

Итак, Он даровал человеческой душе ум; в душе дитяти разум и понимание находятся, так сказать, в дремлющем состоянии, как бы нет их, и должны они возбуждаться и раскрываться с наступлением возраста, чтобы дитя стало способным к знанию и учению и готовым к восприятию истины и любви к добру; благодаря этой-то способности человек приобретает познание и является существом, одаренным силами, которыми благоразумно, настойчиво и правильно борется против заблуждений и всех врожденных пороков и побеждает их ничем иным, как желанием высшего и неизменного блага. И если человек этого даже и не делает, то кто надлежащим образом может высказать словами или понять, как прекрасна сама по себе эта вложенная свыше в разумную природу способность к таким благам и какое она удивительное дело Всемогущего? Ибо кроме искусств жить нравственно и достигать безмерного блаженства, которые называются добродетелями и сынам обетования и царствования сообщаются единственно благодатью Божией во Христе, не изобретено ли разумом человеческим и не изучается ли столько и таких искусств, отчасти необходимых, а отчасти и касающихся удовольствий, что эта превосходящая все другие сила ума и разума даже и в такого рода излишних, даже опасных и

бибельных знаниях, которых она жаждет, показывает, какое великое благо имеет человек в своей природе, благодаря чему он смог или изобрести эти искусства, или научиться им, или научить им других?

Кто в состоянии пересказать, до какого удивительного и изумительного производства одежд и шестроек дошла человеческая изобретательность, каких успехов достигла она в земледелии и мореплавании; что придумала и произвела в изготовлении сосудов, в разнообразии статуй и картин; что удивительного для зрителей и невероятного для слушателей постаралась понаделать в театрах; что и сколько придумала для ловли, умерщвления и укрощения неразумных животных, сколько изобрела ядов, орудий и хитростей против самих людей и сколько лекарств и медикаментов — для предохранения и восстановления смертного здоровья, сколько выдумала приправ к кушаньям для удовольствия и раздражения горла, какое множество и разнообразие знаков изобрела для выражения мыслей, причем главное место принадлежит словам и буквам, какие словесные прикрасы и какое множество стихотворных форм выдумала для увеселения духа, сколько изобрела музыкальных инструментов и способов пения для услаждения слуха, какого достигла знания расстояний и чисел и с каким искусством определила движение и порядок небесных светил, какого достигла знания мировых предметов; кто сможет пересказать все это, особенно если бы мы не захотели ограничиться общими словами, а пожелали войти в подробности? Кто, наконец, сможет определить, сколько употреблено остроумия философами и еретиками для защиты даже лжи и заблуждений? Ибо в настоящем случае мы говорим о природе человеческого ума, которой украшена настоящая смертная жизнь, а не о вере и о пути истины, которыми приобретается жизнь бессмертная. Так как Творец этой природы есть истинный и высочайший Бог, то по причине, что Он всем сотворенным управляет и обладает высочайшим могуществом и высочайшим правосудием, природа эта никогда не впала бы в эти злополучия и не подверглась бы злополучиям вечным (кроме только тех, которые от них будут освобождены),

если бы раньше не было великого греха первого человека, от которого произошли все прочие грехи.

Даже в самом нашем теле, хотя по смертности оно обще нам с дикими зверьми и притом гораздо слабее (тол) многих из них, какая открывается благодать и промыслительность Творца! Не расположены ли на нем органы чувств и прочие члены и не соразмерены ли вид, форма и рост его таким образом, чтобы указывать, что оно сотворено для служения разумной душе? Человек сотворен не так, как существа, лишённые разумной души, которые мы видим наклоненными к земле; устремленная к небу фигура его тела напоминает ему мудрствовать о горнем. Далее, та подвижность, которая сообщена языку и рукам, удобная и приспособленная для письма и речи и для выполнения весьма многих искусств и занятий, не ясно ли показывает, для служения какой душе придано подобное тело? Но если даже и не принимать в расчет потребностей практических, соразмерность всех частей тела так велика и так эти части соответствуют одна другой прекрасной пропорцией, что не знаешь, больше ли при сотворении тела имела место идея пользы, чем идея красоты. По крайней мере, мы не видим в теле ничего, сотворенного ради пользы, что в то же время не имело бы и красоты. Это для нас было бы еще яснее, если бы мы знали те точные размеры, в каких все между собою связано и соединено; но исследованию человеческого, при старательном изучении, это может подлежать лишь в наружных частях, а то, что скрыто и для нашего глаза недоступно, как, например, сплетения жил, нервов и внутренних, а также тайны главных жизненных частей, — то не поддается исследованию. Хотя жестокая пытливость медиков, называемых анатомами, и вскрывает трупы умерших; хотя руками рассекающего и исследующего умерших довольно бесчеловечно извлекается на свет все самое сокровенное в телах человеческих, чтобы знать, что, как и где надобно лечить; тем не менее, те точные размеры, о которых я говорю, которые как каждому органу, так и всему телу извне и внутри дают то сочетание, которое по-гречески называется αρμονία, не только никто не в

силах открыть, но никто не берет на себя смелости и исследовать. Если бы могли они стать известными, то и в самих внутренних частях, которые не заключают в себе никакой красоты, открылось бы такое изящество идеи, что ум предпочел бы ее всякой видимой, доставляющей удовольствие только глазу форме. Но кое-что в теле расположено и таким образом, что имеет одну лишь красоту, а не пользу; так, например, грудь мужчины имеет сосцы, а лицо — бороду; что борода служит не защитой, а украшением мужчины, это доказывают чистые лица женщин, которые, как слабейшие, скорее бы, конечно, нуждались в (такой) защите.

Итак, если нет ни одного члена (по крайней мере из числа видимых, относительно которых никто и не спорит), который бы был приспособлен к какому-нибудь отпращиванию так, чтобы (в то же время) не был и красивым; но есть некоторые члены, которые имеют только лишь красоту, но не пользу, то отсюда, думаю, легко понять, что при сотворении тела его достоинство ставилось выше практической потребности. Ибо практическая потребность минует, и наступит время, когда мы будем взаимно наслаждаться одной только красотой помимо всякой похоти; что в особенности должно быть отнесено к хвале Создателя, Которому говорится в псалме: “Ты дивно велик, Ты облечен славой и величием” (Пс. СIII, 1).

А какими словами может быть определена красота и польза других тварей, любоваться и пользоваться которыми божественная щедрость дозволила человеку, хотя и обреченному и осужденному на труды и злополучия? — красота, заключающаяся в разнообразной и многообразной красоте неба, земли и моря, в таком обилии и в такой удивительной роскоши света, в солнце, луне и звездах, в тенистости лесов, в красках и благоухании цветов, в множестве щебечущих пестроперых птиц, в разнообразии стольких и таких животных, из коих более всего вызывают удивление те, которые имеют меньше объема (ибо мы удивляемся более работе муравьев и пчел, чем громадному телу китов), в количественном виде моря, когда оно, как одеждой, облекается различными цветами и бывает то

зеленым, и притом с различными оттенками, то пурпурным, то лазурным. Как приятно смотреть на него даже тогда, когда оно волнуется, и эта приятность становится еще больше потому, что наблюдателя оно ласкает (надеждой), что не выбросит и не разобьет мореплавателя! Как много пищи против голода и какое разнообразие вкусов против отвращения разлито в богатствах природы помимо всякого искусства и труда поваров, сколько (заключено) во многих предметах пособий для предохранения и восстановления здоровья! Как благодатна чередующаяся преемственность дня и ночи! Как приятна благорастворенность воздуха! Сколько материала для постройки одежды в стеблях растений и в животных? Да кто в состоянии все припомнить?!

Уже и то, что мною снесено как бы в одну массу, если бы я захотел разобрать и рассмотреть по частям, сколько времени принудило бы меня останавливаться на каждой частности, содержащей в себе весьма многое? И все это служит утехой для злополучных и осужденных, а не наградой для блаженных. Какие же будут награды, если существует столько и таких утешений? Что даст Бог тем, которых predetermined к жизни, если такими дарами осыпал predetermined к смерти? Какими благами преисполнит в будущей жизни тех, за которых в настоящей, по Его изволению, едиnorodный Сын претерпел столькие и такие злополучия? Отсюда, ведя речь о predetermined к будущему царству, апостол говорит: “Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?” (Рим. VIII, 32). Когда обещание это исполнится, что тогда мы будем? Какими будем? Какие получим в том царстве блага, так как в смерти Христа за нас получили уже такой залог? Каким будет дух человека, когда не будет уже иметь никакого порока, которому бы подчинялся или которому бы уступал, или даже против которого бы с честью боролся, но будет преисполнен уже полной мира добродетели? Какое и насколько ясное и верное, чуждое всякого заблуждения и не требующее труда знание всех вещей будет там, где мы будем напояться премудростью Божией из самого ее источника с высочайшим блаженством и безо

всякого затруднения? Каким будет тело, которое, совершенно подчиненное духу и им изобильно оживляемое, не будет нуждаться ни в каком питании? Ибо оно будет не животное, а духовное тело, хотя и имеющее плотскую субстанцию, но чуждую всякого плотского повреждения.

Глава XXV

Впрочем, о благах духа, которыми в состоянии полного блаженства он будет наслаждаться, знаменитые философы с нами не разногласят; они спорят о воскресении плоти и, насколько могут, отрицают эту истину. Но многочисленные верующие оставили малочисленных отрицателей, ученых и неученых, мудрецов мира сего и невежд, и с верующим сердцем обратились ко Христу, Который Своим воскресением доказал то, что представлялось для тех нелепостью. Мир уже уверовал истине, предсказанной Богом, Который предсказал и то, что этой истине мир уверует. Не чародейства же Петра принудили Его предсказать эту истину вместе с похвалой верующим в нее за столько времени вперед. Ибо Он тот Бог, пред Которым (как я говорил об этом уже несколько раз и не стесняюсь напомнить), по признанию Порфирия, желающего доказать это оракулами своих богов, трепещут и сами божества, и Которого он так превозносит, что называет то Богом-отцом, то Богом-царем.

Да не будет того, чтобы предсказанное Им мы понимали так, как хотят понимать это не верующие вслед за миром тому, чему, как Он предсказал, мир уверует. Но почему бы не понимать этого скорее так, как, по Его предсказанию, мир должен был уверовать, а не так, как пустословят весьма немногие, не желающие верить вслед за миром тому, чему, по Его предсказанию, мир должен был уверовать? Ведь если этому, как они говорят, нужно верить иначе затем, чтобы не нанести Богу, за Которого они являются такими усердными свидетелями, обиды, назвав написанное о том пустяками; то не тем ли большую обиду наносят Ему они, говоря, что оно должно понимать-

ся иначе, а не так, как уверовал мир, веру которого Он сам же похвалил, Сам обещал и Сам привел в исполнение? Одно ведь из двух: или Он не силен, чтобы плоть воскресла и была жива во веки; или веровать, что Он это сделает, не следует потому, что (воскресение плоти) есть зло и Его не достойно. Но о Его всемогуществе, которым сотворено столько невероятного, мы сказали достаточно. Если они хотят узнать, чего Всемогущий не может, то вот чего: я скажу, что Он не может обманывать. Будем же верить, что Он может, не веря, что не может. Итак, по той причине, что Он не может обманывать, они должны верить, что Он исполнит то, что обещал исполнить, и притом верить так, как верует мир, веру которого Он Сам предсказал, Сам похвалил, Сам обещал и Сам привел в исполнение. А чем доказывают они, что (воскресение плоти) есть зло? Там не будет повреждения, которое представляет собою зло телесное. О порядке стихий мы уже рассуждали; о других человеческих догадках сказали достаточно; какова будет в нетленном теле легкость движения, это, полагаю, мы в тринадцатой книге достаточно показали из настоящего состояния вполне здорового тела, которое, конечно, не идет ни в какое сравнение с будущим бессмертным состоянием. Пусть прочитают предыдущие книги настоящего сочинения те, которые или их не читали, или же хотят восстановить в памяти прочитанное.

Глава XXVI

Но по словам Порфирия, чтобы душа была блаженна, она должна быть освобождена от всякого тела. Таким образом, совершенно бесполезно быть телу, как мы сказали, нетленным, если душа будет блаженна не иначе, как освободившись от всякого тела. Но в упомянутой книге и об этом сказано мною столько, сколько было нужно; приведем в настоящем случае одно только обстоятельство. Именно, учитель всех их, Платон, должен был бы сделать в своих книгах поправку и сказать, что боги их, заключенные, по его словам, в небесные тела, чтобы быть

блаженными, будут разрешены от тел, т. е. умрут; однако же (он говорит так, что) Бог, Которым эти боги были сотворены, обещал им, чтобы они могли наслаждаться безмятежным состоянием, бессмертие, т. е. вечное пребывание в тех же самых телах, — обещал не потому, что природа их бессмертна, но потому, что его решение сильнее природы. В этом случае Платон опровергает их и со стороны того их заявления, что воскресению плоти не следует-де верить потому, что оно невозможно. Ибо в указанном месте этот философ весьма ясно высказывает такую мысль, что Бог, обещав сотворенным Им богам бессмертия, тем самым показал, что, хотя Он и не сотворил их бессмертными, что невозможно, однако же сделает их бессмертными. Само это место из Платона гласит следующее: “Хотя вы, как получившие начало, не можете быть бессмертными и неразрушимыми, однако же никоим образом не разрушитесь и никакие судьбы не погубят вас посредством смерти и не будут сильнее Моего решения, которое составляет более крепкую связь для вашего вечного существования, чем те связи, которыми вы были соединены при рождении”. Если те, которые слышат эти слова, не только не глухи, но и не глупы, у них, конечно, не появится сомнения, что сотворенным богам Богом, их сотворившим, обещается, по Платону, то, что для них невозможно. В самом деле, Тот, Кто говорит: “Хотя вы, как получившие начало, не можете быть бессмертными и неразрушимыми, однако же никоим образом не разрушитесь и никакие судьбы не погубят вас посредством смерти и не будут сильнее Моего решения”, что другое говорит, как не вот что: “Это невозможно, однако, при Моем содействии, вы будете такими”. Следовательно, Тот в состоянии воскресить плоть нетленной, бессмертной и духовной, Кто, по Платону, обещал сделать то, что невозможно. К чему же они доселе объявляют невозможным то, что обещал Бог, чему, по обещанию Божию, уверовал мир, которому обещано было даже и то, что он уверует? Ведь мы говорим, что сотворил это Бог, Который и по Платону творит невозможное. Таким образом, чтобы души были блаженными, они должны не освободиться от всякого

тела, а получить тело нетленное. И в каком, ставшим нетленным теле приличнее им наслаждаться веселием, как не в том, в котором они стенали, когда оно было тленным? В них не будет того лютого желания, которое, вторя Платону, влагает в них Вергилий, говоря:

И снова желать начинают в тела возвратиться.*

Такого, говорю, желания возвратиться в тела они не будут иметь, потому что тела, в которые они желали бы возвратиться, они будут иметь с собою и будут иметь их так, чтобы навсегда находиться с ними и никогда, даже на самое короткое время, с ними не разлучаться вследствие смерти.

Глава XXVII

Платон и Порфирий высказали каждый по одной такой мысли, сообщив которые вместе, они сделались бы, пожалуй, христианами. Платон сказал, что души не могут быть в вечности без тел; поэтому, по его словам, даже души мудрецов после более или менее продолжительного времени возвратятся к телам. Порфирий, напротив, говорит, что чистейшая душа, возвратившись к Отцу, никогда уже не вернется к настоящим бедствиям мира. Отсюда, если бы Платон внушил Порфирию то, что представлял себе правильно, т. е. что души даже праведников и мудрецов возвратятся к человеческим телам, а Порфирий, со своей стороны, передал бы Платону то свое верное представление, что святые души никогда не возвратятся к бедствиям тленного тела, и притом так, чтобы каждый из них высказывал не одну только какую-нибудь из этих мыслей, а оба вместе и каждый в отдельности — ту и другую, то из их воззрений, по моему мнению, выходило бы, что души и возвратятся в тела, и получают тела такие, в которых будут жить блаженно и бессмертно. Ибо, по Платону, даже и святые души войдут в человеческие тела, а по

* Virg. Aeneid. VI, 751.

Порфирию святые души никогда не вернутся к несчастьям настоящего мира. Скажи только Порфирий вместе с Платоном, что души возвратятся в тела, а Платон с Порфирием, что души не вернутся к несчастьям, — они будут согласны, что души возвратятся в такие тела, в которых они не будут уже терпеть никаких несчастий.

Итак, тела эти будут не какие-нибудь иные, а именно такие, которые обещает Бог, имеющий сделать души вечно блаженными с их плотью. Подобную уступку, мне кажется, оба они легко могли бы нам сделать; раз ими признано, что души святых возвратятся в бессмертные тела, можно уж было и позволить душам возвратиться в те именно тела, в которых они терпели бедствия настоящего века, в которых с благоговением и верою чтили Бога, чтобы избавиться от этих бедствий.

Глава XXVIII

Некоторые из наших, почитающие Платона за его прекраснейший способ изложения и за некоторые высказанные им правильные суждения, говорят, что он имел кое-какие подобные нашим мнения и о воскресении мертвых. Этому предмета касается, действительно, Туллий в книгах “О республике”, желая, как сам утверждает, в этом случае скорее пошутить, чем сказать то, что было на самом деле. Он заставляет человека ожить и рассказать нечто совпадающее с платоновскими рассуждениями. Лабеон даже говорит, что два человека умерли в один и тот же день и встретились на некотором перекрестке, что затем они получили приказание возвратиться в свои тела и согласились жить между собою друзьями, и что в таких отношениях они оставались до тех пор, пока не умерли. Но эти авторы рассказывают нам о таком воскресении тела, какое бывало с теми, которые, как мы знаем, воскресли и возвратились к прежней жизни, но возвратились не так, чтобы уже после не подвергнуться смерти.

Нечто гораздо более удивительное рассказывает Марк Варрон в своих книгах о происхождении римского народа;

считаю необходимым привести его слова. “Некие, — говорит он, — генетлиаки* писали, что у людей бывает возрождение, которое греки называют *καλιγγενεσια*; само это возрождение, пишут они, совершается в течение четырехсот сорока лет, так что то же самое тело и та же самая душа, которые некогда были соединены в человеке, воссоединяются снова”. Варрон, или какие-то, не знаю, генетлиаки (он не передает имен тех, мнение коих приводит) говорят нам нечто такое, что хотя и ложно (ибо раз души возвратились в тела, которые они носили, они потом уже не оставят их никогда), однако устраняет и разбивает многие аргументы в пользу той невозможности, о которой пустословят наши противники. В самом деле, они думают или думали, что невозможно, чтобы тела людей, превратившиеся в воздух, в пыль, в пепел, во влагу, в тела пожравших их животных или даже людей, снова возвратились в то, чем были. Поэтому Платон и Порфирий, или лучше те, которые считают себя их последователями и еще живы, если согласны с нами, что и души святых возвратятся в тела, как говорил Платон, но не возвратятся к несчастьям, как учил Порфирий, так что из их мнений вытекает как следствие мысль, которую проповедует христианская вера, именно — что души возвратятся в такие тела, в которых они могли бы вечно жить блаженно безо всякого несчастья, — пусть из Варрона возьмут еще и то, что души возвратятся в те самые тела, в которых они были прежде, и весь вопрос о вечном воскресении плоти у них получит разрешение.

Глава XXIX

Рассмотрим теперь, насколько Господь удостоит нас Своею помощью, чем будут заняты святые в своих бессмертных и духовных телах, так как плоть их будет жить не плотским, а уже духовным образом. Но, сказать по правде, я не знаю, каково будет это занятие, или лучше

* Генетлиаки (genetliaci) — предсказатели судьбы новорожденного по звездам.

— покой и досуг. Я этого никогда не видел телесными чувствами. А если скажу, что видел умом, т. е. разумением, то сколько или что значит наше разумение перед лицом такого превосходства? Там царствует, как говорит апостол, “мир Божий, который превыше всякого ума” (Филип. IV, 7). Чьего же ума? Конечно, нашего, или, пожалуй, и ангельского, но только не Божьего. Итак, если святые будут жить в мире Божиим, то, конечно, в таком, который превосходит всякий ум. И в самом деле, наш ум он, несомненно, превосходит; а если превосходит и ум ангельский, ибо кто говорит “всякий ум”, тот, очевидно, не исключает и ангелов, — в таком случае мы должны думать, что слова апостола сказаны потому, что ни мы, ни ангелы не в состоянии знать мир Божий так, как знает его Бог.

Итак, (мир этот) превосходит всякий ум, кроме, без сомнения, ума Божия. Но так как и мы, свойственным нам образом причастные этого мира, получим высший мир в себе, между собою и с Богом настолько, насколько нам свойственно высшее; то святые ангелы знают, таким образом, этот мир по самой своей природе, люди же в настоящем своем состоянии знают его гораздо меньше, каким бы размером своего ума они ни отличались. Ибо надобно иметь в виду величие того, кто говорил: “Мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится”; и еще: “Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу” (I Кор. XIII, 9, 10, 12). Так видят уже святые ангелы, которые называются и нашими ангелами, потому что, избавившись от власти тьмы и с залогом Духа переселившись в царство Христово, мы начинаем уже принадлежать к тем ангелам, с которыми у нас будет общий святой и сладостнейший град Божий, о коем мною написано уже столько книг. Будучи Божиими, ангелы и наши так же, как Христос, будучи Божиим, в то же время и наш. Они Божии потому, что не оставили Бога, — наши потому, что начали иметь нас своими согражданами. Господь Иисус сказал: “Не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что

ангелы их на небесах видят лице Отца Моего Небесного” (Мф. XVIII, 10). Отсюда, как видят они, так будем видеть и мы, но мы пока еще так не видим. Поэтому-то апостол и говорит: “Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу”. Итак, наградой за веру будет служить то видение, о котором говорит апостол Иоанн: “Когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть” (I Иоан. III, 2). А под лицом Божиим нужно разуместь обнаружение Бога, а не какой-либо член, подобный тому, какой мы имеем в своем теле и называем лицом.

Поэтому, когда спросят у меня, чем будут заняты святые в оном духовном теле, я скажу не то, что вижу, а то, чему верую, согласно со словами псалма: “Я веровал, и потому говорил” (Пс. CXV, 1). Именно, я скажу, что святые будут видеть Бога в самом теле своем; но посредством ли тела они будут видеть Бога, подобно тому, как посредством тела мы видим теперь солнце, луну, звезды, море и землю со всем в них находящимся? Вот вопрос, на который ответить не легко. В самом деле, дико было бы сказать, что святые тогда будут иметь такие тела, что не в состоянии будут, хотя бы и хотели, закрывать и открывать глаза. Еще более было бы дико утверждать, что там всякий, кто закроет глаза, не будет уже видеть Бога. Ведь если пророк Елисей, отсутствуя телом, видел, как слуга его Гиезий от Неемана сириянина, которого упомянутый пророк исцелил от проказы, принял дары, что по мнению непотребного раба должно было остаться тайной, так как господина его при этом не было (IV Цар. V, 8 — 27), то не тем ли более святые в оном духовном теле все будут видеть не только с закрытыми глазами, но даже и отсутствуя телом? Тогда наступит то совершенное, о чем говорит апостол: “Мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится”. Затем, желая пояснить некоторым подобием, как может это быть, он говорит, насколько от будущей жизни отличается настоящая жизнь, притом жизнь не каких-нибудь людей, а даже одаренных особенной святостью: “Когда я был младенцем, то по-младенчески

говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан” (I Кор. XIII, 11 — 12).

Итак, если уже в настоящей жизни, где даже пророчество людей удивительных так сравнимо с тою жизнью, как младенец — с мужем, Елисей, однако, видел своего раба принимающим дары, когда сам при этом не был; то когда душу не будет отягощать тленное тело, а тело нетленное никоим образом не будет ей помехой, будут ли святые нуждаться в том, чтобы видеть телесными глазами, в которых не испытывал надобности отсутствующий Елисей, чтобы видеть своего раба? Ибо в переводе Семидесяти слова пророка к Гиезию были такие: “Разве сердце мое не сопутствовало тебе, когда обратился на встречу тебе человек тот с колесницы своей?” (IV Цар. V, 26). А пресвитер Иероним с еврейского перевел так: “Не присутствовало ли сердце мое, когда вышел человек с колесницы на встречу тебе?” Пророк сказал, что видел сердцем своим при чудесной, конечно, помощи, и помощи, без сомнения, свыше. Но во сколько же раз полнее все будут обладать этим даром тогда, когда Бог будет все и во всем (I Кор. XV, 28)! Однако, и телесные глаза будут иметь свое назначение, останутся на своих местах, и дух будет ими пользоваться через духовное тело. Ведь и пророк тот, хотя и не имел в них нужды, чтобы видеть отсутствующего, пользовался и ими, чтобы видеть находящееся налицо; впрочем, и это он мог бы видеть с закрытыми глазами духом, точно так же, как видел отсутствующее, не будучи там лично. Итак, не станем говорить, что святые в той жизни не будут, если закроют глаза, видеть Бога, Которого они будут постоянно видеть духом.

Но вот еще вопрос: будут ли они видеть Его и телесными глазами, когда те будут открыты? Если в духовном теле глаза даже и духовные будут способны видеть столько же, сколько способны видеть и такие, какими мы имеем их теперь, то, без сомнения, ими нельзя будет видеть Бога. Ясно, что они будут иметь совершенно иную способность,

коль скоро посредством их будет созерцаться та бесконечная природа, которая не ограничена пространством, а находится везде и вся. Ведь если мы говорим, что Бог находится на небе и на земле (ибо Он Сам говорит через Пророка, что наполняет небо и землю (Иерем. XXII, 24)), то не скажем же на этом основании, что на небе Он находится одною частью, а на земле — другою, но что Он весь на небе и весь на земле, не попеременно, а разом там и здесь; что невозможно для природы телесной. Итак, сила тех глаз будет превосходнее не в том смысле, что зрение их станет острее, каково, как утверждают, зрение некоторых змей и орлов (ибо и с такою остротою зрения животные эти не могут ничего видеть, кроме тел), но в том, что они будут видеть и бестелесное. Может быть, эта-то великая сила зрения и дана была на время даже и в настоящем смертном теле глазам святого мужа Иова, когда он говорил: “Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле” (Иов. XLII, 5, 6). Хотя, впрочем, ничто не мешает под глазами разуметь здесь глаза сердца, о каковых глазах говорит апостол: “И просветил очи сердца вашего” (Еф. I, 18). А что именно этими глазами мы сможем видеть Бога, когда будем Его видеть, в этом не сомневается ни один христианин, с верою принимающий то, что говорит Учитель: “Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят” (Мф. V, 8). Но у нас вопрос о том, можно ли будет видеть Бога и телесными глазами.

Правда (в Евангелии) написано: “И узрит всякая плоть спасение Божие” (Лук. III, 6); но изречение это без всякого затруднения можно понимать так, как если бы было сказано: “И увидит всякий человек Христа Божия”, Который был видим в теле и в теле же будет видим, когда станет судить живых и мертвых. А что Христос есть спасение Божие, об этом свидетельствуют многие места Писания, но с особенной ясностью слова досточтимого старца Симеона, который, взяв на руки младенца Христа, сказал: “Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое” (Лук. II, 29,

30). И в изречении вышеупомянутого Иова: “Во плоти моей увижу Бога” (Иов. XIX, 26; по Вульгате), — как передают эти слова списки, переведенные с еврейского, — хотя, понятно, высказано пророчество о воскресении плоти, однако не сказано: “(Увижу Бога) посредством плоти моей”. Если бы было сказано таким образом, то можно было бы разуть Христа Бога, Которого мы увидим во плоти посредством плоти; в настоящем же своем виде изречение это может быть понято и в таком смысле, как если бы вместо слов: “Во плоти моей увижу Бога”, было сказано: “Буду во плоти, когда увижу Бога”. И изречение апостола: “Лицом к лицу” (I Кор. XIII, 12) не вынуждает нас веровать, что Бога, Которого мы будем нескончаемо видеть духом, увидим мы телесным лицом, на котором находятся телесные глаза. Ведь если бы тут разумелось и внешнее лицо человека, тот же апостол не сказал бы: “Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа” (II Кор. III, 18). Не иначе понимаем мы и то, что воспевается в псалме: “Кто обращал взор к Нему, те просвещались, и лица их не постыдятся” (Пс. XXXIII, 6). К Богу теперь мы приступаем верою, которая, как известно, есть дело сердца, а не тела. Но так как нам не известно, как (к Нему) приступать будет духовное тело (а об этом-то неизведанном предмете мы и говорим), то в настоящем случае, когда мы не имеем руководства и опоры в каком-либо авторитете священных Писаний, который понимать различно нельзя, по необходимости в удел нам достается то, о чем сказано в книге Премудрости, а именно: что помыслы смертных боязливы и ошибочны измышления их (Прем. IX, 14).

Конечно, если бы рассуждение философов, путем которого они приходят к мысли, что предметы мысленные мы видим умственным взором, а чувственные, т. е. телесные, телесными чувствами, так что ум наш не может созерцать ни мысленных предметов посредством тела, ни телесных — без посредства тела, — если бы рассуждение это было несомненно верным, то было бы несомненно верно и то, что Бога нельзя видеть глазами даже и

духовного тела, но это рассуждение опровергают и здравый смысл, и пророческий авторитет. В самом деле, кто же настолько отклонился от истины, чтобы осмелился сказать, будто Бог не знает телесного? А разве Он имеет тело, глазами которого мог бы это знать? С другой стороны, сказанное выше о пророке Елисее не достаточно ли показывает, что телесные предметы можно видеть и духом, а не только телом? Ведь когда раб тот принял дары, без сомнения, это было действием телесным, которое пророк видел, однако, духом; почему же не будет таковой и способность духовного тела, чтобы телом можно было видеть и дух? А Бог и есть Дух. Затем, каждый из нас свою собственную жизнь, которую он живет ныне в теле и которую делает бодрыми и живыми свои настоящие земные члены, знает посредством внутреннего чувства, а не посредством телесных глаз; напротив, жизнь других, хотя она и невидима, видит посредством тела. Ибо откуда бы иначе отличали мы живые тела от неживых, если бы не видели в одно и то же время и тела, и саму жизнь, которой не можем видеть иначе, как через тело? Без тела же мы не видим жизни телесными глазами.

Поэтому возможно и вполне допустимо, что мировые тела нового неба и новой земли мы будем видеть тогда так, что при посредстве этих тел, которые будем и сами носить, и встречать повсюду, куда только устремим свои взоры, будем с полнейшею ясностью видеть и Бога, всюду присутствующего и всем, даже и телесным, управляющего, а не так, как теперь мы видим невидимое Божие через рассматривание сотворенного (Рим. I, 20), как бы через тусклое стекло, гадательно и отчасти (I Кор. XIII, 12); притом, для нас имеет большее значение вера, которой мы верим, чем сам вид телесных предметов, видимых нами при посредстве телесных глаз. Но как теперь живых и обнаруживающих свою жизнь жизненными движениями людей мы по первому же на них взгляду не верою считаем живыми, а видим такими, хотя не можем видеть самой по себе их жизни, которую, без всякого сомнения, видим в них при помощи тел; так же точно при посредстве тел будем видеть и бестелесного, всем управляющего Бога

повсюду, куда только обратим духовные взоры своих тел. Таким образом, если мы будем видеть Бога телесными глазами так, что они в состоянии такого превосходства будут иметь нечто подобное уму, чем могла бы быть видима и бестелесная природа (что, впрочем, трудно и даже невозможно доказать какими бы то ни было примерами и свидетельствами божественных Писаний), или же (что понять легче) Бог будет нами познаваем и созерцаем так, что видеть Его будет духом каждый из нас и в каждом из нас, один в другом, и в самом себе, и в новом небе и новой земле, и во всем, чем будет тогда тварь, во всяком теле, на которое только будут направлены изощренные глаза духовного тела. Тогда даже и помыслы наши будут открыты взаимно у одних для других. Ибо тогда исполнится то, что апостол непосредственно за словами: “Не судите никак прежде времени”, прибавляет: “Пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога” (I Кор. IV, 5).

Глава XXX

А каково будет то блаженство, когда не будет уже никакого зла, не будет сокрыто никакое добро и занятие будет состоять в хвале Богу, Который будет все во всем! Ибо не знаю, чем другим могут заниматься там, где будет нескончаемый досуг, где не будет труда, вызываемого какою-либо нуждой. Кроме того, в этом убеждает меня и святая песнь, в которой я читаю или слышу: “Блаженны живущие в доме Твоем; они непрестанно будут восхвалять Тебя” (Пс. LXXXIII, 5). В этой хвале Богу будут преуспевать все члены и внутренности нетленного тела, которые теперь, как видим, заняты различными необходимыми отправлениями; потому что тогда не будет самой этой необходимости, а настанет полное, невозмутимое и безмятежное блаженство. В самом деле, тогда не будут уже скрыты все те, расположенные внутри и вне по всему составу тела, части телесной гармонии, о которых я уже

говорил и которые в настоящее время скрыты, и вместе с прочими великими и удивительными предметами, какие мы там увидим, будут воспламенять к хвалу такому Художнику наш разумный ум, исполняя его чувством разумной красоты. Какие будут там движения тех тел, это я не берусь определить, да и не могу этого представить. Впрочем, и движение, и спокойное состояние, а также и само лицо, какие бы там они тогда ни были, будут приличествовать тому месту, где не будет ничего, что было бы неприличным. Без сомнения, тело постоянно будет там, где захочет дух, но дух не захочет ничего такого, что могло бы быть неприличным как для духа, так и для тела.

Там будет истинная слава, где каждый будет восхваляться не по ошибке и не по заискиванию восхваляющего. Там будет истинная честь, которая не будет ни отрицаться у кого-либо достойного, ни предоставляться кому-либо недостойному; к ней не будет допущен ни один недостойный, так как там не будет дозволено быть никому, кроме достойных. Там будет истинный мир, где никто не будет терпеть никакой неприятности ни от себя самого, ни от других. Наградой добродетели будет служить там Тот, Кто даровал добродетель и обетовал ей Самого Себя, лучше и выше Кого не может быть ничего. Ибо сказанное Им через пророка: “Буду вашим Богом, а вы будете Моим народом” (Лев. XXVI, 12), что иное значит, как не следующее: Я буду Тем, откуда будет происходить все, чего только люди будут желать честно: и жизнь, и здоровье, и питание, и богатство, и слава, и честь, и мир, и всякое вообще благо? Такой же истинный смысл имеют и слова апостола: “Будет Бог все во всем” (I Кор. XV, 28). Он будет целью наших желаний, Кого мы будем лицедреть без конца, любить без отвращения и восхвалять без утомления. Эта обязанность, это расположение сердца и это занятие будут, конечно, общими для всех, как общей будет и сама вечная жизнь.

Впрочем, кто может представить мыслью, а тем более высказать словами, какие сообразно с заслуженными наградами будут степени чести и славы? Несомненно только,

то они будут. Но блаженный град тот будет видеть в себе столь великое благо, что низший не будет так завидовать высшему, как не завидуют теперь архангелам прочие ангелы; каждый тогда не захочет быть тем, чего не получил, хотя и соединен будет с получившим самыми тесными узами согласия, подобно тому, как в теле глаз не желает быть пальцем, хотя тот и другой заключаются в одном неразрывном составе тела. Таким образом, один будет иметь дар меньше, чем другой, но иметь его будет, не желая большего.

Будут тогда обладать и свободною волей потому, что грехи уже не будут в состоянии доставлять удовольствие. И свобода эта будет выше, потому что очищена будет от удовольствия грешить ради непреложного удовольствия не грешить. Первая данная человеку, когда он был сотворен правым, свободная воля могла не грешить, но могла и грешить; эта же будущая свобода будет могущественнее той, потому что будет уже в состоянии невозможности грешить. И такой она будет по дару Божию, а не по возможности, заключающейся в самой ее природе. Ибо одно дело — быть Богом, и совсем другое — быть причастным Богу. Бог не может грешить по самой природе; причастный же Богу невозможность грешить получает от Бога. В этом божественном даре должны были существовать степени, так что сначала дана была такая свободная воля, при которой бы человек мог не грешить, а в будущем такая — при которой бы он уже не мог грешить; первая имела отношение к состоянию награды, а последняя — к состоянию получения награды. Но так как природа наша согрешила, потому что могла и согрешить, то, очищаясь при посредстве обильнейшей благодати, она приводится в состояние той свободы, при которой не могла бы грешить. Как первое бессмертие, которое Адам потерял вследствие греха, состояло в том, что (человек) мог не умереть, а будущее будет состоять в том, что мы тогда уже не сможем умереть; так же точно первая свобода состояла в том, что мы могли не грешить, а будущая будет состоять в том, что мы тогда поставлены будем в состояние невозможности грешить. Ибо воля к благочес-

тию и правде не будет потеряна, как не потеряна теперь воля к блаженству. Правда, из-за греха мы не сохранили ни благочестия, ни блаженства, но потеряв блаженство, не потеряли самой воли к блаженству. По крайней мере, в самом Боге, хотя Он и не может грешить, разве по этой причине следует отрицать свободную волю? Итак, в том граде будет у всех одна и каждому присущая свободная воля, очищенная от всякого зла и исполненная всякого добра, нескончаемо наслаждающаяся утехами вечных радостей, забывшая о своей вине и своих наказаниях, но не забывшая о своем освобождении настолько, чтобы не быть благодарной своему Освободителю.

Таким образом, по отношению к теоретическому знанию будет и там существовать воспоминание прошлых зол; по отношению же к ощущению будет полное их забвение. Ведь и самый опытный врач, насколько говорит ему наука, знает почти все болезни тела, а как телом они ощущаются, не знает весьма многих, каких не испытал сам. Отсюда, как знание зол бывает двоякого рода: одно, по которому зло бывает известно теоретически, а другое, которое получается через перенесение зла на опыте (иначе, конечно, знаем мы пороки из наставлений мудрости, и иначе — из порочнейшей жизни человека глупого); так и забвение зол бывает двух родов. Иначе забывает о них человек образованный и ученый, и иначе — человек, перенесший и испытавший их сам; первый, когда не обращает внимания на опыт, а последний, когда освобождается от (самих) злополучий. Сообразно с этим последним видом забвения святые не будут помнить своих прошлых зол, потому что будут свободны от них настолько, что все их злополучия совершенно изгладятся из их чувств. Однако, сила знания, которая в них будет велика, будет напоминать им не только об их собственном прошлом злополучии осужденных, но и о вечном злополучии осужденных. В противном случае, т. е. если они не будут знать, что были злополучны, каким образом воспоют они, как говорится в псалме, милости Господа вечно (Пс. LXXXVIII, 2)? Утешительнее этой песни во славу благо-

дати Христа, кровью Которого мы избавлены, для града того не будет решительно ничего.

Тогда исполнятся слова: “Остановитесь и познайте, что Я Бог” (Пс. XLV, 11). Это будет поистине великою, не имеющей вечера субботою, которая восхваляется Господом при первых делах мира, там, где читаем: “И почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмый день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал” (Быт. II, 2, 3). Седьмым днем будем даже и мы сами, когда будем исполнены и обновлены Его благословением и освящением. Там, остановившись, увидим, что Он есть Бог, чем хотели быть мы сами, когда отпали от Него, услышав слова обольстителя: “Вы будете как боги” (Быт. III, 5), и отделились от истинного Бога, по творческой воле Которого мы должны были быть богами не через оставление Бога, а через причастие. Ибо, что сделали мы без Него, как не изнемогли во гневе Его (Пс. LXXXIX, 9)? Освободившись от этого гнева и достигнув совершенства превозмогшею гнев благодатью, мы будем свободны во веки, видя, что Он есть Бог, Которым и мы будем полны, когда Он будет все во всем. Ведь и сами наши добрые дела вменяются нам для получения нами этой субботы в том случае, когда мы смотрим на них, как на Его дела, а не как на наши. Если мы будем приписывать их себе, в таком случае они будут делами рабскими, ибо о субботе говорится: “Не делай в оный никакого дела” рабского* (Втор. V, 14). Поэтому и пророком Иезекиилем говорится: “Дал им также субботы Мои, чтоб они были знамением между Мною и ими, чтобы знали, что Я — Господь, освящающий их” (Иезек. XX, 12). Это мы вполне узнаем тогда, когда будем вполне свободны и вполне увидим, что Он есть Бог.

Само число веков, как бы дней, если мы будем считать их по тем периодам времени, указание на которые находим в Писании, окажется субботствованием, потому что число это есть семь; так, первый век, как бы первый день,

* Прибавка “рабского” в каноническом издании отсутствует.

считается от Адама до потопа, второй — от потопа до Авраама; равны они, впрочем, не продолжительностью времени, а числом поколений, так как в том и в другом их по десять. Затем, от Авраама до пришествия Христова, по исчислению евангелиста Матфея, следуют три века, из которых каждый заключает в себе по четырнадцать поколений, а именно: от Авраама до Давида, от Давида до переселения в Вавилон и от переселения в Вавилон до рождества Христова. Всех, стало быть, пять. Теперь идет шестой, которого не следует измерять никаким числом поколений ввиду того, что сказано: “Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти” (Деян. 1, 7). После этого века Бог как бы почует в седьмой день, устроив так, что в нем почует и сам этот седьмой день, чем будем уже мы сами. О каждом из этих веков подробно рассуждать теперь было бы долго. По крайней мере, этот седьмой век будет нашей субботой, конец которой будет не вечером, а Господним, как бы вечным восьмым днем, который Христос освятил Своим воскресением, предизображая этим вечный покой не только духа, но и тела. Тогда мы освободимся и увидим, увидим и возлюбим, возлюбим и восхвалим. Вот то, чем будем мы без конца! Ибо какая иная цель наша, как не та, чтобы достигнуть царства, которое не имеет конца?

Считаем долг настоящего великого труда с помощью Божией исполненным. Для кого он мал или для кого слишком велик, пусть извинят меня, а для кого достаточен, пусть не мне, а вместе со мною воссылают благодарение Богу. **Аминь.**

СОДЕРЖАНИЕ

АВРЕЛИЙ АВГУСТИН (БЛАЖЕННЫЙ)

“О ГРАДЕ БОЖИЕМ”

Книга XIV	3
Книга XV	50
Книга XVI	109
Книга XVII	175
Книга XVIII	228
Книга XIX	312
Книга XX	371
Книга XXI	445
Книга XXII	508

Директор издательства:

Абышко О. Л.

Главный редактор:

Савкин И. А.

Художественное оформление:

Еремеев С. И.

Грызлова О. А.

Редактор:

Еремеев С. И.

Оригинал макет подготовлен в издательстве УЦИММ-Пресс (г. Киев, ул. Сосюры, 5)

На обложке изображена церковь св. Георгия в скалах (Лалибела, сев. Африка, неподалеку от родины блаж. Августина), в плане представляющая собою простой крест.

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

Санкт-Петербург, ул. 2-ая Советская, д. 27

Телефон издательства: (812) 277-2119

Факс: (812) 277-5319

Телефоны оптовых продаж:

⇒ в Москве: (095) 113-4320

⇒ в Киеве: (044) 243-5939

⇒ в Санкт-Петербурге: (812) 277-2119

Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Объем 19 п. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 3601

Отпечатано с готовых диапозитивов в Санкт-Петербургской типографии «Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

**Издательство «Алетейя»
готовит к выходу в свет:**

А. П. Лебедев

**«Очерки внутренней истории
Византийско-восточной Церкви
в IX, X и XI веках»**

Книга профессора церковной истории А. П. Лебедева, написанная на основе глубокого изучения источников и привлечения солидной научной литературы, рассказывает о внутренней истории византийской Церкви от времен иконоборчества (942 г.) до первого Крестового похода (1096 г.) Автор поставил целью в доступной форме рассказать историю византийской Церкви за два с половиной века во всех ее проявлениях. В первом разделе рассматривается отношение Церкви, государства и византийского общества между собой. Отдельно изучается вопрос о предыстории разделения Церкви на западную и восточную. Во втором разделе речь идет о материальном и нравственном положении духовенства и мирян в Империи. Наконец, отдельный большой раздел автор посвятил подробному освещению проблем византийской образованности в IX—XI веках вообще и богословской науки и литературы в частности. При этом рассказывается об организации и функционировании богословских школ. В качестве приложения печатаются две статьи А. П. Лебедева: «Царствование императора Никифора Фоки в церковно-историческом отношении» и «Церковь византийская и римская в их взаимных обрядовых и догматических спорах».

Издание заново отредактировано, снабжено указателями, хронологическими таблицами, списком новейшей литературы и является продолжением публикации основных трудов выдающегося русского церковного историка А. П. Лебедева в рамках серии «Византийская библиотека».

Книга выходит в декабре 1997 г. Объем издания около 500 страниц. Формат 60 × 90^{1/16}. Серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования».

Для всех интересующихся византийской историей и культурой, а также историей Церкви.

*Издательство «Алетейя»
готовит к выходу в свет:*

Лебедев А. П.

История разделения Церквей в IX, X и XI веках.

Книга А. П. Лебедева «История разделения церквей в IX, X и XI веках» посвящена изображению борьбы между константинопольскими патриархами и римскими папами, стремящимися подчинить себе всю Вселенскую Церковь. Эта борьба рассматривается автором под различными углами зрения, обращается внимание на догматические противоречия между Востоком и Западом, политическое противостояние двух кафедр и честолюбивые мысли римских пап о «мировом господстве».

Главное содержание книги — противостояние двух церковных партий: игнатианской и фотианской, по имени главных их вождей — патриархов Константинополя Игнатия и Фотия. Именно эта борьба, по мнению А. П. Лебедева, оказала большое влияние на разделение Церквей. Указав начальные моменты возникновения этих партий, ученый дает глубокую и исчерпывающую их характеристику и с должным вниманием проследживает все перипетии их борьбы. При этом события восстанавливаются по различным источникам, многие из которых дошли до нас в очень плохом состоянии. Алексей Петрович Лебедев живо и ярко характеризует личности, которые участвовали в борьбе: патриархов Фотия и Игнатия, Николая Мистика, Михаила Кирулария, римских пап Николая I, Адриана II и Льва IX, императоров Василия I и Льва Мудрого, кесаря Варду.

Изложение материала идет в хронологической последовательности. Автор подробным образом характеризует противостояние Константинополя и Рима во времена патриарха Фотия. Затем рассказывается о борьбе патриарха Николая Мистика с притязаниями римских пап во времена спора о 4-м браке при императоре Льве Мудром. В конце книги освещается вопрос об окончательном разделении Церквей при патриархе Михаиле Кируларии и папе Льве IX в середине XI века.

Книга снабжена комментариями, указателями и списком новейшей литературы по данному вопросу. Общий объем около 450 страниц. Серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования». Для всех интересующихся византийской историей и культурой, а также историей Православия.

Національна бібліотека Національної Академії Наук України
<http://lib.kiev.ua>

Національна бібліотека Національної Академії Наук України
<http://lib.kiev.ua>